

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

18
2020
ЧАСТЬ IV

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 18 (308) / 2020

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Жураев Хусниддин Олтинбоевич, кандидат педагогических наук (Узбекистан)
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азиз Боситович, доктор философии (PhD) по педагогическим наукам (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, кандидат архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинев Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Алан Тьюринг* (персонаж фильма «Игра в имитацию», роль которого сыграл актер Бенедикт Камбербэтч), английский математик, логик, криптограф, оказавший существенное влияние на развитие информатики

«Игра в имитацию» (англ. *The Imitation Game*) — историческая драма о криптографе военного времени Алане Тьюринге, который взломал код немецкой шифровальной машины «Энигма» во время Второй мировой войны и позже был привлечен к уголовной ответственности по обвинениям в совершении «грубой непристойности» в соответствии с «поправкой Лабушера». Это первая англоязычная работа норвежского режиссера Мортена Тильдума по сценарию Грэма Мура, основанная на биографической книге «Алан Тьюринг: Энигма» Эндрю Ходжеса.

Несколько интересных фактов о создании фильма:

— Машина для дешифровки «Энигмы», показанная в фильме, была сделана по копии оригинальной машины, построенной Тьюрингом и ныне расположенной в музее в Блетчли-Парк. Художник-постановщик Мария Джуркович, однако, призналась, что эта машина специально была сделана больших размеров, чем на самом деле, и с более открытыми внутренними механизмами, чтобы она эффективнее смотрелась в фильме.

— К выходу фильма в США газета *The New York Times* напечатала оригинальный кроссворд, который *The Daily Telegraph* использовала в 1942 году для набора дешифровщиков для работы в Блетчли-Парк в период Второй мировой войны. Решившие этот кроссворд могли отправить в редакцию газеты свои результаты, чтобы получить шанс выиграть поездку в Лондон на двоих и экскурсию по знаменитому особняку Блетчли-Парк.

— Алекс Лоутер, который сыграл молодого Тьюринга, и Бенедикт Камбербэтч — оба носили в фильме зубные протезы, которые являлись точной копией оригинальных вставных зубов Алана Тьюринга.

— В фильме Алан Тьюринг бежит в различных сценах, однако при этом не упоминается, что он действительно активно занимался бегом, выступал на соревнованиях и показывал результаты мирового уровня.

— Журнал *Time* поместил Бенедикта Камбербэтча с его ролью Алана Тьюринга на первое место в списке «Лучшая актерская игра» за 2014 год.

— С персонажа Марка Стронга, Стюарта Мензиса, был списан босс Джеймса Бонда — «М».

— Грэм Мур хотел написать сценарий к фильму об Алане Тьюринге с 14 лет, когда он стал помешанным на информатике.

— Первоначально на главную роль в фильме рассматривали кандидатуру Леонардо ДиКаприо, а к разработке проекта привлекались различные режиссеры, в том числе Рон Ховард и Дж. Блэйксон.

— Костюм с синей полоской, который носит Марк Стронг на протяжении всего фильма, является подлинным костюмом из 1940-х. Он был выбран специально, чтобы выделить его персонаж среди подчиненных и придать ему вид босса мафии.

— 10 ноября 2014 года воссозданная кинематографистами электронно-механическая машина для расшифровки кода «Энигмы» была отправлена на выставку в Блетчли-Парк в Великобритании. Также на этой выставке представлена одежда, которую носили актеры, и использованный при создании фильма реквизит.

— Племянница Тьюринга, Ина Пейн, согласилась с тем, что Бенедикт Камбербэтч очень хорошо подошел на роль Алана Тьюринга, но при этом была не согласна с выбором Киры Найтли на роль Джоан Кларк, заявив, что реальная Джоан была «довольно простой».

— Настоящее название электронно-механической машины для расшифровки кода «Энигмы» — *Bombe*.

— Кое-кто утверждает, что Бенедикт Камбербэтч и Алан Тьюринг на самом деле являются дальними родственниками. Однако сам актер никак эти слухи не подтверждает: «Если углубиться в прошлое, то окажется, что Англия — маленькая деревня, в которой все друг друга знают. Могу только сказать, что таким родством я бы гордился».

— Картина была удостоена крайне высоких оценок мировой кинопрессы. Национальный совет кинокритиков США и Американский институт киноискусства включили «Игру в имитацию» в топ-10 фильмов 2014 года, а сценарист Грэм Мур стал лауреатом премии «Оскар» в номинации «Лучший адаптированный сценарий».

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Бычкова Е. М.

К вопросу о понятиях иностранного инвестора и коммерческой организации с иностранными инвестициями..... 235

Бятец А. В.

О некоторых проблемах оперативно-розыскного обеспечения деятельности территориальных органов МВД России при чрезвычайных обстоятельствах 237

Володичева В. О.

Распорядительная сделка по обороту долей: каузальная или абстрактная? 239

Гага Н. И., Рузавина О. Ю.

Административное правонарушение в сфере незаконного оборота наркотиков и психотропных веществ 241

Гайдацук А. И.

Квалификация действий совершеннолетнего, фактически участвующего в преступлении с лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности 244

Глебова А. П.

Международно-правовые основы в области противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ на современном этапе 247

Голопузов И. В.

Право подозреваемого давать показания как средство защиты от уголовного преследования 249

Гончарова О. В.

Требования к кандидату на службу в органы прокуратуры..... 250

Грязева Т. Е.

Проблемы правового механизма субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц..... 252

Дорофеева М. Г., Тищенко М. С.

Квалификация действий, связанных с неправомерным завладением каршеринговым транспортным средством..... 254

Енин А. Е.

Понятие обвиняемого в современном уголовном процессе 256

Зыкова А. В.

К вопросу о злоупотреблении пассивным избирательным правом в Российской Федерации 257

Иванова М. С.

Некоторые особенности наследования земельных участков в США..... 259

Клычлиева Ю. Ч.

Защита прав подозреваемого и обвиняемого в условиях состязательного процесса 262

Кокобелян А. В.

Международно-правовые стандарты содержания лиц в учреждениях пенитенциарной системы 264

Кокобелян А. В.

Правовые основы ресоциализации лиц, находящихся в местах принудительного содержания..... 267

Кошенко Я. О.

Административная ответственность за использование земельных участков не по целевому назначению 270

Крылова И. А. Должностной рост государственных служащих как стимул для эффективного выполнения служебных обязанностей 274	Морозов В. Л. Убийство по мотиву кровной мести..... 295
Кудрявцев Е. А. Становление государственной молодежной политики в Российской Федерации 277	Морозова Е. А. Сущность отдельных процедур в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) юридического лица 296
Маринина Н. В. Процессуальные аспекты заключения и расторжения досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам 279	Никитин В. В. Обязательное пенсионное страхование как граница достойных пенсий в Российской Федерации 298
Марков Д. С., Гаврилов Е. О. Гражданско-правовая защита от недостоверной информации, распространенной в сети интернет..... 284	Никифорова А. А., Черногорцева Я. Э. Исторические аспекты становления и развития правового регулирования земельных участков в России 300
Меркуль С. Е., Шмачкова К. Т. Институт совместного завещания супругов в России 286	Никифорова А. А., Черногорцева Я. Э. Ранее учтённый статус земельного участка: проблемы правового регулирования..... 302
Меркурьев Д. И. Проблемы оценки земельных участков в целях купли-продажи 288	Новикова А. А. Судебная медиация 303
Мионов К. Ю. Публичный порядок и нормы непосредственного применения как основания по российскому праву для отказа в признании и приведении в исполнение решений иностранных судов 290	Панов Ю. А. Развитие договора коммерческой концессии в РФ 305

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

К вопросу о понятиях иностранного инвестора и коммерческой организации с иностранными инвестициями

Бычкова Евгения Михайловна, студент магистратуры
Ивановский государственный университет

В статье автор анализирует понятия иностранного инвестора и коммерческой организации с иностранными инвестициями.

Ключевые слова: иностранный инвестор, инвестиция, коммерческая организация с иностранными инвестициями.

Федеральный закон от 31.05.2018 № 122-ФЗ [1] уточняет понятие «иностраный инвестор», которое содержится в ст. 2 Федерального закона от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» [2]. При анализе понятия «иностраный инвестор» важно обратить внимание на то, что редакция Федерального закона № 122-ФЗ исключает из данного понятия иностранных юридических лиц и иностранные организации, не являющиеся юридическим лицом, которые находятся под контролем гражданина РФ и (или) российского юридического лица. Кроме того, к иностранным инвесторам не могут относиться иностранные граждане, имеющие также гражданство РФ.

Стоит отметить, что определение иностранного инвестора в федеральном законе «Об иностранных инвестициях в РФ» закрепляется с помощью простого перечисления, а для определения личного статуса иностранного инвестора применяется категория гражданской правоспособности, которая устанавливается в соответствии с законом того государства, в котором зарегистрировано юридическое лицо, а также иностранные организации, не обладающие статусом юридического лица, а также в котором проживают иностранные граждане и лица без гражданства.

Очевидно, что при определении понятия «иностраный инвестор» законодатель обращался к коллизионным критериям, которые используются в международном частном праве. Коллизионные нормы, закрепленные в статьях 1195 и 1202 ГК РФ [3], в данном случае определяют личный закон физических и юридических лиц и отличаются императивным характером, т. е. стороны правоотношения по соглашению между собой не вправе его изменить.

Данная позиция законодателя в юридической литературе критикуется. Так, по мнению Н. Г. Дорониной

и Н. Г. Семилютиной, при регулировании инвестиционных отношений с участием иностранного элемента нецелесообразно выяснять, в соответствии с каким законом был учрежден тот или иной иностранный инвестор [4]. В таком случае наиболее важен вопрос отнесения этого субъекта к понятию «иностраный инвестор».

Также отметим, что в инвестиционных договорах, стороной которых является Российская Федерация, обычно предусмотрено, что под инвестором понимаются следующие лица:

- физическое лицо, имеющее гражданство договаривающейся стороны;

- корпорация, компания, фирма, организация, ассоциация и др., учрежденная в соответствии с применимым на территории договаривающейся стороны законодательством, при условии, что она правомочна в силу законодательства своей договаривающейся стороны осуществлять капиталовложения на территории другой договаривающейся стороны [5, с. 13].

На наш взгляд такая неоднозначность в определении понятия «иностраный инвестор» недопустима и требует устранения на законодательном уровне путем унификации данного определения в соответствующих нормативных актах.

Наиболее распространенной формой осуществления иностранных инвестиций в российской экономике является создание коммерческих организаций с иностранными инвестициями, положения о которых закреплены в ст. 4 Федерального закона № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в РФ».

Коммерческая организация с иностранными инвестициями (КОИИ) является российским юридическим лицом, поскольку создается на территории России и в соответствии с российским законодательством.

Федеральный закон «Об иностранных инвестициях в РФ» предусматривает порядок создания коммерческих организаций с иностранными инвестициями. Он не ограничивает иностранное лицо в выборе вида юридического лица. Он исключает из сферы своего действия только коммерческие организации с иностранными инвестициями, создаваемые в области страхования и банковской деятельности.

На наш взгляд, правовой статус КОИИ в Федеральном законе № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в РФ» четко не определен; отдельные положения об этом разбросаны по разным статьям и часто не согласованы между собой. Из Федерального закона № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в РФ» не ясно, относится ли сама КОИИ к иностранным инвесторам. В статью 2 вышеуказанного закона, содержащую перечень иностранных инвесторов, КОИИ не включена, т. е. можно сделать вывод, что она не признана иностранным инвестором.

Вместе с тем, в соответствии с п. 5 ст. 4 Федерального закона № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в РФ» КОИИ, созданная на территории Российской Федерации, в которой иностранный инвестор (иностранцы инвесторы) владеет (владеют) не менее чем 10 % доли, долей (вклада) в уставном (складочном) капитале указанной организации, при осуществлении ею реинвестирования пользуется в полном объеме правовой защитой, гарантиями и льготами, установленными данным Федеральным законом.

Отметим, что создание, реорганизация и ликвидация коммерческих организаций с иностранными инвестициями в Российской Федерации осуществляются на условиях и в порядке, которые предусмотрены ГК РФ и другими федеральными законами, в частности, Федеральным законом от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», за изъятиями, которые могут быть установлены федеральными законами [6].

Регистрация таких организаций осуществляется в общем порядке — налоговыми органами. Кроме общих документов, которые требуются для регистрации любого юридического лица, здесь необходимы также выписка из реестра иностранных юридических лиц соответствующей страны происхождения или иное равное по юридической силе доказательство юридического статуса иностранного юридического лица — учредителя (ст. 12 Закона о государственной регистрации).

Пункт 6 статьи 4 Федерального закона № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в РФ» содержит положения об особенностях приобретения и утраты российской коммерческой организацией статуса КОИИ. Важно, что независимо от размера доли участия иностранного инвестора в уставном капитале данный статус присваивается российской коммерческой организации со дня

вхождения в состав ее участников иностранного инвестора. С этого дня коммерческая организация с иностранными инвестициями и иностранный инвестор пользуются правовой защитой, гарантиями и льготами, установленными законом «Об иностранных инвестициях в РФ».

Вышеуказанное положение подтверждает, что иностранный инвестор может также приобрести доли участия в уставном капитале ранее созданных и уже действующих на территории РФ хозяйственных обществ.

Необходимо отметить, что статус коммерческой организации с иностранными инвестициями прекращает свое действие со дня выхода иностранного инвестора из состава ее участников. Примечательно, что при наличии нескольких иностранных инвесторов в составе участников такой организации статус утрачивается только в случае выхода всех иностранных инвесторов. С этого дня указанная коммерческая организация и иностранный инвестор утрачивают правовую защиту, гарантии и льготы, установленные Федеральным законом «Об иностранных инвестициях в РФ».

Важно также учитывать, что, несмотря на статус КОИИ, реальных иностранных инвестиций на баланс организации может и не поступить. Например, российский участник ООО продал свою долю иностранному юридическому лицу. Стоимость доли от иностранного инвестора получило не общество, а выходящий из его состава российский участник. Тем не менее, такая организация считается юридическим лицом с участием иностранного инвестора.

Зарегистрированные в РФ организации с участием иностранных инвестиций, в свою очередь, могут создавать в России дочерние и зависимые общества, но последние не пользуются правовой защитой, льготами и гарантиями, установленными законом об иностранных инвестициях (п. 4 ст. 4 ФЗ № 160 «Об иностранных инвестициях в РФ»).

Таким образом, следует заключить, что квалификация инвестора в качестве иностранного обычно осуществляется на основании гражданства физического лица и места учреждения организации. В то же время наряду с ними представляется целесообразным использовать дополнительные критерии — постоянное место жительства или нахождения, место осуществления основной деятельности, место нахождения инвестиции, а также контроля, которые позволяют более точно установить связь элементов возникшего инвестиционного правоотношения с территорией принимающего или иностранного государства.

Кроме того, на наш взгляд, в ФЗ № 160 «Об иностранных инвестициях в РФ» необходимо более четко и последовательно определить понятие и правовой статус коммерческой организации с иностранными инвестициями.

Литература:

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения понятия «иностранец»: Федеральный закон от 31.05.2018 № 122-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 04.06.2018, N 23, ст. 3229 // СПС «КонсультантПлюс»,
2. Об иностранных инвестициях в Российской Федерации: Федеральный закон от 09.07.1999 № 160-ФЗ (ред. от 31.05.2018) // Собрание законодательства РФ, 12.07.1999, № 28, ст. 3493 // СПС «КонсультантПлюс»,
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья): Федеральный закон от 26.11.2001 N 146-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // СЗ РФ. 2001, № 49, ст. 4552 // СПС «КонсультантПлюс»,
4. Доронина, Н. Г., Семилютина Н. Г. Международное частное право и инвестиции: науч.-практ. исслед. М.: Кон-тракт, Волтерс Клувер, 2011. // СПС «КонсультантПлюс»,
5. Семочкина, М. А. Инвестиционная деятельность с участием иностранных инвесторов в Российской Федерации (правовой аспект): Автореф. дисс. ... канд. юр. наук. М., 2014. — 29 с.
6. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: федеральный закон от 08.08.2001 N 129-ФЗ (ред. от 26.11.2019) // СЗ РФ, 13.08.2001, N 33 (часть I), ст. 3431, // СПС «Консультант-Плюс».

О некоторых проблемах оперативно-розыскного обеспечения деятельности территориальных органов МВД России при чрезвычайных обстоятельствах

Бятец Андрей Владимирович, слушатель
Академия управления МВД России (г. Москва)

В статье рассмотрены организационные и правовые аспекты оперативно-розыскного обеспечения деятельности территориальных органов МВД России при чрезвычайных обстоятельствах. Основное внимание уделено проблемным вопросам организации оперативно-розыскных мероприятий при проведении специальных операций, мероприятий при чрезвычайных обстоятельствах и при ликвидации их последствий.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскное обеспечение, органы внутренних дел, специальная операция, специальное мероприятие, территориальные органы МВД России, особые условия, последствия, усовершенствование, специальные операции, чрезвычайные обстоятельства.

About some problems of operational search support of activity of territorial agencies of the ministry of internal affairs of Russia under emergency circumstances

Bjatets Andrej Vladimirovich, listener
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow)

The article deals with organizational and legal aspects of operational search support for the activities of territorial agencies of the Ministry of internal Affairs of Russia in emergency circumstances. The main attention is paid to the problematic issues of organizing operational search activities during special operations, events in emergency circumstances and in the elimination of their consequences.

Keywords: operational-search activity, operational-search support, internal Affairs agencies, special operation, special event, territorial agencies of the Ministry of internal Affairs of Russia, special conditions, consequences, improvement, special operations, emergency circumstances.

Бесспорно, без осуществления оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) невозможно выполнение оперативно-служебных задач, стоящих перед органами внутренних дел (далее — ОВД) при действиях в условиях чрезвычайных обстоятельств.

ОВД должны эффективно функционировать во время любых чрезвычайных обстоятельств, которые приводят или могут вызвать осложнение обстановки на территории оперативного обслуживания, и требуют использования особых методов для их разрешения.

Практика показывает, что успешно решать задачи по оперативно-розыскному обеспечению (далее — ОРО) на стадии зарождения, протекания, ликвидации последствий чрезвычайных обстоятельств можно только путем использования всех имеющихся форм и методов ОРД. Однако в необычных, чрезвычайных обстоятельствах, в действиях группировки сил и средств нередко отсутствуют оперативность и скоординированность. Возникают ошибки в расстановке сил, связи между ними и обмене оперативными данными. Ввиду неправильного анализа оперативно-розыскной информации, руководителями допускаются неточности в оценке оперативной обстановки, ее динамики и угрозы, а решения не соответствуют сложившимся условиям. Указанные факторы негативно сказываются на проводимых мероприятиях, и зачастую способствуют еще более значительному ухудшению ситуации.

Многостороннее обеспечение действий группировки сил и средств в особых условиях — приоритетная задача органа оперативного управления (далее — ООУ). Результативность проводимых мероприятий во многом зависит от профессиональной и морально-психологической готовности личного состава, его достаточности и материально-технической обеспеченности.

Суть ОРО состоит во всестороннем применении сил и средств оперативных подразделений с целью поиска информации, представляющей оперативный интерес, для выработки необходимых решений, установления подозреваемых лиц, документирования их преступной деятельности. И в то же время, установление подозреваемых лиц к задачам ОРО при подготовке и проведении мероприятий группировки сил и средств не относится, так как задачами ОРД являются: выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших; осуществление розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, а также розыска без вести пропавших; добывание информации о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации; установление имущества, подлежащего конфискации [1].

Необходимость ОРО вызвана тем, что в экстремальных условиях, при использовании специальных оперативно-розыскных методов, нелегко выявлять процессы, происходящие в латентной форме, среди различных групп граждан. Оптимально организованное ОРО служит для подготовки планов специальных мероприятий, их изменения и дополнения, маневра силами и средствами, т. е. генерации верных решений с учетом оперативной обстановки.

В связи с этим определяющим звеном ОРО выступает его информационная составляющая. При этом, как указывает Д. М. Берова, собранная при проведении оператив-

но-розыскных мероприятий (далее — ОРМ) информация уже к началу официального расследования обеспечивает эффективное использование данных ориентирующего характера и возможность ввода в уголовно-процессуальную деятельность надлежащим образом оформленных результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве источников доказательств [2].

На сегодняшний день, к приоритетным задачам ОРО деятельности группировки сил и средств при мероприятиях, операциях в особых условиях относятся: мониторинг обстановки вблизи объектов оперативного обслуживания; совершенствование деятельности оперативных подразделений по получению и использованию оперативно-значимой информации; разработка экстремистски настроенных групп; слежение за опасными и важными объектами, которые могут попасть под воздействие криминалитета, и оценка уровня опасности для общества объектов, потенциально угрожающих возможным появлением чрезвычайных ситуаций; прогноз последствий чрезвычайных ситуаций, произошедших или прогнозируемых; осуществление давления на лидеров и членов криминальных структур для ослабления их влияния посредством реализации негласных мероприятий; применение специальной техники в период проведения ОРМ; предупреждение рецидивной преступности и оперативное сопровождение расследуемых преступлений, проведение мероприятий по розыску и задержанию активных участников преступной деятельности; охрана жизни и здоровья очевидцев, а также сотрудников группировки сил и средств, привлекаемых при осуществлении оперативных мероприятий и др.

При этом, основное направление работы оперативных аппаратов в ходе ОРО сосредоточено на анализе и оценке оперативной обстановки на территории обслуживания и расположенных на ней объектов, с помощью которых возможно спрогнозировать появление угрозы, а в случае наступления события, явления — гарантировать эффективность в управлении силами и средствами для нормализации обстановки и недопущения рецидивного возникновения чрезвычайных обстоятельств независимо от места (район, объект и т. п.).

При совершенном преступном деянии в условиях чрезвычайных обстоятельств первоначальные оперативно-розыскные мероприятия необходимо проводить незамедлительно. Это связано, прежде всего, со стремительностью изменения оперативной обстановки и проблематичностью обстановки, ситуации, в которых они осуществляются и, зачастую, недостатком или неточностью информации о преступлении, лице, его совершившим, и т. п. Вместе с тем, результативность ОРО связана с тем, насколько своевременно и грамотно будет осуществлена работа с конфиденциями, а также взаимобмен данными между подразделениями и службами ОВД, иными правоохранительными органами.

Важно учитывать такие обстоятельства, как: изменчивость обстановки, сохранность следов на месте престу-

пления с течением времени; противодействие раскрытию преступления со стороны преступников путем уничтожения следов, сокрытия и/или реализации имущества, добытого преступным путем и смены мест своего проживания; возможная неточность и путанность показаний потерпевших, свидетелей и очевидцев при повторных опросах, что тем самым влечет утерю обстоятельств, имеющих важное значение. Следовательно, качество и достоверность данных на стадии реализации во многом зависит от того, насколько меньше времени будет затрачено с момента получения информации о преступлении до осуществления первоначальных ОРМ.

Зачастую информация, полученная в период чрезвычайных обстоятельств, представляющая оперативный интерес и требующая оперативной проверки в рамках соответствующего дела, бывает утерянной. Период чрезвычайных обстоятельств может быть использован лицами с преступными намерениями для подготовки и совершения преступлений, информация о данных фактах может быть скрыта или утрачена в информационном потоке. Именно этим и объясняется необходимость незамедлительного осуществления первоначальных ОРМ на месте произошедших событий, связанных с преступлениями общекриминального характера.

Подводя итог, выделим три группы основных задач ОРО:

1. Предупредительные, в части получения информации о криминальных проявлениях с целью их пресечения на этапе возникновения (похищение оставленного имущества, материальных и культурных ценностей, пе-

репродажа или спекуляция жизненно необходимыми товарами, попытки мародерства, создание паники, намеренное распространение ложных сведений и т. д.);

2. Противодействующие — при выполнении задач в рамках оперативно-служебной деятельности (предотвращение и пресечение попыток совершения преступлений; установление всех активных участников; документирование действий и задержание подозреваемых лиц; уточнение настроений в обществе и в отдельных группах жителей, прогнозирование реакции населения на предпринимаемые действия правоохранительными органами и самими правонарушителями);

3. Завершительные — при ликвидации последствий, приведении оперативной обстановки к нормальному состоянию (выявление и раскрытие преступлений, установление местонахождения и изъятие похищенного имущества, установление свидетелей и иных лиц, обнаружение вещественных доказательств и др.).

Помимо этого, на всех этапах, начиная с угрозы возникновения и завершения ликвидации последствий чрезвычайных обстоятельств ОРО деятельности территориальных органов МВД России присущ специальный (особый), целевой по назначению и ограниченный по времени характер. В связи с этим, главными формами ОРД в указанных условиях представляются: добывание, обобщение, изучение и взаимообмен информацией, представляющей оперативный интерес; осуществление совместных ОРМ с другими органами правопорядка, а также тактических учений и сборов по отработке координации и согласованности действий оперативными аппаратами [3].

Литература:

1. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ (дата обращения: 10.10.2019).
2. Берова, Д. М. Правовое обеспечение использования результатов оперативно-розыскной деятельности: проблемы и решения // Общество и право, 2013. № 3 (45). — с. 204–208. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-obespechenie-ispolzovaniya-rezultatov-operativno-rozysknoy-deyatelnosti-problemy-i-resheniya/> (дата обращения: 11.10.2019).
3. Буткевич, С. А. Оперативно-розыскное обеспечение деятельности органов внутренних дел в особых условиях: проблемы теории и практики // Вестник Краснодарского университета МВД России, 2015. № 4 (30). — с. 185–190. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/operativno-rozysknoe-obespechenie-deyatelnosti-organov-vnutrennih-del-v-osobyh-usloviyah-problemy-teorii-i-praktiki/> (дата обращения: 11.10.2019).

Распорядительная сделка по обороту долей: каузальная или абстрактная?

Володичева Влада Олеговна, студент
Сибирский юридический университет (г. Омск)

С целью исключить злоупотребление в сфере оборота долей в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью и устранить пробелы в за-

конодательном регулировании правового положения обществ с ограниченной ответственностью законодателем были приняты Федеральный закон от 30.12.2008

№ 312 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4], а также Федеральный закон от 19.07.2009 № 205 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5], которые ввели новый режим оборота долей, заключающийся в обязательном нотариальном удостоверении сделок с долями и частями долей (статья 21 Федерального закона № 14 «Об обществах с ограниченной ответственностью» [6] (далее — Закон об ООО)).

В рамках заявленной темы нас прежде всего интересуют пункты 11,12 статьи 21 Закона об ООО, которые устанавливают для сделки, направленной на отчуждение доли, обязательную нотариальную форму и привязывают момент перехода доли к моменту удостоверения данной сделки. После вынесения рассматриваемых положений среди российских правоведов возник вопрос: «Можно ли отчуждать долю или часть доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью по соглашению, предусматривающему переход после наступления определенного условия либо по истечению установленного срока?».

Для разрешения поставленного вопроса в абз. 3 пункта 11 статьи 21 Закона об ООО законодателем разделяется два вида сделок:

1. «Договор, устанавливающий обязательство совершить сделку, направленную на отчуждение доли или части доли» (в качестве такого договора может выступать договор купли-продажи, мены).

2. Непосредственно сделка, направленная на отчуждение доли.

Следует исходить из того, что законодатель сознательно использует определенные термины и представленное выше разделение двух правовых категорий совершено неслучайно. Следовательно, при обороте долей правильным будет различать обязательственную сделку, в качестве которой законодатель указывает сделку, устанавливающую обязательство передать долю, и распорядительную сделку, предметом которой является передача доли отчуждателем [2].

Так какая же из сделок по обороту долей (обязательственная, распорядительная или обе) подлежат нотариальному удостоверению?

Чтобы ответить на поставленный вопрос, следует проанализировать нормы Закона об ООО и мнение отечественных правоведов. Павлов А. А. [3] в своей работе также отмечает о несовершенстве формулировок указанной статьи в части вопроса о том, какая именно сделка подлежит нотариальному удостоверению:

Во-первых, из содержания пункта 2 статьи 21 Закона об ООО следует, что законодатель термин «отчуждение» и «продажа доли» относит к числу однопорядковых явлений, используя их в одном логическом ряду.

Во-вторых, в анализируемой норме содержится положение о применении преимущественного права покупки

при совершении сделки, направленной на отчуждение доли. Бесспорно, что институт преимущественного права применяется лишь в правоотношениях, возникших на основании обязательственных сделок.

Мы склонны придерживаться позиции, согласно которой нотариальному удостоверению подлежит именно распорядительная сделка. Нотариальное удостоверение распорядительных сделок дает гарантию остальным субъектам гражданских правоотношений в той части, что субъект, отчуждающий долю, действительно имеет соответствующее право и является ее владельцем.

Обобщая высказанную мысль, можно сделать следующий вывод: удостоверение обязательственной сделки по отчуждению доли или части доли не направлено на защиту интересов участников гражданского оборота и не отвечает их потребностям, поэтому такое удостоверение негативно скажется на обороте долей.

После того, как нами приведены аргументы в пользу нотариального удостоверения именно распорядительных сделок, мы можем ответить на некоторые вопросы, возникающие на практике при обороте долей.

Теперь рассмотрим еще один не менее важный вопрос о том, какой же по своей правовой природе является распорядительная сделка по обороту долей — каузальная или абстрактная? Законодатель по общему правилу каждую сделку признает каузальной (сделка считается действительной в зависимости от ее основания), если иное не указано в законе.

По нашему мнению, следует признать абстрактной распорядительную сделку по обороту долей ввиду приведенных далее соображений. Нетрудно заметить, что в качестве основания распорядительной сделки по обороту долей или части доли может быть, как договор (купли-продажи, мены, дарения), так и корпоративное решение. Ввиду этого, основополагающим доказательством в пользу позиции об абстрактности распорядительной сделки, является ее универсальность и независимость от основания сделки при передаче доли приобретателю.

К тому же, вопрос о характере распорядительной сделки представляет в том числе и практический интерес. Например, в случае признания распорядительной сделкой по обороту долей каузальной, нотариус при удостоверении такой сделки будет вынужден изучить и подвергнуть анализу лежащую в основании обязательственную сделку, что непременно повлечет практические проблемы для гражданского оборота:

Во-первых, как действовать нотариусу в том случае, когда обязательственная сделка регулируется нормами иностранного государства? При таких обстоятельствах российскому нотариусу придется дать правовую оценку основания распорядительной сделки, т. е. дать оценку документам, которые подчиненные иностранному материальному праву на соответствие их законности. Вероятнее всего, нотариус откажет в удостоверении сделки по обороту долей или части доли обществе с ограни-

ченной ответственностью и тогда стороны, принявшие на себя обязательство купли-продажи доли, фактически не смогут исполнить его и совершить распорядительную сделку.

Во-вторых, обязательственные сделки зачастую существенно сложны, поскольку они могут состоять как из одного документа или же нескольких документов в сотни страниц. В связи с этим, российский нотариус после ознакомления с текстом сделки может не понять в полной мере ее содержание, посчитав, что обязательственная сделка не соответствует российскому закону и в итоге откажется удостоверить распорядительную сделку.

Аналогичной точки зрения придерживается Бевзенко Р. С., который утверждает, что при удостоверении распорядительной сделки нотариус действует согласно российскому праву, на акцентируя внимание на договоренность сторон сделки, содержащуюся в тексте инвести-

ционных контрактов, относительно права, которому они подчинили соглашение [1].

Практическую значимость поставленного вопроса подтверждает своими суждениями и Павлов А. А., придерживающийся позиции, что остается не решенным вопрос о зависимости действительности распорядительных сделок от своего основания, который в тоже время является предметом для доктринальных дискуссий. Помимо этого, автор также указывает, что наиболее приемлемым стоит считать подход, когда нотариус при удостоверении сделки не проверял условия обязательственной сделки.

На основании анализа, проведенного в данном параграфе научно-исследовательской работы, можно сделать вывод, что в целях облегчения гражданского оборота необходимо признать распорядительную сделку по обороту долей или части доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью абстрактной.

Литература:

1. Бевзенко, Р. С. Основные положения Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации о сделках, обязательствах и договорах (в части, относящейся к нотариату) // Нотариальная практика в свете изменений гражданского законодательства: материалы учебных курсов для президентов нотариальных палат субъектов Российской Федерации. М., 2011. с. 42.
2. Зайцев, О. Р. Новая редакция Закона об ООО и антирейдерский закон — работа над ошибками // Закон. 2009. № 11.
3. Павлов, А. А. Отчуждение доли в уставном капитале общества: актуальные проблемы нотариальной и судебной практики // Нотариальная практика в свете изменений гражданского законодательства: Материалы учебных курсов для президентов нотариальных палат субъектов Российской Федерации. Москва, 15–23 ноября 2010 года. М., 2011. с. 49–50.
4. О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон 30.12.2008 № 312-ФЗ. Доступ из СПС «Консультант-Плюс».
5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон 19.07.2009 № 205-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Об обществах с ограниченной ответственностью: федер. закон от 08 февраля 1998 № 14-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
7. Об обществах с ограниченной ответственностью: федер. закон от 08 февраля 1998 № 14-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Административное правонарушение в сфере незаконного оборота наркотиков и психотропных веществ

Гага Николай Игоревич, курсант
Восточно-Сибирский институт МВД России (г. Иркутск)

Рузавина Ольга Юрьевна, студент
Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Иркутск)

В статье рассматриваются противодействия незаконному обороту наркотиков и психотропных веществ посредством административного законодательства, которое регулирует правоотношения, возникающие по поводу оборота наркотиков, а также устанавливает административную ответственность за их незаконный сбыт. Приводится ак-

туальность данной темы в российской системе права, при помощи анализа современной литературы и законодательства.

Ключевые слова: административные правонарушения, административная ответственность, наркотические средства, психотропные вещества, прекурсоры.

Administrative offense in the sphere of illicit trafficking in drugs and psychotropic substances

Gaga Nikolai Igorevich, cadet

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Irkutsk)

Ruzavina Olga Yurievna, student

East-Siberian Branch of the Russian State University of Justice (Irkutsk)

The article deals with counteraction to illicit trafficking of drugs and psychotropic substances through administrative legislation, which regulates legal relations arising from drug trafficking, as well as establishes administrative responsibility for their illegal sale. The relevance of this topic in the Russian system of law, with the help of the analysis of modern literature and legislation.

Keywords: administrative offenses, administrative responsibility, narcotic drugs, psychotropic substances, precursors.

За последние десятилетия вещества, так называемые наркотические, пагубно влияющие на психическое состояние человека, стали неотъемлемой частью жизнедеятельности круг лиц, образующих целое наркозависимое общество, они порождают немаловажные проблемы на сегодняшний день. Несмотря на то, что наркотики стали немного гуманнее, проблема наркомании никуда не исчезла. Большое количество людей подвергаются этому воздействию каждый день, каждый час. По данным статистики, начиная с 2000 года рост смертности от употребления героина превышал 130000 тысяч человек в год и лишь только с 2005 года эти цифры пошли на убыль, а в 2013 достигли максимального уровня смертности от героина умерло 94600 человек. Это говорит о том, что героин постепенно теряет свою востребованность в связи с появлением на рынке новых наркотических средств, полученных искусственным путём, и закрепившем за собой название «синтетических наркотиков». На сегодняшний день наркотики становятся частью субкультуры многих слоёв населения, в первую очередь — молодёжи. Под их влиянием происходит изменение мировоззрения: отношение к себе, к окружающему миру, к жизненным ценностям. Употребляя наркотики, психотропные вещества и их аналоги, молодое поколение стремится уйти от реальных жизненных проблем в мир иллюзий. Жизнь этих молодых людей сводится к желанию получить удовольствие, насладиться, испытать эйфорию именно сейчас, о будущем, как правило, они не думают. Большая часть населения, а именно, молодёжь, достаточно спокойно относятся к тем, кто употребляет наркотики, так и к тем, кто их распространяет.

Наркобизнес — одна из прибыльных «отраслей» преступной деятельности. Главная особенность наркобизнеса состоит в его уникальной способности к саморазвитию и самовосстановлению. Именно поэтому борьба

с незаконным оборотом наркотиков часто оказывается малоэффективной, несмотря на весьма значительные усилия правоохранительных органов. Сегодня в нашей стране ответственность за незаконный оборот наркотических средств и их аналогов предусмотрена не только Кодексом об административных правонарушениях, но и, конечно же, Уголовным Кодексом Российской Федерации. Примерно 10 % возбуждаемых сотрудниками органов внутренних дел и органов по контролю за оборотом наркотиков дел об административных правонарушениях в области оборота наркотиков связан со ст. 6.8 КоАП РФ. Так, за 2018 год всего было выявлено 128 190 административных правонарушений в сфере оборота наркотиков, из них 15 462 правонарушения были связаны с применением ст. 6.8 КоАП РФ. За хранение, потребление, оборот и другие правонарушения, которые, так или иначе, связаны с наркотиками, предусмотрена юридическая ответственность. Данное правонарушение влечет за собой наложение административного штрафа в размере от четырех тысяч или административный арест на срок до пятнадцати суток. Примечание к этой статье гласит, что лицо, добровольно сдавшее приобретенные без цели сбыта наркотические средства, психотропные вещества, их аналоги или растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, либо их части, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, освобождается от административной ответственности за данное административное правонарушение. [1] Административная ответственность является более мягкой мерой, которую можно применить к виновному. Лицо, подлежит административной ответственности в тех случаях, когда размер наркотического или психотропного вещества составляет меньше крупного размера, установленного Правительством Российской Федерации индивидуально для каждого наркотического вещества. [3]

В настоящее время сфера незаконного оборота получила очень сильную популяризацию, посредством развития телекоммуникационных средств, и сети «Интернет». Если раньше незаконный оборот наркотиков был от лица к лицу, то сейчас они могут появиться где угодно: на стенах зданий и сооружений, на гаражах в спальных районах, на трансформаторных будках, близи школ, больниц или детских садов, в подземных переходах, что говорит нам об опасности не только взрослого населения, но и несовершеннолетних. Также приобретение наркотических средств разного происхождения при помощи сети «Интернет» упростило жизнь подростков, поскольку их можно приобрести, не выходя из дома, а именно на различных интернет сайтах получить необходимую информацию об интересующем наркотическом средстве, кроме этого, посредством социальных сетей намного легче договориться о приобретении наркотического средства или его аналога, а также о способе оплаты. В интернете можно не только легко приобрести наркотик, но также легко стать распространителем данного наркотика, как это называется в сфере незаконного оборота: «Курьером». Это говорит о том, что население нашей страны находится в полной без защищённости. Правоохранительным органам стало очень сложно бороться с подобным типов явления, так как методы защиты и поиска злоумышленников достаточно неразвиты. Повсеместная распространённость сети интернет оказывает существенную роль в распространении незаконного оборота наркотиков, государственные органы должны принимать адекватные меры, направленные на борьбу с этим негативным явлением, позволяющие не только уменьшить незаконный оборот наркотиков, а вовсе искоренить его из нашего общества. Все смирились с тем, что дозу «отравы» теперь можно купить также легко, как и пачку сигарет. Однако речь идет о национальной катастрофе: мы живем в обществе, в котором каждый час появляется новый наркоман. В связи с тем, что происходит стремительный рост новых наркотиков и непрекращающийся подъём правонарушений за незаконное употребление наркотических средств, актуальным вопросом является совершенствование законодательства в области противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ. Современное законодательство испытывает различные изменения в нормативно-правовых актах федеральных органов государственной власти, которые устанавливают меры административной ответственности. В связи с этим, изучение данных вопросов, которые приносят значимые проблемы в правовом регулировании административной ответственности за такие правонарушения считается актуальным и своевременным в целях повышения эффективности и противодействия наркологической угрозе.

Нельзя не согласиться с мнением М. А. Хатаевой по данной проблеме. В своей статье «Развитие законодательства в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров». Автор говорит о такой проблеме, ко-

торая непосредственно связана с поиском и реализацией действенных мер противодействия их незаконному распространению. Одной из важных мер является улучшение законодательства в сфере предотвращения незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. М. А. Хатаева упоминает, что анализ законодательства Российской Федерации в данной области указывает на отсутствие необходимых мер противодействия в отношении граждан иностранных государств и лиц, не имеющих гражданства, которые не безучастны в распространении наркотических средств и психотропных веществ на территории России. Исходя из этого введение такого административного наказания, как административное выдворение за пределы нашей страны, которое в свою очередь позволит повысить эффективность мер в сфере противодействия наркотическому обороту, что содействует решению данной проблемы, это необходимая мера. [7]

Так, например, Болотин И. В. в своей научной работе говорит о том, что одним из путей решения данного вопроса может стать введение в статьи КоАП РФ квалифицированных составов правонарушений, которые выделяют ответственность при наличии именно наркотического опьянения. Так же, по его мнению, имеется необходимость в оказании помощи и лечении наркопотребителей в конструкции административно правового побуждения, дополнительной обязанностью прохождения диагностики стало улучшение перечня организационных вопросов, мероприятия профилактического характера, в связи с употреблением запрещенных веществ активизировалось лечение и реабилитация наркозависимых, а также связанные с их употреблением категория административных правонарушений. [5]

Бондарь А. Н. в своей работе утверждает, что «в противодействии незаконному обороту наркотиков, обязаны быть приняты административно правовые средства противодействия». Он считает, что такая система обязана включать в свое содержание не только те институты, которые уже показали себя на практике как эффективные, но и новые, проработанные отечественной наукой и зарубежной практикой и включенные в отечественный правовой массив. [6]

Наибольшего внимания заслуживает Федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах». Он является базовым правовым актом, который устанавливает правовые основы государственной политики в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ, в области противодействия их незаконному обороту в целях охраны здоровья граждан, государственной и общественной безопасности, а также, определяющий структуру законодательства в данной рассматриваемой области. [2]

Без внимания нельзя оставить мнение таких научных исследователей как Абрамов А. Ю., Косолапова Н. В., Михайлова Ю. В., в своей совместной работе «Современное российское законодательство в сфере оборота наркоти-

ческих средств и психотропных веществ» авторы также высказывают мнение по данной проблеме «действующее в стране законодательство не лишено пробелов и расхождений». Ещё одной проблемой, которую рассматривают авторы, является проблема того, что в последние годы существенно увеличивается потребление сильнодействующих веществ, оставленных без внимания анализируемым выше законом. Кроме того, научные деятели обращают свое внимание на потребность в уточнении понятий «наркотическое средство» и «психотропное вещество». [4]

В заключении хотелось бы сказать, что проблеме незаконного оборота наркотиков в настоящее время необ-

ходимо уделять максимум внимания. В этих целях усилие общества следует направить не только на совершенствование законодательства, но на формирование общественного мнения о сущности, содержании и месте наркомании в жизни общества, её опасных последствий для жизни и здоровья людей, необходимости устранения причин и условий, способствующих её распространению. Проанализировав проблемы и вопросы, рассмотренные научными деятелями, не могу не согласиться с их мнением о необходимости исправления и внесения корректировки в КоАП РФ. Потребность постоянного улучшения законодательства содержится в сохранении населения, совершенствования общества в целом.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 02.08.19) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.10.2018) [Электронный ресурс] — доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс» [Дата обращения: 12.10.2019]
2. Федеральный закон «О наркотических средствах и психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» от 08.01.1998 № 3 ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] — доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс» [Дата обращения: 12.10.2019]
3. Постановление Правительства РФ от 30.06.1998 № 681 «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации». [Электронный ресурс] — доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс» [Дата обращения: 12.10.2019]
4. Абрамов, А. Ю., Косолапова Н. В., Михайлова Ю. В., Современное российское законодательство в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ. / Абрамов А. Ю. — 2014. — № 2. — с. 9–14.
5. Болотин, И.В Проблемы административной ответственности за правонарушение в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ и их прекурсоров. / Болотин И. В. // Среднерусский вестник общественной наук — 2015. — № 5 — с. 131–137.
6. Бондарь, А. Н. Актуальные вопросы формирования системы административно-правовых средств противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. / Бондарь А. Н. // Пробелы в Российском законодательстве — 2012. — № 2 — с. 293–295.
7. Хатаева, М. А. Развитие законодательства в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ. // Журнал Российского права. — 2010. — № 12. — с. 56–64.

Квалификация действий совершеннолетнего, фактически участвующего в преступлении с лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности

Гайдашук Александр Игоревич, студент магистратуры
Российский государственный университет правосудия (г. Москва)

В статье автор пытается определить квалификацию действий совершеннолетнего, фактически участвующего в преступлении с лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности.

Ключевые слова: уголовная ответственность, УК РФ, совершение преступления, субъект преступления, Верховный Суд РФ, лицо.

Существенная часть преступлений в России совершаются в соучастии. Статистика МВД РФ показывает количество преступников, которые совершили преступление в составе группы: в 2015 г. — 152072 чел., в 2016 г. — 141478 чел., в 2017 г. — 131165 чел., в 2018 г. —

127015 чел., за январь по сентябрь 2019 г. — 90150 чел. [2]. Очевидно, что совершение преступления в группе является частым явлением на практике, и факт того, что совершение преступления парой или несколькими лицами гораздо опаснее, чем преступление, совершенное одним

субъектом, является бесспорным. В действительности, преступлений, совершенных в соучастии, гораздо больше зарегистрированных. Из общего числа преступлений фиксируются случаи, которые только на первый взгляд просто квалифицировать.

К примеру, двое лиц коллективно совершают объективную сторону кражи. Одно лицо является субъектом преступления, другое — нет (не достигло возраста уголовной ответственности). Каким образом квалифицируются действия группы? Считаем верной позицию тех ученых, кто придерживается мнения о невозможности квалификации данного преступления как совершенного группой лиц по предварительномуговору, поскольку отсутствует один из объективных признаков соучастия, а именно: участие двух лиц. Данный признак предполагает наличие у лиц деликтоспособности. Статья 20 Уголовного кодекса РФ [3] (далее УК РФ) закрепляет возраст уголовной ответственности. Согласно статье 19 УК РФ можно сформулировать положение: лицо, совершившее преступление и достигшее определенного возраста, подлежащее уголовной ответственности является субъектом уголовно-правовых отношений. Таким образом, лицо, совершившее деяние, предусмотренное УК РФ, но не достигшее установленного возраста уголовной ответственности, напротив, не является субъектом уголовно-правовых отношений. Отсюда следует, что УК РФ конкретно определяет, что субъектом преступления является лицо, считающееся вменяемым и достигшее возраста уголовной ответственности. Таким образом, если УК РФ определяет, что соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления, то речь идет исключительно о лицах, достигших возраста уголовной ответственности. Иное бы противоречило логике, т. е. субъектом преступления признавались бы животные и малолетние.

В таком случае, практика Верховного Суда РФ вызывает некоторые сомнения относительно квалификации деяния по признаку группы лиц по предварительномуговору или организованной группы, в которой только одно лицо является субъектом преступления. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [4] допускалась квалификация преступления, совершённого «группой лиц по предварительномуговору» или как «организованной группой» в случае, если исполнители преступления отвечали требованиям ст. 19 УК РФ. В следующей редакции того же Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2010 г. пункт 12 был исключен.

Таким образом, позиция Пленума Верховного Суда РФ позволяет квалифицировать преступление, совершённое двумя или несколькими лицами, одно из которых не достигло возраста уголовной ответственности как соучастие в форме группы лиц по предварительномуговору или организованной группы, Другими словами, Верховный Суд РФ возложил решение данной проблемы на усмотрение судей.

Считаем обоснованной позицию, высказанной такими учеными как А. А. Арутюнов, Д. А. Безбородов, И. Э. Звечаровский, Н. Г. Иванов, А. П. Козлов, Г. А. Кригер, П. Ф. Тельнов, В. Н. Шиханов, П. С. Яни и др. [1, с. 57–65], которые не разделяют принятое решение Верховного Суда РФ. Полагаем, причиной занятой позиции Пленумом Верховного Суда РФ является повышенная общественная опасность вовлечения несовершеннолетнего, не являющегося субъектом преступления, в совершение преступления, поскольку у несовершеннолетних еще недостаточно сформирована морально-волевая сфера, поэтому это может пагубно повлиять на его личностное развитие.

Субъект преступления, использующее лицо, не имеющее признаков субъекта, при этом, не выполняя объективную сторону преступления, является непосредственным исполнителем. В данном случае закон сравнивает совершение преступления субъектом преступления совместно с несовершеннолетними, не достигшими возраста уголовной ответственности как с животными [5]. Вместе с этим, сложно оспаривать мнение о большей опасности преступления, совершенного вместе с несубъектом, нежели совершенное с животными. К совершению преступления вовлекается лицо, не являющийся субъектом преступления в силу возраста, но у которого достаточно физических и психических качеств для совершения части преступления, тем самым субъект преступления облегчает себе выполнение объективной стороны преступления на основании того, что подросткам свойственна обучаемость и умение самостоятельно действовать в различных ситуациях.

Следует обратить внимание на то, что потерпевшему безразлично, кто посягает на него: субъект преступления и лицо, не достигшее возраста уголовной ответственности. С позиции потерпевшего считается несправедливым привлечение к ответственности за совершение преступления только одного лица, когда его совершали двое. Потерпевший, а также негодный субъект, (лицо, не достигшее возраста уголовной ответственности) вовлеченный в преступление, требуют большей уголовно-правовой защиты.

На основе вышеизложенного, предлагаем дополнить ч. 3 ст. 150 УК РФ после слов «... с применением насилия или с угрозой его применения» следующим образом: «а также те же деяния совершенные в отношении лица, не достигшего возраста уголовной ответственности», тем самым увеличив ответственность вовлекшего лица.

Считаем правильным усилить ответственность субъекта преступления, вовлекшего лицо, не достигшее возраста уголовной ответственности, в совершение преступления. За увеличение «человеческих ресурсов», поскольку, именно два человека совершают преступление, что увеличивает общественную опасность и при посягательстве на человека, ему труднее защитить свои права. За вовлечение несовершеннолетнего, у которого низкий уровень психического развития и представления о морали в силу возраста, чем у несовершеннолетнего, достигшего возраста уголовной ответственности, требуется уве-

личить уголовную ответственность субъекта, вовлекшего несовершеннолетнего, не достигшего возраста уголовной ответственности.

В тексте Постановления (абзац 5 пункта 42) Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 [6] презюмируется, что субъект, вовлекший в преступление, должен привлекаться в качестве посредственного причинителя, если несовершеннолетний, не достигший возраста уголовной ответственности, совершил преступление (ч. 2 ст. 33 УК РФ), т. е. правоприменитель предусмотрел случай, когда объективную сторону преступления выполняет только несовершеннолетний, не достигший возраста уголовной ответственности, в то время как совершеннолетний только вовлек его в совершение преступления и не выполняет объективную сторону вместе с несовершеннолетним, не достигшим возраста уголовной ответственности. Считаем, данный абзац Постановления Пленума не распространяется на случаи вовлечения несовершеннолетнего, не достигшего возраста уголовной ответственности, в преступление, выполняемое совместно с тем лицом, достигшим совершеннолетия, которое вовлекло ребенка в преступление, поскольку формулировка «в случае совершения преступления несовершеннолетним, не подлежащим уголовной ответственности...» однозначно трактуется как совершение несовершеннолетним, не достигшим возраста уголовной ответственности, фактических деяний, направленных на совершение преступления, в одиночку, даже если он (несовершеннолетний, не подлежащий уголовной ответственности) был вовлечен совершеннолетним.

Предложенное нами нововведение не позволит применять п. «д» ч. 1 ст. 63 УК РФ «привлечение к совершению преступления лиц, ... не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность» по предложенной нами квалификации преступления по ч. 3 ст. 150 УК РФ, так как будет привлекаться одна и та же категория несовершеннолетних (лиц, не достигших возраста уголовной

ответственности), что, в свою очередь, подтверждается ч. 2 ст. 63 УК РФ (отягчающее обстоятельство, предусмотренное в статье Особенной части, не может повторно учитываться при назначении наказания). Данное нововведение усилит уголовную ответственность, именно совершеннолетнего лица. Обращаем внимание, что отягчающее обстоятельство не в полной мере учитывает общественную опасность вовлечения лица, не достигшего возраста уголовной ответственности в совершении преступления субъектом преступления. Постановление Пленума Верховного Суда РФ [7] не дает конкретных рекомендаций по назначению размера наказания при отягчающих обстоятельствах. Считаем, что и абзац 6 п. 32 приведенного постановления приведет абстрактную формулировку «... обстоятельства, отягчающие наказание, учитываются при назначении наказания за преступления с любой формой вины ...», а также п. 28 Постановления декларирует общий контекст важности установления отягчающих обстоятельств при назначении наказания. Существующие нормы Постановления не предполагают назначение конкретного размера наказания в пределах санкции при наличии отягчающих обстоятельств, предусмотренных ч. 1 ст. 63 УК РФ.

Предложенное нами нововведение позволит усилить уголовную ответственность совершеннолетних, вовлекших лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, и оно не коснется лиц, достигших возраста уголовной ответственности, но еще не являющихся совершеннолетними. Следует отметить, что данный аспект в данной статье не рассматривается.

Целью дополнения ч. 3 ст. 150 УК РФ является защита несовершеннолетних, не достигших возраста уголовной ответственности, от их вовлечения в совершение преступления путем увеличения наказания лицам, непосредственно вовлекшим их в совершение преступления и совместно с ними осуществляющих преступление.

Литература:

1. Мелешко, Д. А. Квалификация преступлений, совершенных при фактическом участии лиц, не подлежащих уголовной ответственности / Мелешко Д. А... — Текст: непосредственный // Уголовное право. — 2016. — № 4. — с. 57–65.
2. Состояние преступности // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 30.04.2020).
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996, № 25. Ст. 2954.
4. Пункт 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 06.02.2007 г.) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Электронный ресурс: СПС КонсультантПлюс.
5. Приговор Судебного участка № 2 г. Бердска (Новосибирская область) от 29 марта 2017 г. по делу № 1–4/2017. URL: <https://sudact.ru/magistrate/doc/tleE7BK0eUlK/> (дата обращения: 15.02.2020 г.).
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Электронный ресурс: СПС КонсультантПлюс.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Электронный ресурс: СПС КонсультантПлюс.

Международно-правовые основы в области противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ на современном этапе

Глебова Анастасия Павловна, студент магистратуры
Астраханский государственный университет

С каждым годом незаконный оборот наркотиков приобретает все более значительные масштабы, вовлекая в себя все больше государств, составляющих мировое сообщество. В современном мире государства в одиночку не смогут справиться с незаконным оборотом наркотиков. Необходимость взаимодействия в сфере обеспечения их международной и внутренней безопасности обусловила развитие тесного международного сотрудничества между различными государствами. Проблема наркомании разрослась и потребовала согласованных усилий всех государств.

Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ обладает большой степенью общественной опасности. Важно отметить, что угроза распространения наркотиков страшна не только сама по себе, но и включает в себя страшные вытекающие последствия: рост тяжелых заболеваний у населения, разрушение психики, пагубное воздействие на будущие поколения, угроза национальной безопасности. Особую опасность представляет собой связь оборота наркотиков с терроризмом [1, с. 134].

Основным направлением государственной политики и деятельности институциональных органов является обеспечение различных подсистем национальной безопасности, таких как военная, общественная и государственная.

Рост преступности в области незаконного оборота наркотических средств свидетельствует о формировании новых потенциальных угроз не только безопасности социальных подсистем, но и развитию России в целом.

Если обратиться к истории, можно отметить, что международно-правовые основы противодействия незаконному обороту наркотиков начали развиваться еще в начале XX века.

Первым международным договором по борьбе с наркотическими средствами является Международная опиумная конвенция 1912 года. [2, с. 167]. Данная конвенция стала стимулом для контроля над оборотом наркотических средств в ряде стран.

После окончания Первой мировой войны в 1918 г. в большинстве стран мира увеличился рост потребления наркотиков. Стоит упомянуть, что сильно вырос уровень незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, а также перемещения их через границы государств. Перед мировым сообществом появилась огромная необходимость в урегулировании оборота наркотиков. 10 января 1920 г. была создана международная организация — Лига Наций, в соответствии с положениями Версальского мирного договора. По-

мимо вопросов послевоенного урегулирования, на нее были возложены функции общего контроля над соглашениями по поводу оборота наркотических средств [3, с. 4].

Таким образом, контроль за международным законодательством в сфере незаконного оборота наркотиков в послевоенное время был возложен на Лигу Наций, которая начала все более ужесточать его после 1921 года [4].

За время своего существования данной организацией было принято несколько очень важных для решения образовавшейся проблемы международно-правовых актов. Данные акты напрямую касались контроля над наркотиками и борьбы с наркоманией. Основные из них были: Международная конвенция по опиуму 1925 года; Женевское соглашение о запрете производства, внутренней торговли и использования очищенного опиума 1925 года; Соглашение о воспрещении курения опиума 1931 года; Женевская конвенция об ограничении производства и о регламентации распределения наркотических средств 1931 года.

В 1924–1925 годах состоялось заседание антиопиумной конференции в Женеве. Несмотря на противоречия участников конференции была принята международная конвенция по опиуму 1925 года. В конвенции говорилось, что все стороны обязаны держать под контролем производство и продажу и транспортировку опасных наркотиков. Также конвенция постановила, что наркотические средства могут продаваться только в соответствии с законными потребностями государств. Также был продлен перечень наркотиков, добавленный Гаагской конвенцией 1912 года.

В Женеве 13 июля 1931 года была принята Ограничительная конвенция. Данная конвенция включила положения об ограничении производства наркотических и психотропных веществ и систему квот.

В 30-е года СССР ратифицировал Женевскую конвенцию 1925 года о запрещении изготовления, внутренней торговли и использования очищенного опиума и Женевскую конвенцию 1931 года об ограничении использования и регулировании распространения наркотиков [5, с.85–87].

Притом, проблема с ростом уровня преступности в сфере оборота наркотиков оставалась нерешенной. Новая конвенция должна была решить ту задачу.

В 1936 году была принята Конвенция, направленная на борьбу с незаконным оборотом наркотических средств, в том числе на борьбу с подпольной торговлей наркотических средств, и с международными преступными группировками.

После окончания Второй мировой войны контроль над оборотом наркотических средств и сотрудничество государств в этой сфере были существенно снижены.

В 1946 году была создана Комиссия ООН по наркотическим средствам. В состав Комиссии вошли представители 15 государств. Данная Комиссия осуществляет свою деятельность и по сей день. Ее деятельность заключается в координации международной борьбы с незаконным оборотом наркотических средств [6].

Принятие Единой Конвенции о наркотических средствах в 1961 году является одним из главных достижений Комиссии [7]. Данная конвенция унифицировала многочисленные ранее принятые международные документы и сократила число международных контролирующих органов.

Последующее развитие международно-правовых основ в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотических средств было связано с принятием Конвенции 1971 года [8], а также Конвенции ООН 1988 года [9]. Конвенция 1988 года способствовала модернизации национального законодательства многих государств в данной сфере.

В Российской Федерации в 1998 году был принят Федеральный закон «о наркотических средствах и психотропных веществах» [10]. Также был создан Центр межведомственного взаимодействия в сфере пресечения незаконного оборота наркотических средств при МВД России. Таким образом, Россией была предпринята попытка совершенствования противодействия в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ.

По указу Президента РФ 24 сентября 2002 года был создан Государственный комитет по противодействию незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ при Министерстве внутренних дел

РФ, который в 2003 году был преобразован в Государственный комитет Российской Федерации по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ.

В мае 2004 года комитет преобразовали в Федеральную службу Российской Федерации по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ [11].

9 июня 2010 года указом Президента была утверждена Стратегия государственной антинаркотической политики РФ до 2020 года [12].

Таким образом, вышеупомянутыми документами определяются основные направления по предупреждению и борьбе с организованной преступностью в сфере наркооборота. Национальные стратегии по борьбе с оборотом наркотических средств основаны на положениях Конвенции ООН 1961, 1971 и 1988 годов по мере необходимости модернизируются и дополняются. Я считаю, что активизация сотрудничества государств, которые ратифицировали Конвенцию 1988 года, существенно повысит уровень эффективности по противодействию наркобизнесу.

Таким образом, вышеизложенные международно-правовые основы стали утрачивать свое значение при обострении политического противоборства, так как в силу вступают не ценности Устава ООН, а так называемые «национальные интересы» государства, которое претендует на мировое лидерство. Данный подход противоречит Декларации тысячелетия, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 2000 году. Согласно Декларации верховенство права должно доминировать в международных и внутренних делах [13]. Исходя из этого я считаю, что из-за усложнения международных отношений требуется внесение изменений в действующую систему по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ.

Литература:

1. Галузинский, А. А. Причины и условия преступности, связанной с незаконным оборотом наркотиков. Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал, 2013 г. — 134 с.
2. Бокерия, С. А. Международно-правовое сотрудничество государств в области борьбы с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ: дисс. ... к.ю.н. М., 2006. 167 с.
3. Михайлова, Ю. В. Международно-правовое регулирование оборота наркотических средств и психотропных веществ: Социальные аспекты здоровья населения, Москва, 2013. — 4 с.
4. Афанасов, Э. М. История развития антинаркотического законодательства: международно-правовой и отечественный опыт // Общество и право. — 2009. — № 1
5. Рахматулин, Г. Г. История международных документов в сфере незаконного оборота наркотиков и психотропных веществ / Г. Г. Рахматулин, С. А. Пунтус // Основные тенденции развития Российского законодательства. 2017. № 8. с. 85–87
6. Ануфриева, Л. П. Международное публичное право. М.: Проспект, 2004.
7. Единая Конвенция о наркотических средствах 1961 года // Бюллетень международных договоров. 2000. № 8.
8. Конвенция о психотропных веществах 1971 года // Бюллетень международных договоров. 2000. № 8.
9. Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года
10. Федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 2 Ст.219.

11. Указ Президента России от 08.07.2004 № 976 «Вопросы Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков» //Собрание законодательства Российской Федерации. 2004.№ 31. Ст.3234
12. Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года// Собрание законодательства Российской Федерации. 2010.№ 24.3015
13. Декларация Тысячелетия Организации Объединённых Наций: принята Резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеей ООН 08.09.2000

Право подозреваемого давать показания как средство защиты от уголовного преследования

Голопузов Илья Викторович, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматривается право подозреваемого давать объяснения и показания по поводу имеющегося в отношении него подозрения. Данное право является одним из самых эффективных и наиболее используемых способов осуществления подозреваемым своего права на защиту.

Ключевые слова: право на защиту, право подозреваемого, защита от уголовного преследования.

Право на защиту — это основное право, которое отражает смысл всех предоставленных подозреваемому прав, выражает их процессуальную функцию, основной законный интерес — защиту от уголовного преследования. Все права подозреваемого по своему смыслу лишь конкретизируют право на защиту [1, с. 15]. Как отмечает Е. Э. Цибарт, значимость права на защиту обусловлена тем, что «оно предопределяет не только содержание остальных прав лица, но и способствует их успешной реализации» [2, с. 264].

Подозреваемый, выступая субъектом права на защиту, наделяется широким кругом процессуальных прав, позволяющих ему активно защищаться от возникшего подозрения и защищать свои законные интересы. Перечень прав подозреваемого дан в ст. 46 УПК РФ. Одним из важнейших прав подозреваемого выступает право давать объяснения и показания по поводу имеющегося в отношении него подозрения. Данное право является одним из самых эффективных и наиболее используемых способов осуществления подозреваемым своего права на защиту [3, с. 208].

Статья 51 Конституции РФ закрепляет положение, согласно которому никто не обязан свидетельствовать против самого себя самого. Отсюда вытекает право подозреваемого отказаться от дачи показаний, предусмотренное п. 2 ч. 4 ст. 46 УПК РФ. Данная норма Конституции не ограничивается возможностью отказа от дачи показаний. В соответствии с российским законодательством обвиняемый и подозреваемый вправе не только отказаться от дачи показаний, но и могут давать заведомо ложные показания и не несут за это ответственность.

Нельзя поспорить с тем, что подозреваемый имеет свой собственный интерес в исходе дела, который вызван его стремлением изложить обстоятельства дела наиболее

благоприятным для него образом, а в некоторых случаях и переложить свою вину на иных лиц. В таком случае возможность дачи таких показаний выступает в качестве некой гарантии прав подозреваемого, одним из средств его защиты, в связи с чем, подозреваемому принадлежит право давать любые показания, ответственность за которые наступить не может [4, с. 5–8].

УПК РФ (п. 1 ч. 2 ст. 75) устанавливает, что показания подозреваемого и обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, и не подтвержденные подозреваемым или обвиняемым в суде, являются недопустимыми и не могут быть использованы для доказывания значимых по делу обстоятельств. Суть этой нормы заключается в том, что если при допросе подозреваемого независимо от причин отсутствует защитник, то данные им показания будут признаны недопустимыми доказательствами, если подозреваемый откажется от них в суде. При этом уголовно-процессуальный закон не требует, чтобы подозреваемый указывал причины или мотивы отказа от своих прежних показаний, а суд не должен проверять и исследовать их относительно того, насколько они соответствуют истине, объективно ли отражают событие преступления или нет.

Данное положение УПК РФ после принятия Кодекса вызвало критику как у практических работников, так и в юридической литературе. Отмечалось, что норма, закрепленная в п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, является «крайним (запредельным) выражением заботы о комфорте подозреваемого и обвиняемого, попирающим здравый смысл и превосходящим конституционную идею о недопустимости доказательств» [5, с. 65]. Это же положение УПК РФ Р. Куссмауль критикует с иных позиций: он полагает, что рассматриваемая норма является дискриминаци-

онной, так как ограничивает право на защиту тех обвиняемых, которые имеют защитника, и им придется отказываться от защитника, чтобы сохранить возможность отказа в суде от своих показаний [6, с. 32].

Полагаем, что норма п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ действительно представляет подозреваемому и обвиняемому излишние привилегии в средствах защиты от подозрения и обвинения, и в этом смысле нарушает равноправие сторон в уголовном судопроизводстве как необходимого элемента состязательного процесса. Но дело не только в этом. Вызывает возражения попытка законодателя указать суду, как надо оценивать показания подозреваемого и обвиняемого. Когда закон указывает, что доказательства должны быть оценены определенным образом, то это представляет собой отход от свободной оценки доказательств, сутью которой является оценка доказательств су-

дьями, присяжными заседателями, прокурором, следователем и дознавателем по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью (ч. 1 ст. 17 УПК РФ).

По существу, это возврат к теории формальных доказательств, в соответствии с которой законодатель заранее определяет значение тех или иных доказательств и указывает, как их нужно оценивать. При этом доказательства не оцениваются по тому, насколько верно они отражают реальные события и факты, а суду предлагается принять во внимание только два формальных момента — присутствовал ли при допросе подозреваемого или обвиняемого защитник и отказался ли затем допрошенный в суде подсудимый от своих показаний, данных на предварительном следствии.

Литература:

1. Мельников, В. Ю. Защита и охрана прав и свобод участников уголовного судопроизводства // Российский судья. 2010. № 1. с. 17.
2. Цибарт, Е. Э. К вопросу о защите прав и законных интересов подозреваемого // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2010. № 26. с. 264.
3. Абесалашвили, М. З. Правовой статус подозреваемого как участника уголовного процесса // Вестник Адыгейского государственного университета. Майкоп, 2008. № 2. с. 208.
4. Лобанова, Л. В. Нужно ли подвергать подозреваемого (обвиняемого) уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний? // Мировой издатель. 2012. № 3. с. 5–8.
5. Бойков, А. Новый УПК России и проблемы борьбы с преступностью // Уголовное право. 2002. № 3. с. 65.
6. Куссмауль, Р. Дискриминационная норма нового УПК // Российская юстиция. 2002. № 9. с. 32

Требования к кандидату на службу в органы прокуратуры

Гончарова Ольга Владимировна, студент магистратуры
Курский государственный университет

Ключевые слова: государственная служба, кандидат на службу в органы прокуратуры, прокурорский работник.

Конституция Российской Федерации закрепляет право граждан России на равный доступ к государственной службе. Согласно действующего законодательства, а именно, Федерального закона от 27.05.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации», в систему государственной службы России входит военная служба, государственная гражданская служба и государственная служба иных видов, которые закрепляются в подзаконных актах.

Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» в ст.40 закрепляет, что служба в органах прокуратуры является федеральной государственной службой. Следует отметить, что прокурорская служба — самостоятельный вид федеральной государственной службы, т. е. относится к иным видам государственной службы [1].

После небольшого вступления о виде государственной службы, к которой относится служба в органах прокуратуры, перейдем непосредственно к конкретным требованиям к кандидатам на должности данного вида службы.

Неверно было бы толковать положение Основного закона «о равном доступе к государственной службе» буквально, т. е., что абсолютно любой гражданин России может поступить на службу в органы прокуратуры. Как и для всех государственных служащих, к кандидатам на службу в органы прокуратуры предъявляются определенные требования.

Рассмотрим требования к кандидату на службу в органы прокуратуры, закрепленные в ч.1 ст.40.1 ФЗ «О прокуратуре РФ», в которой говорится, что «прокурорами могут быть граждане Российской Федерации, получившие по имеющим государственную аккредитацию образова-

тельным программам высшее юридическое образование по специальности «Юриспруденция», или высшее образование по направлению подготовки «Юриспруденция» квалификации «магистр» при наличии диплома бакалавра по направлению подготовки «Юриспруденция», или высшее образование по специальностям, входящим в укрупненную группу специальностей «Юриспруденция», с присвоением квалификации «юрист», обладающие необходимыми профессиональными и моральными качествами, способные по состоянию здоровья исполнять возлагаемые на них служебные обязанности» [2].

Остановимся подробнее на каждом из указанных в законе требований.

Первое — наличие высшего образования. Стоит отметить, что данное требование законодатель закрепил только 06.02.2020 года (Федеральный закон от 06.02.2020 № 15-ФЗ «О внесении изменений в статьи 40.1 и 43.5 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»), ранее в исключительных случаях на должности прокуроров районов, городов и приравненных к ним прокуроров могли назначаться лица, обучающиеся по имеющей государственную аккредитацию образовательной программе высшего образования по специальности и направлению подготовки в области юриспруденции не менее половины срока получения образования, установленного федеральным государственным образовательным стандартом, и не имеющие академической задолженности [2]. Данное нововведение к требованию о наличии оконченого высшего образования, на мой взгляд, правильное, поскольку в таком случае уровень знаний у кандидата на службу в органы прокуратуры должен быть выше.

Однако, с моей точки зрения, помимо наличия высшего образования кандидат должен иметь какой-то юридический стаж, и данное требование должно быть закреплено на законодательном уровне. В обоснование своей позиции хочу отметить, что к кандидатам на должности судей, согласно Федеральному закону от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» обязательно предъявляется требование о наличии стажа работы в области юриспруденции.

В свою очередь, прокурорский работник при исполнении своих должностных обязанностей осуществляет надзор за деятельностью суда при осуществлении последним правосудия. Однако, о каком надзоре можно говорить, если к кандидату на службу в органы прокуратуры не предъявляется требований о наличии обязательного юридического стажа, т. е. в данном случае кандидат на службу в органы прокуратуры ранее не сталкивался с применением норм материального и процессуального права на практике, что в свою очередь может повлечь как неоперативное реагирование на незаконные действия суда, либо абсолютное отсутствие таких действий. В данном случае, говорить о качестве такого прокурорского надзора не приходится.

На мой взгляд, в Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» не-

обходимо внести изменения в ст. 40.1, дополнив ее еще одним требованием к кандидату на службу в органы прокуратуры — наличие стажа работы в области юриспруденции не менее 5 лет.

Следующее требование — наличие необходимых профессиональных и моральных качеств. При этом не раскрывается, какие конкретно качества имеются в виду. Отчасти данная проблема разрешена в ст. 40.4 Закона о прокуратуре, где закреплена Присяга прокурора. Более подробно упомянутые качества изложены в Кодексе этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации, которые утверждены приказом Генерального прокурора РФ от 17 марта 2010 г. № 114. Полагаю, что целесообразно включить в Закон о прокуратуре отдельную статью о профессиональных и моральных качествах прокурорского работника.

Важность закрепления конкретных профессиональных и моральных качеств, на мой взгляд, обусловлено тем, что эффективность дальнейшей работы прокурорского работника, и в целом органа прокуратуры, зависит от качества подготовки его сотрудников, в данном случае как профессиональной, так и моральной подготовки.

Кроме того, при поступлении на службу в органы прокуратуры обязательно устанавливается, сможет ли кандидат по состоянию здоровья исполнять возлагаемые на него служебные обязанности.

В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 26 августа 2013 г. № 733 «О медицинском освидетельствовании лиц на предмет наличия (отсутствия) заболевания, препятствующего поступлению на службу в органы и учреждения прокуратуры Российской Федерации и исполнению служебных обязанностей прокурорского работника» перед поступлением на службу в органы прокуратуры кандидат должен пройти обязательное медицинское освидетельствование.

В данном случае проблема состоит в следующем. При прохождении данного освидетельствования по месту жительства кандидата на службу в органы прокуратуры, по факту, врачи, обязательность посещения которых указана в вышеназванном постановлении Правительства РФ, должным образом не проводят осмотры. Вся процедура прохождения медицинского освидетельствования сводится к тому, что лицо, проходящее медицинское освидетельствование, заходит в кабинет к врачу только для представления печати врача.

Выше озвученная ситуация с прохождением медицинского освидетельствования кандидатов на службу в органы прокуратуры страшна тем, что у лиц могут не выявиться заболеваний, которые препятствуют прохождению службы в органах прокуратуры согласно Перечню заболеваний, препятствующих поступлению на службу в органы и учреждения прокуратуры Российской Федерации и исполнению служебных обязанностей прокурорского работника (утв. постановлением Правительства РФ от 26 августа 2013 г. N 733).

Таким образом, в настоящее время необходимо внести изменение в Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» — дополнить ст. 40.1, еще одним требованием к кандидату на службу в органы прокуратуры — наличие стажа работы в области юриспруденции не менее 5 лет. Кроме того, вклю-

чить в Закон о прокуратуре отдельную статью о профессиональных и моральных качествах прокурорского работника. А также принять необходимые меры для установления более качественной процедуры прохождения кандидатами на службу в органы прокуратуры медицинского освидетельствования.

Литература:

1. Долгов А.М. О требованиях, предъявляемых к кандидатам на службу в органы внутренних дел и другие правоохранительные органы // Теория и практика общественного развития. 2017.
2. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Российская газета. № 229. 1992.

Проблемы правового механизма субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц

Грязева Татьяна Евгеньевна, студент магистратуры
Вятский государственный университет (г. Киров)

Содержание ряда статей Закона о банкротстве, в частности понятие контролирующего должника лица (ст. 61.10), основания возникновения субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц (статьи 61.11, 61.12 и 61.13), перечень прав и обязанностей лиц, участвующих в данных правоотношениях (статьи 61.14, 61.15, 61.16 и 61.17), позволяет сделать вывод, что по замыслу законодателя механизм правового регулирования данных отношений в части установления субъектного состава, выделения критериев, отграничивающих лиц, контролирующих должника, от иных субъектов данных правоотношений, регламентации совокупности прав и обязанностей предусмотрены именно Законом о банкротстве (гл. III.2).

Представляется необходимым отметить, что понятие механизма правового регулирования тесно связано с определением правовых средств, под которыми принято понимать различные правовые явления, задействованные в правовом регулировании и призванные обеспечить его нормальное функционирование.

Н. А. Пьяновым внимание уделялось на определение понятия «правовые средства». В качестве них он определял не всякие правовые явления, а лишь те, использование которых, как правило, возникает в ходе правового регулирования. Правовые средства — это, своего рода, инструменты, при помощи которых можно воздействовать на общественные отношения [1].

Правовыми средствами являются непосредственно нормы применимого права, субъективные права и юридические обязанности участника рассматриваемых правоотношений, условия возникновения и наступления юридической ответственности, перечень правовых ограничений.

Кроме того, принято выделять правовые стимулы — нормы права, побуждающие участника совершить определенные действия в целях избежания наступления неблагоприятных последствий в виде санкции, под которой в данном случае и понимается субсидиарная ответственность.

Нормы применимого права закреплены как в Законе о банкротстве, так и в ряде иных федеральных законов. Так, например, важное место они занимают в части регулирования корпоративного участия в управлении делами должника, исследования институтов мнимости и притворности сделок, которые могут быть заключены в целях причинения ущерба интересам как должника, так и кредиторов (вывод активов, заведомо убыточное соглашение).

Также представляется важным разобрать еще один элемент механизма правового регулирования — нормы права.

Под источником правового регулирования, исходя из понимания сути источника права как акта, порождающего определенный объем прав и обязанностей для участников соответствующих правоотношений, следует понимать источник правового регулирования отношений, возникающих в связи с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве, наряду с традиционно рассматриваемыми в общей теории государства и права. Но в то же время важно указать на проблему соотношения понятий «источник правового регулирования отношений несостоятельности (банкротства)» и «законодательство в сфере несостоятельности (банкротства)», которые необходимо разграничивать, так как первое понятие по своему объему шире, чем категория «законодательство в сфере несостоятельности (банкротства)», поскольку под последним понимается совокупность нормативных правовых актов, которые являются лишь одним

из видов источников правового регулирования, складывающихся в отношениях несостоятельности [2].

Источниками правового регулирования отношений, возникающих в связи с привлечением контролирующего должника лиц к субсидиарной ответственности, являются нормы и акты законодательства разнообразных сфер и отраслей права.

К таким источникам относятся, безусловно, законодательные определения и классификации, позволяющие выработать правовую определенность к подходу в понимании именно статуса лица, которое имело возможность определять возможную будущую судьбу и предпринимательские перспективы хозяйствующего субъекта.

Источником правового регулирования отношений, связанных с привлечением контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности, будет являться трудовой договор, который не только содержит в себе непосредственные нормы распределения определенных компетенций по ведению и осуществлению прав юридического лица, но и выступает необходимым, достаточным и объективным средством доказывания наличия правовой связи лица с должником.

В случае, если у конкретного участника общества совокупный размер доли участия или же акций позволяет иметь некоторую правовую самостоятельность в «предбанкротный» период, то будет важным изучить модель поведения этого лица, предпринятые им действия, в случае невыполнения законодательных предписаний руководствоваться ст. 61.12 Закона о банкротстве. Анализировать необходимо даты заключения договоров купли-продажи, регламентацию нотариального удостоверения и соблюдение процедуры, момент фактического исполнения возложенных участником на себя обязанностей по управлению делами общества.

Презюмирование наличия в действиях участника общества с ограниченной ответственностью признаков, позволяющих привлечь его учредителей к субсидиарной ответственности, полностью согласуется с иными нормами законодательства. В частности, ст. 8 Федерального закона от 08.02.1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» закрепляет права каждого участника участвовать в управлении делами общества; получать информацию о деятельности общества и знакомиться с его бухгалтерскими книгами и иной документацией; принимать участие в распределении прибыли и т. д. [3].

В силу специфики возникающих отношений в сфере дел о несостоятельности (банкротстве), а в частности, в порядке привлечения контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности источники правового регулирования имеют межотраслевой характер.

Корпоративное законодательство, к примеру, Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью», Федеральный закон от 26.12.1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» [4], предполагает и закрепляет момент возникновения прав у единоличного исполнительного органа, что существенно для установления

реальной и объективной возможности определять дальнейшую судьбу должника; закрепляет права и обязанности участников и акционеров; предусматривает регулирование отношений между должником и единоличным исполнительным органом посредством заключения трудового договора, который в связи с этим необходимо относить именно к источникам правового регулирования. Отношения родства и свойства являются следствием возникновения семейных отношений, оформленных и зарегистрированных в предусмотренном законом порядке. Учет и анализ ведения предпринимательской деятельности происходит посредством применения норм гражданского законодательства.

Таким образом, источниками правового регулирования в интересующих нас случаях являются нормы гражданского, корпоративного, трудового, семейного и налогового законодательства. Данная межотраслевая соотносительность контролирующего должника лица с нормами иных отраслей права способствует более полноценному и объективному регулированию отношений, связанных с привлечением названных лиц к субсидиарной ответственности.

Таким образом, если в рамках рассмотрения арбитражным судом дел о несостоятельности (банкротстве) должника будет подано соответствующее заявление о привлечении к субсидиарной ответственности лица, которое, по мнению заявителя, обладает критериям контролирующего должника лица, то в силу ч. 2 этой же статьи возникает обязанность направить отзыв на указанное заявление.

Само привлечение контролирующего должника лица возможно только лишь при наступлении некоторой совокупности юридических фактов, однако значимым здесь представляется наличие невозможности удовлетворения требований кредиторов.

Определением Конституционного Суда РФ от 28.06.2018 г. № 1565-О предусмотрено, что наличие института привлечения лица к субсидиарной ответственности имеет своей целью обеспечение правовой определенности и стабильности закона, а также поддержание определенности имущественного положения кредиторов и должника в рамках действующих процедур банкротства [5].

Более того, законом предусмотрено, что в целях предупреждения банкротства организаций учредители (участники) должника, собственник имущества должника — унитарного предприятия до момента подачи в арбитражный суд заявления о признании должника банкротом принимают меры, направленные на восстановление платежеспособности должника. Меры, направленные на восстановление платежеспособности должника, могут быть приняты кредиторами или иными лицами на основании соглашения с должником. Также к соглашению как источнику правового регулирования стоит отнести случаи, когда при рассмотрении заявления о привлечении лица к ответственности по гл. III.2 Закона о банкротстве может быть заключено соглашение; при раскрытии от-

ветчиком сведений об имуществе в размере, достаточном для исполнения такого соглашения, а также при единогласном одобрении содержащихся в нем условий всеми лицами, выступающими на стороне лица, подавшего заявление о привлечении к ответственности по нормам данной главы.

Литература:

1. Пьянов, Н. А. Теория государства и права: учеб. пособие. — 2-е изд., перераб. и доп. — Иркутск, 2015. с. 160.
2. Несостоятельность (банкротство): учеб. курс. — В 2 т. / под ред. С. А. Карелиной. — М., 2019. — с. 193.
3. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 04.11.2019, с изм. от 07.04.2020) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // «Собрание законодательства РФ», 16.02.1998, № 7, ст. 785.
4. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 04.11.2019, с изм. от 07.04.2020) «Об акционерных обществах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2020) // «Собрание законодательства РФ», 01.01.1996, N 1, ст. 1.
5. Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2018 N 1565-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Песоцкого Игоря Олеговича на нарушение его конституционных прав частью 4 статьи 4 Федерального закона от 29 июля 2017 года N 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «Консультант плюс».

Таким образом, механизм правового регулирования отношений, возникающих в связи с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве, должен рассматриваться и применяться только в неукоснительном порядке во взаимной совокупности всех вышеуказанных элементов механизма.

Квалификация действий, связанных с неправомерным завладением каршеринговым транспортным средством

Дорофеева Мария Георгиевна, студент;
Тищенко Марина Сергеевна, студент
Университет прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

Ключевые слова: каршеринг, угон, завладение автомобилем, каршеринг-компания.

На сегодняшний день одной из актуальных проблем Уголовного права стала квалификация завладения автомобилем, принадлежащим каршеринг-компаниям¹, без цели хищения, посредством взлома электронной системы в целом или непосредственно чужого личного аккаунта.

В первую очередь, следует отметить, что по своей сути совершенное деяние посредством взлома аккаунта не причиняет никакого вреда организации, предоставляющей услуги, потому что оплата за пользование транспортным средством производится за счет лица, аккаунт которого используется после взлома. Что касается пользователя каршеринг-сервиса, то в данном случае в отношении него третье лицо совершает следующие действия — неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации (взлом аккаунта), и кражу денежных средств на оплату поездки с банковского счета, ответственность за которые предусмотрена ч. 2 ст. 272 и п. «г» ч. 3 ст. 158 Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ). Однако следует отметить, что подобная квалификация содеянного хоть

и полностью охватывает деяние, но никак не отражает факт неправомерного завладения и пользования транспортным средством.

Рассматривая возможность привлечения субъекта преступления к ответственности за мошенничество, стоит обратить внимание на разъяснения Пленума ВС РФ в постановлении № 25 о том, что неправомерные действия лица, совершенные только для поездки на угнанном автомобиле (транспортном средстве) или в иных целях при отсутствии корыстных побуждений, содеянное квалифицируется по соответствующей части статьи 166 УК РФ [1]. Следовательно, привлечение к ответственности, предусмотренной ст. 159 или 159.6 УК РФ не представляется возможным.

В рамках написания работы в поисковой системе «Судакт.ру» было найдено 8 приговоров. По 2 из них, виновные получали доступ к транспортному средству путем разбития бокового стекла или взлома замка двери транспортного средства — в этих случаях осуждение по ч. 1 ст.

¹ Каршеринг – компания - субъект предпринимательской деятельности, оказывающий возмездные услуги по предоставлению права краткосрочного пользования транспортным средством, оформляемого через сервис – приложение (предложено авторами).

166 УК РФ видится законным и обоснованным. Однако в остальных 6 случаях доступ и последующее завладение транспортным средством осуществлялось посредством использования аккаунта пользователя каршеринг-сервисом третьим лицом (например, Приговор Петродворцового районного суда г. Санкт-Петербург от 02.07.2019 по делу № 1–136/19).

Заметим, что суды при вынесении таких приговоров не учитывают само использование чужого аккаунта и хищение средств пользователя за счет, которых осуществляется аренда транспортного средства, как самостоятельное преступное посягательство, требующее отдельной уголовно-правовой оценки.

Также при завладении транспортным средством, предоставляемым каршеринг-компаниями, нарушается предусмотренное договором право пользования, предоставленное потерпевшему — клиенту, зарегистрированному на каршеринг-сервисе, что подтверждает отсутствие объекта преступления, необходимого для привлечения субъекта к ответственности, предусмотренной ст. 166 УК РФ.

В данном случае, возможен следующий вариант решения указанной проблемы — перенос ст. 166 из главы 21 в главу 27 УК РФ «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта». В результате этого неправомерное завладение транспортным средством без цели хищения, как преступление, будет посягать на совершенно иной объект — отношения, обеспечивающие безопасность дорожного движения и эксплуатации транспорта, что в полной мере отвечает требованиям практики.

Так в пользу отнесения ст. 166 УК РФ к Главе 27 «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта» высказывается и Козун А. В., аргументируя свою позицию историческим аспектом, а именно целями установления ответственности за угон транспортного средства в Уголовном кодексе РСФСР 1960 г., а также положениями гражданского законодательства, в соответствии с которыми транспортные средства признаны источниками повышенной опасности (ч. 1 ст. 1079 ГК РФ) [2]. В то же время, следует сказать, что при переносе статьи объектом преступления становится безопасность дорожного движения, но утвержденные Правительством Правила дорожного движения [3] не закрепляют запрет на управление чужим транспортным средством.

Литература:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 (ред. от 24.05.2016) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Козун, А. В. Угон автотранспортного средства в системе норм уголовного законодательства. // Законы России: опыт, анализ, практика. № 6. 2016. // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 N 1090 (ред. от 26.03.2020) «О Правилах дорожного движения» (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения») (СПС «КонсультантПлюс») дата обращения: 20.03.2020;

Возможен и другой вариант выхода из сложившейся правовой ситуации. Так, в Государственной Думе РФ запланировано рассмотрение законопроекта об исключении статьи 166 из Уголовного кодекса РФ. В пояснительной записке к законопроекту указано: «По своей правовой природе угон является кражей, и выделение данного преступления в отдельный состав при невозможности доказывания субъективной стороны преступления является лишь способом для лиц, совершивших кражу в значительном или крупном размере, избежать более строгого наказания, которое они должны нести» [4].

Однако стоит отметить, что отношения, возникающие в связи с использованием каршеринг-сервисом, являются специфической возмездной формой владения и пользования транспортным средством, поэтому квалификация не может быть дана и по ст. 158 УК РФ, так как деяние не причиняет имущественного вреда организации-собственнику.

Даже если рассматривать неправомерное завладение без цели хищения, для временного использования посредством взлома не аккаунта, а самой системы, то такое деяние также не будет расцениваться как кража, в связи с отсутствием посягательства на охраняемый уголовным законодательством объект — отношения по охране собственности (так, само деяние будет квалифицироваться только по ст. 272 УК РФ как неправомерный доступ к информации). В данной ситуации будет усматриваться гражданско-правовой деликт, выраженный в неоплате предоставленных услуг.

Подводя итоги исследования, можно отметить следующее:

1. Квалификация содеянного при завладении каршеринговым транспортным средством зависит способа совершения деяния (в случае взлома аккаунта — хищение денежных средств со счета владельца аккаунта и неправомерный доступ к нему квалифицируется по ч. 2 ст. 272 и п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, при взломе системы — квалификация только по 272 статье УК РФ, так как в отношении остального будет усматриваться гражданско-правовой деликт, выраженный в неоплате предоставленных услуг).

2. Судьбу ст. 166 УК РФ можно определить либо переносом из главы 21 в главу 27 УК РФ «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта», либо полным исключением из УК РФ.

4. Пояснительная записка к проекту федерального закона № 1048192–6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в части признания утратившей силу статьи 166 Уголовного кодекса Российской Федерации» Система ГАРАНТ, дата обращения: 20.03.2020.

Понятие обвиняемого в современном уголовном процессе

Енин Александр Евгеньевич, магистрант

Научный руководитель: Аширбекова Мадина Таукеновна, доктор юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

Обвиняемый является одной из ключевых фигур российского уголовного процесса. Его особый правовой статус детально подчеркнут правовой позицией Конституционного суда Российской Федерации, выраженной в определении от 20 декабря 2005 г. № 473-О. В частности, Конституционный суд Российской Федерации подчеркивает, что особенность процессуального статуса обвиняемого характеризуется предоставлением ему ст. 48, 49 и 51 Конституции Российской Федерации дополнительных гарантий защиты прав и законных интересов [1].

Такие гарантии находят свое непосредственное выражение в нормах действующего уголовно-процессуального законодательства, имеющих приоритет над общими нормами как нормы специальные, в силу чего общие нормы отраслевого законодательства не могут применяться по отношению к обвиняемому без учета его особого правового положения. Однако при этом, несмотря на процессуальную значимость фигуры обвиняемого, в науке ведутся давние дискуссии относительно вопроса его дефиниции и сущности правового статуса.

В соответствии с положениями ч. 1 ст. 47 Уголовного процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ) [2], обвиняемым признается лицо, в отношении которого вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого, вынесен обвинительный акт либо составлено обвинительное постановление. Анализ данного нормативного определения позволяет сделать вывод о том, что при определении сущности обвиняемого в российском уголовном процессе важное значение придается в первую очередь процедуре признания его в качестве такового, исходя из формы предварительного расследования. При этом сравнительное обращение к уголовно-процессуальному законодательству некоторых стран СНГ, например, Республики Беларусь, свидетельствует о существующих различных подходах к определению юридического основания признания лица обвиняемым. В частности, в соответствии с ч. 1 ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь от 16.07.1999 г. № 295-3, обвиняемым признается физическое лицо, в отношении которого вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого, по делам частного обвинения — относи-

тельно которого судом принято заявление о совершенном им преступлении [4].

Подходы к пониманию обвиняемого как уголовно-процессуальной категории закономерно разнятся и в науке. Так, в качестве неклассического подхода может быть приведена позиция М. Ю. Чупахиной, которая, анализируя международную практику толкования понятий «обвиняемый», выраженную в решениях Европейского Суда по правам человека, приходит к выводу о том, что орган международной юрисдикции ориентируется не столько на формальное, сколько на фактическое положение гражданина в уголовном процессе, без установления связи с осуществлением действий по предъявлению обвинения, характерных для российского уголовного процесса, с учетом чего ею предлагается использование понятия «обвиняемый» в качестве родового для всех лиц, подвергнутых уголовному преследованию, в том числе подозреваемых, подсудимых и осужденных [3].

Подобная позиция определения концептуального толкования понятия обвиняемого без учета юридического основания приобретения подобного статуса представляется оспоримой, поскольку анализ традиционных теоретических воззрений по данному вопросу позволяет рассматривать обвиняемого в качестве лица, по отношению к которому собраны достаточные доказательства, подтверждающие его виновность в совершении преступления, на основании которых такое лицо привлекается к уголовной ответственности. Смешение содержания и понятия указанных категорий недопустимо. Следует учитывать, что при закреплении за лицом статуса обвиняемого посредством особых юридических процедур, с одной стороны, государственные органы приобретают право применения к такому лицу ряда мер процессуального принуждения, а с другой — лицо приобретает ряд специфических прав, в том числе право на защиту от предъявленного ему обвинения. Кроме того, реализация особых юридических процедур в форме предъявления обвинения (постановление о привлечении в качестве обвиняемого, составление обвинительного акта либо обвинительного заключения) само по себе опирается на оценку фактического состояния лица, как преследуемого в порядке норм УПК РФ. Другое дело, что представление об этом фактическом состоянии может быть расширено до

понимания лица, в отношении которого ведется доследственная проверка в порядке ст. 144 УПК РФ, так и лица, в отношении которого началось уголовное преследование. Но эта гипотеза требует дополнительного обоснования, предпосылки для которой уже имеются в законе. Так, из содержания п. 6 ч.3 ст. 49 УПК РФ вытекает, что защитник участвует в процессуальной деятельности до возбуждения

уголовного дела, если процессуальные действия, осуществляемые в отношении лица в порядке ст. 144 УПК РФ, затрагивают его права и свободы. Причем, это положение детализирует участие именно *защитника*, а не адвоката, как это указано в ч.1.1 ст.144 УПК РФ. Ну, а если есть защита, то значит есть и обвинение или, по крайней мере, уголовное преследование.

Литература:

1. Определение Конституционного Суда РФ от 20 декабря 2005 г. № 473-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Корчагина Алексея Юрьевича на нарушение его конституционных прав положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // Доступ из Справ. правовой системы «Гарант».
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 02.08.2019 г.) // СЗ РФ. 2001. № 52. Ст. 4921; 2019. № 31. Ст. 4474.
3. Чупахина, М. Ю. Толкование понятий «обвинение» и «обвиняемый» в решениях Европейского Суда по правам человека // Научный вестник Орловского юридического института МВД России им. В. В. Лукьянова. 2017. № 2 (71). с. 108–111.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 года № 295-З (с изменениями и дополнениями по состоянию на 09.01.2019 г.). URL: <https://online.zakon.kz/> (дата обращения: 20.08.2019).

К вопросу о злоупотреблении пассивным избирательным правом в Российской Федерации

Зыкова Анна Витальевна, студент магистратуры

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

В современном период достаточно важными представляются такие категории, как «злоупотребление правом» и «недопустимость злоупотребления правом».

Злоупотребление правом существует и в рамках реализации пассивного избирательного права.

Для того, чтобы рассмотреть основные способы злоупотребления пассивным избирательным правом, а также рассмотреть ответственность за такое злоупотребление, необходимо сначала определить понятие «злоупотребление правом».

М. М. Агарков считал, что злоупотребление правом по своей сути не может происходить в рамках осуществления права: «те действия, которые называют злоупотреблением правом, на самом деле совершены за пределами права» [1].

Указанная позиция поддерживалась Самойловой М. В.: «осуществляя свое право, собственник всегда действует правомерно, что противоправного осуществления права вообще быть не может» [2].

По мнению В. П. Грибанова, «поскольку лицо в своем поведении вышло за пределы содержания предоставленного ему субъективного права, его нельзя считать лицом, осуществляющим свое право. В данном случае оно не злоупотребляет своим правом, а лишь действует противоправно. С этой позиции термин «злоупотребление

правом» действительно выглядит противоречивым и едва ли приемлемым» [3].

По мнению Н. С. Малеина, «если управомоченное лицо действует в пределах своего права, то оно не злоупотребляет им. Если же оно при осуществлении своего права выходит за установленные законом границы, то есть нарушает закон, то значит, что оно не злоупотребляет правом, а совершает правонарушение, за которое должно привлекаться к ответственности» [4].

Следует поддержать мнение И. В. Советникова: «представляется, что при наличии широкого использования в законодательстве, в теории права и в отдельных правовых науках понятия «злоупотребления правом» позиция указанных авторов поддержана быть не может. Полагаем, что злоупотребление правом следует изучать как явление объективной правовой действительности, выявлять его характерные признаки, классифицировать, а результаты такой деятельности использовать как в законодательстве, так и в науке» [5].

По мнению С. Г. Зайцевой, злоупотребление правом — это «случаи реализации субъектами заложенных в нормативном материале возможностей, от которых страдает юридически признанная свобода других лиц».

В. И. Гойман считает, что «злоупотребление правом — это не особый тип правонарушения, как отмечается

в специальной литературе, а разновидность неправовых действий, связанных со злоупотреблением правовой свободой, совершением поступков «во зло» и в противоречие с назначением предоставленного права, его духом. Непризнание категории злоупотребления правом ведет к тому, что всякое отклонение от общего дозволения квалифицируют как деликт, правонарушение, преступление» [6].

Представляется возможным выделить определенные признаки, присущие злоупотреблению права независимо от отрасли права, в которой оно осуществлено:

— деяние по осуществлению права: при злоупотреблении правом субъект всегда действует в пределах предоставленных прав;

— злонамеренность: лицо, совершившее такое деяние, должно осуществлять свое право в противоречии с его назначением и с целью причинения вреда другим субъектам;

— вред: результатом такого деяния должен быть вред.

Определив основные признаки злоупотребления правом, следует рассмотреть злоупотребления в сфере пассивного избирательного права.

Возможно предположить, что злоупотребление пассивным избирательным правом может нанести больший вред, чем злоупотребление активным избирательным правом, в силу своей специфики.

Право быть избранным включает в себя следующие правомочия:

- право на выдвижение;
- право на сбор подписей;
- право на регистрацию кандидата;
- права на иные действия, связанные с выдвижением кандидата.

Все указанные права предоставляются гражданам для того, чтобы они, заняв должность, представляли избирателя в законодательных (представительных) органах государственной власти и органах местного самоуправления и выражали волю народа.

В связи с этим, представляется возможным предложить следующее определение злоупотребления пассивным избирательным правом — это действия, связанные с осуществлением права быть избранным в целях, иных чем представление избирателей и выражение их воли в законодательных (представительных) органах государственной власти или органах местного самоуправления.

На необходимость борьбы с злоупотреблением пассивным избирательным правом обращает внимание и такой важный орган, как Центральная избирательная комиссия: «в целях борьбы с грязными избирательными технологиями, в том числе применяемыми при выдвижении кандидатов, полагаем необходимым развивать такой правовой институт, как запрет злоупотребления правом в избирательном процессе. На наш взгляд, законодательное закрепление принципа недопустимости злоупотребления избирательными, а также иными правами участниками избирательной кампании позволит во многих случаях устранить нарушения прав граждан, например послужит эффективным механизмом противодействия технологии,

использующей «кандидатов-двойников», регистрацию которых можно будет отменять по судебному решению» [7].

В 2000–2010 годах активно применялась технология кандидатов-двойников.

Как отмечает И. В. Советников, «Суть технологии «кандидатов-двойников» состоит в том, что на выборах выдвигается и регистрируется кандидат, у которого фамилия, имя и отчество, должность, место работы и другие данные практически идентичны данным того кандидата, против которого выдвигается двойник. На практике нередки случаи, когда по одному и тому же избирательному округу основному кандидату противостоят 3–4 однофамильца. Учитывая применяемый в избирательном законодательстве принцип, согласно которому фамилии кандидатов в избирательном бюллетене располагаются в алфавитном порядке (пункт 5 статьи 63 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»), указанная технология приводит к тому, что основной кандидат теряется среди своих двойников. Как следствие, избиратели (особенно люди преклонного возраста или те, кто не вчитывается в избирательный бюллетень) путают кандидатов и, сами того не желая, голосуют за двойника» [5, с. 93].

Как отмечает А. Г. Сидякин, «кандидат, участвующий в выборах, но не ставящий цели быть избранным, использует свое пассивное избирательное право недобросовестно, «кандидат-двойник», участвующий в выборах с целью ввести в заблуждение часть избирателей, поддерживающих основного кандидата, и стремящийся причинить ему вред, злоупотребляет правом на имя и избирательным правом одновременно» [8].

Как отмечает А. Р. Акчурин, «тесно связаны с указанными злоупотреблениями и получившие распространение с развитием партийной системы технологии использования наименований, аббревиатур, символики, схожих до степени смешения с другими известными партийными атрибутами. В этой связи вполне приемлемым было бы использование инструментов и правоприменительной практики из области гражданского права и антимонопольного законодательства для квалификации таких деяний, в числе которых может быть введение в избирательное законодательство понятия «недобросовестная политическая конкуренция» [9].

М. В. Яшина исследовала еще один способ злоупотребления пассивным избирательным правом: «одной из форм такой технологии является выдвижение одних и тех же лиц на выборах в различных субъектах Российской Федерации. Правовая природа пассивного избирательного права предполагает возможность его реализации независимо от места жительства его обладателя. Вместе с тем очевидно, что реализация такого права на разных выборах и территориях одновременно невозможна и не отвечает предназначению пассивного права, однако законодательного запрета такой технологии нет. На практике существуют и другие формы недобросовестного ис-

пользования гражданами пассивного избирательного права» [10].

Следует предположить, что технологии злоупотребления пассивным избирательным правом будут совер-

шаться с течением времени, становиться все более современными, особенно в период развития современных процессов цифровизации и глобализации.

Литература:

1. Агарков М.М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Известия АН СССР. Отделение экономики и права. 1946. № 6. с. 427.
2. Самойлова М.В. Право личной собственности граждан СССР: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л.: ЛГУ, 1965. с. 11.
3. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2001. с. 79.
4. Малейн Н.С. Юридическая ответственность и справедливость. М., 1992. с. 160.
5. Советников И.В. Злоупотребления правом в избирательном процессе. М.: ЧеРо, 2010. 124 с.
6. Общая теория права и государства: Учебник / Под ред. В.В. Лазарева. 3-е изд. М.: Юристъ, 2000. с. 288.
7. Вестник Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. 2004. № 14 (176).
8. Сидякин А.Г. Отказ в регистрации и отмена регистрации кандидатов: проблемные моменты // Журнал о выборах. 2006. № 1. с. 10.
9. Акчурина А.Р. Злоупотребление правом в избирательном процессе: проблемы противодействия // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 11. с. 53 — 57.
10. Яшина М.В. О злоупотреблении пассивным избирательным правом на муниципальных выборах // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 6. с. 67 — 69.

Некоторые особенности наследования земельных участков в США

Иванова Мария Сергеевна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Ключевые слова: земельный участок, наследование, наследник, США.

Англосаксонские правовые системы базируются на общем праве Англии, возникшем на рубеже 12 века. До настоящего времени странам общего права неизвестно его деление на право публичное и частное, также отсутствует разграничение на процессуальное и материальное. В отличие от романо-германской правовой семьи здесь также нет четкого деления на отрасли права и какой-либо кодификации, так как основным источником права является судебный прецедент. По своей природе суд творит право, создавая казуистические нормы, на которые опираются остальные суды при рассмотрении подобных дел в дальнейшем.

Основы англосаксонской правовой системы были сформированы в Англии. В дальнейшем, посредством активной колониальной политики, они были распространены и на другие континенты. В настоящее время данный тип правовых систем существует в Англии, США, Канаде, Австралии, Новой Зеландии, Северной Ирландии и ряде других стран [1].

В американском праве нет такой отрасли права, как наследственное, но это не свидетельствует о том, что оно менее развито, чем в остальных странах. Особенностью регулирования наследственных отношений в США явля-

ется тот факт, что они регулируются посредством прецедентов и законодательства, принятых как на федеральном уровне, так и на уровне отдельных штатов, а также на основании норм Единообразного Наследственного Кодекса (Uniform Probate Code USA — далее UPC), который был одобрен в 1969 г. Национальной конференцией уполномоченных по единообразным законам США. UPC USA имеет семь статей, каждая из которых охватывает различный набор правил для этой области права. Документ состоит из статей, которые подразделяются на части, разделы и подпункты. Данный документ был принят 16 штатами (Аляска, Аризона, Колорадо, Флорида, Гавайи, Айдахо, Мэн, Мичиган, Миннесота, Монтана, Небраска, Нью-Мексико, Северная Дакота, Южная Каролина, Южная Дакота и Юта) [2].

Отличительной чертой США от России является и тот факт, что если в нашем законодательстве наследование понимается как универсальное правопреемство, то в США имеет место не преемство в правах и обязанностях наследодателя и наследников, а ликвидация имущества наследодателя, в результате которой осуществляется сбор всех долгов наследодателя, оставшихся после его смерти, оплата этих долгов наследниками, погашение всех его на-

логовых обязанностей и т. п. Все, что остается наследникам в результате наследования — право на чистый остаток.

Так как законодательство США также не содержит закрепленного понятия «земельный участок», то пришлось обратиться к глоссарию картографических наук США, разработанному американским обществом инженеров-строителей. Согласно глоссарию, земельный участок подразумевает под собой «real property and real estate», что переводится в обоих случаях как «недвижимость». Недвижимость в контексте «real estate» подразумевает обычный участок земли и любые естественные или искусственные улучшения, созданные человеком на данном участке земли. Недвижимость же в контексте «real property» включает в себя имущество, которое предназначено для проживания человека одной семьей или несколькими семьями. Такая недвижимость может находиться как в собственности, так и арендованной. Земля же в юридическом контексте (land law) расшифровывается американским обществом как поверхность Земли и всего, что находится под ней, вплоть до центра Земли и всего, что находится над ней до неба, включая все природные объекты на ней, такие как деревья, посевы или вода, а также минералы и воздух [3].

Еще одной особенностью наследования земельных участков в США является система налогообложения. Поскольку в штатах актуальна система прогрессивного налогообложения, то наследуемый земельный участок облагается федеральным налогом (federal estate tax), а также налогом штата, в котором расположен земельный участок (state inheritance tax). Налоговые ставки в штатах достаточно велики: 18 процентов от суммы в 10 000 долларов; 20 процентов и 1800 долларов от суммы в 20 000 долларов и так далее [4].

Помимо этого, в штатах существуют налоговые льготы, позволяющие производить вычеты из следующих сумм при наследовании земельных участков и расположенных на них домов или фермерских хозяйств, а именно: расходы и убытки; долги и ипотечные кредиты; стоимость земельного участка, который был завещан благотворительным организациям. Налог на имущество называется «налог смерти». Некоторые наследники рады обнаружить, что в их ситуации при наследовании земли их земельный участок не облагается налогом. Этот имеет место быть в случаях, когда земля наследуемого земельного участка опускается ниже «порогового» обозначения, позволяющего освободить наследника от уплаты налогов (в настоящее время данная сумма составляет 5 миллионов долларов) или когда в наследуемом имуществе имеется достаточное количество ликвидных активов для того, чтобы уплатить любые налоги на наследуемую землю.

Изучая налоговое законодательство штатов, также можно столкнуться с той проблемой, что при принятии земельного участка в наследство может встать вопрос об уплате подоходного налога за унаследованный земельный участок. Делая выводы о подоходном налоге, мы пришли

к тому, что подоходный налог не будет взиматься при приеме в наследство земельного участка, однако появится другой налог — налог на «прирост капитала» (capital gains taxes), суть которого заключается следующем: при дальнейшей продаже унаследованного земельного участка наследнику придется заплатить в федеральный бюджет полученную разницу между справедливой рыночной стоимостью земельного участка и стоимостью, которая была актуальна на момент смерти наследодателя. Отметим, что это колоссальное отличие от российского законодательства, так как дальнейшая продажа унаследованных земельных участков в Российской Федерации не предусматривает подобных денежных отчислений в казну государства.

Наследование земельного участка в США также подразумевает тот факт, что наследник берет на себя ответственность за то, что он будет являться землевладельцем и будет поддерживать полученный им земельный участок в состоянии, пригодном для поддержания на нем жизнедеятельности. То есть здесь не так важно, идет ли речь о стрижке травы, обеспечении безопасности имущества, находящегося на участке, очистке после незаконного сброса отходов, предотвращении вторжения нарушителей или уходе за домом или другими зданиями на земле, владение землей имеет свои обязанности.

Для наглядного понимания процедуры наследования рассмотрим её на примере штата Флорида.

Итак, когда родитель или другой член семьи умирает, владея землей и недвижимостью, и наследодатель является единственным владельцем участка, то все это имущество, будь то дом или семейная ферма, автоматически становятся частью наследственного имущества и передаются наследникам, указанным в завещании. Согласно кодексу штата Флориды под наследственным имуществом (intestate estate) в разделе 732.101 понимается «... любая часть имущества покойного, которая не находит эффективного распоряжения по завещанию, переходящая к наследникам покойного, как это предусмотрено в главе кодекса. Смерть покойного — это событие, которое закрепляет право наследников на завещанное имущество покойного» [5].

Если наследодатель умирает, не оставив завещание, то земельный участок и прочее имущество будут передаваться в соответствии с законами штата Флорида о завещании.

После открытия наследства имущество покойного передается наследникам через процесс утверждения завещания под руководством личного представителя (в нашей стране — через нотариуса). После того, как земельный участок и находящаяся на нем недвижимость будут готовы к распределению среди наследников, необходимо отразить определенные юридические документы в публичных отчетах, чтобы уведомить об изменении собственника и решить любые вопросы, связанные с правом собственности, а также вопросы, связанные с налогообложением наследуемого имущества.

Согласно законодательству штата дети наследодателя в любом случае имеют равные доли завещанного им земельного участка и недвижимости, расположенной на нем. Если интересы наследников впоследствии расходятся, например, когда существуют различные представления о том, что делать с унаследованной собственностью, возникает судебный спор. В данной ситуации наследники обращаются в суд для раздела имущества (a partition action). Иск о разделе имущества является формальным составительным иском, поданным в суд по делам о наследстве, где была введена в действие последняя воля и завещание их родителя. Иск о разделе подается в соответствии с разделом 733.817 кодекса Флориды [6] о завещании либо родным братом, либо личным представителем имущества. Данный раздел утверждает о том, что «когда два или более наследника имеют право на распределение неразделенных интересов в любом имуществе, личный представитель или любой наследник может обратиться в суд до закрытия имущественной массы для раздела имущества в том же порядке, как это предусмотрено законом для гражданских исков о разделе. Суд имеет право поручить личному представителю продать любое имущество, которое не может быть разделено без ущерба для владельцев и которое не может быть распределено справедливо и удобно» [7].

Однако, если имущественная масса была закрыта, то запрос суда по наследству не является решением спорной ситуации. При возникновении подобной спорной ситуации наследникам необходимо подать иск о разделе насле-

дуемого имущества в соответствии с другим статутным законом Флориды.

В соответствии с этим статутом, иски о разделе могут быть поданы любым из владельцев земли: то есть «один или более из нескольких совместных арендаторов (наследников), общих наследников или сонаследников, против их сонаследников или других заинтересованных в разделяемых землях» (раздел 64.031 статута штата Флорида).

Раздел земельного участка начинается с подачи исковой жалобы в штате, где находится недвижимость. Наследник, на которого подали в суд, официально уведомляется о судебном процессе, а затем начинаются стандартные формальные процедуры судебного процесса во Флориде. Стороны будут проводить установление фактов (путем официального обнаружения, включая просьбы о представлении документов и даже письменных показаний), возможные судебные слушания и, в конечном счете, вынесение решения (если не будет достигнуто соглашение) по просьбе о разделе.

Таким образом, рассмотрев некоторые особенности наследования земельных участков в США хочется отметить, что наши правовые системы имеют значительные различия между собой, что сказывается и на рассмотрении аналогичных судебных споров. Полагаю, данная правовая система ориентирована по своей природе на свободу отдельного человека, его неотъемлемого права и значительно меньшим вмешательством государства в область гражданско-правовых отношений, а конкретно в сферу наследования, нежели наша правовая система.

Литература:

1. Рассказов, Л. П. Англосаксонская правовая семья: генезис, основные черты и важнейшие источники // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015.
2. Единообразный наследственный Кодекс США от 1969 г. Официальный сайт Комиссии по Единообразным законам [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://www.uniformlaws.org/shared/docs/probate %20code/urc %202010.pdf](http://www.uniformlaws.org/shared/docs/probate%20code/urc%202010.pdf) (дата обращения 25.04.2020)
3. American Society of Civil Engineers. Glossary of the Mapping Sciences. 1994. с. 279.
4. 26, U. S. C. § 2001. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/26/2001> (дата обращения: 24.04.2020).
5. Устав штата Флорида 2019 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.leg.state.fl.us/STATUTES/index.cfm?App_mode=Display_Statute&Search_String=&URL=0700-0799/0732/Sections/0732.101.html (дата обращения: 25.04.2020).
6. The 2019 Florida Statutes [Электронный источник]. — Режим доступа: http://www.leg.state.fl.us/statutes/index.cfm?App_mode=Display_Statute&Search_String=&URL=0700-0799/0733/Sections/0733.817.html (дата обращения: 26.04.2020).
7. Gudrun Maria Nickel Probate and Settle an Estate in Florida. 2006. с. 121.

Защита прав подозреваемого и обвиняемого в условиях состязательного процесса

Клычлиева Юлия Чарыевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Кривощёков Николай Витальевич, кандидат юридических наук, доцент
Тюменский государственный университет

Темой данной работы является реализация права на защиту в условиях состязательного процесса обвиняемым и подозреваемым, при этом под реализацией в данном случае будет пониматься реальный механизм применения конституционных прав на государственную защиту на стадии предварительного следствия, поскольку именно на данной стадии принцип состязательности нарушается чаще всего. Об актуальности данного вопроса свидетельствует то, что подавляющее число обвинительных приговоров в российских судах получаются вследствие применения особого порядка судебного разбирательства, который избирается подозреваемым (обвиняемым) еще на этапе предварительного следствия. Обвиняемый (подозреваемый) сознательно отказывается от конституционного права на защиту в обмен на обещанные следователем послабления уголовной ответственности, которые во многих случаях осужденный не получает. При этом впоследствии осужденные указывают на то, что они были лишены права на защиту, а адвокат по назначению не разъяснял им их конституционных прав.

Одним из наиболее действенных способов защиты подозреваемым (обвиняемым) своих прав является подача жалоб на решения и действия (бездействие) следственных органов, а также органов дознания. Принцип состязательности уголовного процесса заключается, в том числе, что обвиняемый (подозреваемый) вправе защищать себя любыми способами и методами, не запрещенными законом. При этом сам по себе принцип состязательности предусмотрен нормой ст.15 Уголовно-процессуального Кодекса РФ [1]. Наиболее часто нарушаемыми составляющими принципа состязательности сторон являются принципы, закрепленные в нормах ч.3, ч.4 ст.15 УПК РФ, а именно: независимость суда и его неучастие в уголовном преследовании обвиняемого (подозреваемого), а также неравноправие стороны обвинения и защиты перед судом. Все больше и больше судов по уголовным делам происходит с явным нарушением принципа независимости суда, когда суд фактически действует на стороне обвинения, отказывая в удовлетворении абсолютно всех ходатайств и жалоб защиты и удовлетворяя все процессуальные ходатайства стороны обвинения. При этом обжалование незаконных и необоснованных решений и действий следователя, дознавателя и прокурора осуществляется в порядке ст.125 УПК РФ, согласно которой обжалованию подлежат лишь такие решения и действия (бездействие), которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию. В по-

следнее время суды стали ущемлять подозреваемых и обвиняемых в их правах на обжалование в порядке ст.125 УПК РФ, и под различными предлогами и поводами отказывают в принятии подобных жалоб, либо возвращают их заявителям под надуманными предлогами, что существенно нарушает права и законные интересы подозреваемых и обвиняемых на состязательность. Как правило, подобные действия судов осуществляются в интересах следствия, дознания, прокуроров и органов, осуществляющих оперативно-розыскные мероприятия (ОРМ). Это прямо противоречит основным принципам состязательности уголовного процесса, в соответствии с которыми праву гражданина на судебную защиту корреспондирует обязанность суда, прокурора, следователя, дознавателя обеспечить возможность осуществления этих прав (ч.1 ст.11 УПК РФ), обязанность рассмотреть жалобу по существу с доведением результатов до заявителя. Как показывает судебная практика, суды испытывают сложности при определении предмета и пределов обжалования в порядке ст.125 УПК РФ. Анализ судебной практики Нижегородской области за 2018 г. показывает большую эффективность такого способа защиты прав. Так, за первое полугодие 2018 г. апелляционной инстанцией Нижегородского областного суда было рассмотрено 1281 судебное решение, принятое в порядке судебного контроля. Доля материалов, рассмотренных в порядке ст.125 УПК РФ, от общего числа, составила 33,4 % (428 материалов). Из числа рассмотренных жалоб 67 % оставлено без изменения (286 решений), 33 % изменены по тем или иным основаниям (142 решения). Из числа измененных отменено полностью 113 решений (78 %), изменено — 6 решений (5 %), прекращено производством — 20 решений (14 %), полностью отменено с принятием нового решения 3 решения (3 %).

Одним из видов нарушений состязательности уголовного процесса является заведомая дача судами в порядке судебного контроля оценки с точки зрения стороны уголовного права и уголовно-процессуального закона, что выходило за пределы судебного разбирательства в порядке ст.125 УПК РФ и предreshало виновность подозреваемого. Так, отменяя постановление Нижегородского районного суда от 03.04.2018 г. по жалобе Н. в порядке ст.125 УПК РФ, суд апелляционной инстанции указал, что суд первой инстанции дал правовую оценку фактическим обстоятельствам уголовного дела, которые подлежат обязательному доказыванию в порядке ст.73 УПК РФ, чем явно вышел за пределы судебного разбирательства в порядке ст.125 УПК РФ и нарушил принцип состязательности уголовного процесса, подменив собой, по сути, орган государственного обвинения.

Довольно распространенными жалобами на незаконные действия органов предварительного следствия являются жалобы на нарушение сроков или процедуры ознакомления с материалами уголовного дела. Так, постановлением Автозаводского районного суда г. Нижнего Новгорода от 14.04.2018 г. было отказано в удовлетворении жалобы Р. о признании незаконными действий заместителя руководителя СО по Автозаводскому району г. Нижний Новгород СУ СК РФ по Нижегородской области, выразившихся в неознакомлении с материалами проверки по заявлению представителя подозреваемого О — защитника Р. Суд апелляционной инстанции указал на нарушения норм уголовного процесса при рассмотрении жалобы заявителя, отметив, что в судебном заседании первой инстанции рассматривалось только само обжалуемое постановление безотносительно других материалов дела. Подобные обстоятельства суд апелляционной инстанции счел нарушением права на защиту, а также нарушением ст.240, ст.302 УПК РФ, согласно которым суд первой инстанции основал свои выводы на неисследованных в судебном заседании доказательствах в виде остальных материалов проверки [3].

В доктрине уголовного процесса существует мнение, что подобные нарушения становятся возможны вследствие отсутствия законодательно определенного распределения бремени доказывания по жалобам в порядке ст.125 УПК РФ. Так, Е. В. Носкова в своей работе отмечает, что в отличие от распределения бремени доказывания в рамках судебного разбирательства по уголовному делу, где бремя по доказыванию обвинения лежит на стороне обвинения, требования о том, на кого возлагается бремя доказывания предмета жалобы в порядке ст.125 УПК РФ, законом не предусмотрены. При этом согласно установленной процедуре рассмотрения жалобы по ст.125 УПК РФ сначала слово для обоснования жалобы предоставляется заявителю, которым может быть подозреваемый (обвиняемый) или иное лицо, чьи права нарушены, после чего заслушиваются остальные участники процесса. При этом автор отмечает, что органы, чьи действия (бездействие) или решения в рамках уголовного процесса обжалуются или оспариваются, не обязаны доказывать законность и обоснованность обжалуемых решений и действий (бездействия). Следовательно, заключает Е. В. Носкова, бремя доказывания в рамках судебного разбирательства лежит на заявителе [2].

При этом исследователь высказывает свою позицию по данному вопросу, которая в целом соответствует нашей позиции, согласно которой такой подход законодателя представляется неверным, поскольку предмет доказывания и бремя доказывания, на наш взгляд, должны быть распределены аналогично бремени доказывания по делам административной юстиции, когда обжалованию

подвергаются решения и действия (бездействие) органов государственной власти, а также должностных лиц. В российской правовой системе это нормы Кодекса об административном судопроизводстве (КАС) РФ. Так, согласно ст.226 КАС РФ обязанность по доказыванию предмета обжалования в виде нарушенных прав и законных интересов административного истца, а также соблюдение сроков на обращение в суд возлагается на административного истца, а обязанность по доказыванию соответствия решения и действия (бездействия) должностного лица или государственного органа нормам законодательства возлагается на административного ответчика. Полагаем, что в отношении распределения бремени доказывания в рамках производства по ст.125 УПК РФ стоит применить аналогичный подход, поскольку в целом предмет рассмотрения жалоб в порядке административной юстиции аналогичен рассмотрению жалоб в порядке ст.125 УПК РФ. По сути, правовая сущность жалоб в порядке ст.125 УПК РФ — это административно-уголовная юстиция, поскольку оспариваются решения и действия (бездействия) государственных органов и должностных лиц в рамках уголовного процесса.

Кроме того, следует законодательно уточнить пределы судебного разбирательства по жалобам в порядке ст.125 УПК РФ, которая является исключительно процессуальным способом защиты нарушенных прав обвиняемого (подозреваемого), а также иных участников уголовного процесса. Предмет такой жалобы не должен вмешиваться в материальные нормы права и являться исключительно процессуальным инструментом. Однако, как в таком случае защищать свои права и законные интересы тем подозреваемым и обвиняемым, которые, к примеру, не согласны с возбужденным в их отношении уголовным делом и оспаривают правильность квалификации содеянного? Как представляется, это и есть вмешательство в материальное право, но как возможно отказать в этом праве обвиняемому и подозреваемому, если от объема предъявленного обвинения и его квалификации напрямую зависит размер и характер наказания, а также его справедливость. В таком контексте снова возникает вопрос обоснованности введения в российскую уголовную юстицию института следственных судей, который активно обсуждался еще в 2016–2017гг., однако он так и остался на этапе обсуждения. Представляется, что нельзя отказывать обвиняемому (подозреваемому) в праве на защиту, так как его искусственное ограничение и сужение предмета и пределов обжалования негативно отразится на состязательности уголовного процесса. Представляется, что этот вопрос должен быть урегулирован доктринально и тщательно обсужден научным и экспертным сообществом, ведь от него напрямую зависит защита прав обвиняемых и подозреваемых на этапе предварительного следствия.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный Кодекс РФ от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ // РГ — 22.12.2001 г. — № 249

2. Носкова, Е. В. Пределы судебного разбирательства в особом производстве по жалобам, рассматриваемым судом в порядке ст.125 УПК РФ // Уголовная юстиция — 2013 г. — № 2(2), с. 31–38
3. Обзор судебной практики Нижегородского областного суда по применению ст.125 УПК РФ за первое полугодие, утвержденный Президиумом Нижегородского областного суда от 16 декабря 2018 г. — <http://oblsudnn.ru/index.php/obzory-sudebnoj-praktiki/1368-obzor-sudebnoj-praktiki-nizhegorodskoj-oblasti-po-primeneniyu-stati-125-ugolovno-protsessualnogo-kodeksa-rossijskoj-federatsii-za-pervoe-polugodie-2018-goda>

Международно-правовые стандарты содержания лиц в учреждениях пенитенциарной системы

Кокобелян Артур Вачаганович, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

События XX века, которые сотрясли весь мир, затронули, естественно, все сферы общественной жизни. Эти события оказали влияние на человеческое мироощущение, мировосприятие, миропонимание. И, разумеется, далеко не в последнюю очередь это затронуло правовую сферу. После пережитого ужаса двух мировых войн, человечество, постепенно, более ответственно подходит к вопросам гуманизма, в особенности, гуманизма по отношению к лицам, находящимся в пенитенциарных учреждениях. На фоне этого происходит формирование новых и улучшение уже действующих стандартов содержания заключенных. За последние 70 лет мировым сообществом были разработаны и приняты множество нормативно-правовых актов, закрепляющих гуманное отношение к человеку, его жизни, здоровью, чести, достоинству. Данные акты также устанавливали определенные стандарты обращения и содержания с заключенными. В данной работе автор анализирует установленные международно-правовые и национальные стандарты содержания лиц в пенитенциарных учреждениях, приводит их классификацию. После этого исследуется тип российской уголовно-исполнительной системы и ее соответствие установленным международным стандартам.

Ключевые слова: пенитенциарная система, стандарты содержания заключенных, международно-правовая основа прав заключенных, российская уголовно-исполнительная система.

The World Wars of the 20-th century, which shocked the whole world, affected, of course, all spheres of public life. These events have had an impact on the human perception and understanding of the world. The legal sphere actually was not exclusion. After experiencing the horror of two world wars, humanity is gradually taking a more responsible approach to issues of humanism, in particular, humanism in relation to persons in penitentiary institutions. During these shifts, international community shapes new standards of detention and improves the existing ones. Over the past 70 years, the world community has developed and adopted many legal acts that enshrine a humane attitude to a person, their life, health, honor, and dignity. These acts also set certain standards for the treatment and maintenance of prisoners. In this paper, the author analyzes the established international legal and national standards for the detention of persons in penitentiary institutions, provides their classification. Moreover, this article includes the type of Russian penal enforcement system and its compliance with established international standards.

Keywords: penitentiary system, standards of detention of prisoners, international legal basis of prisoners rights, Russian penal system.

Пенитенциарная система происходит от латинского «proenitentia», что в переводе означает «раскаяние». В современной юридической науке нет единого мнения касательно определения понятия «пенитенциарная система». Например, В. Б. Спицнадель и С. И. Вележев под пенитенциарными учреждениями и пенитенциарной системой понимают совокупность органов и учреждений, которые исполняют наказания, подразумевающие лишение свободы [3, с. 143–151]. В свою очередь, по мнению М. П. Мелентьева, подразумевает под собой не только систему размещения заключенных в тюрьмах. В своей работе «Пенитенциарные системы зарубежных стран» Мелентьев в понятие пенитенциарной системы включает всю систему

мер, направленных на восстановление социальной справедливости, а также на исправление осужденного и недопущения рецидива [1, с. 19]. Можно увидеть, что и в одном, и в другом случае речь идет об определенных институтах, средствах и методах, которые с помощью различного типа связей между ними создают собственно систему. На наш взгляд, было бы логично рассматривать пенитенциарную систему как систему правоприменительных органов, государственный аппарат принуждения, ведающий исполнением уголовных наказаний, наложенных на граждан в соответствии с законом.

Пенитенциарные учреждения возникли еще многие столетия назад, в древнейшие времена. Однако содер-

жание данных учреждений обходилось слишком дорого. Вследствие данного факта заключенные содержались там, в основном, лишь до исполнения приговора, т. е. казни, отправки на рудники, на галеры и т. п. В будущем же подобные тюремные учреждения стали играть доминирующий характер. Это произошло благодаря развитию гуманизма (так как содержание преступника в изоляции под стражей было явно гуманнее, чем применение смертной казни или членовредительских наказаний) и увеличения достатка общества (благодаря этому появилась возможность содержать преступников в изоляции от общества и вести охрану их режима). Считаю важным отметить, что даже в позднее Средневековье тюрьмы не имели каких-либо определенных целей, кроме цели изолировать преступника от общества.

На наш взгляд, следует сказать об уголовно-исполнительной системе. Она не просто является одной из важнейших частей пенитенциарной системы, но и, на наш взгляд, она олицетворяет то, что представляет собой понятие «пенитенциарная система». Перечень учреждений, входящих в данную систему, закрепляется, к примеру, в статье 16 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации. Считаю необходимым привести перечень данных учреждений:

- уголовно-исполнительные инспекции,
- исправительные центры,
- арестные дома,
- колонии-поселения,
- лечебные исправительные учреждения,
- воспитательные колонии,
- тюрьмы,
- следственные изоляторы.

Обязанностью данных учреждений является:

- 1) Обеспечение исполнения уголовно-исполнительного законодательства;
- 2) Поддержание необходимых условий для обеспечения правопорядка и законности, безопасности осужденных, а также персонала, должностных лиц и граждан, находящихся на их территориях;
- 3) Создание подходящих условий для привлечения осужденных к труду, а также для получения ими общего образования, профессионального обучения и переквалификации;
- 4) Обеспечение охраны здоровья окружающих;
- 5) Гарантирование деятельности по развитию своей материально-технической базы и социальной сферы;
- 6) Оказание содействия органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность;
- 7) Обеспечение режима содержания подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых в качестве меры пресечения применено заключение под стражу, а также соблюдение их прав и исполнение ими своих обязанностей.

В настоящее время мы имеем достаточно широкий спектр международных стандартов по отношению к осужденным, которые были созданы благодаря постоянному и многостороннему международному сотрудничеству в области прав человека [2, с. 126].

Все имеющиеся международные стандарты в отношении лиц, находящихся в пенитенциарных учреждениях, обычно классифицируют по трем критериям:

- масштаб действия;
- специализация;
- обязанность для государств.

В свою очередь, стандарты по масштабам действия можно разделить на универсальные и региональные.

На данный момент единственной глобальной универсальной межправительственной организацией является ООН. Ее работа охватывает не только проблемы военной безопасности и экономики, но и борьбу за права человека. Под эгидой ООН было организовано множество комитетов, целями которых являются: распространение знаний о правах человека, выработка мер для наиболее эффективного исполнения прав, контроль за соблюдением положений принятых конвенций и принятие мер, когда положения не соблюдаются. Таким образом, к универсальным стандартам мы отнесем стандарты, вырабатываемые ООН (например, Конвенция ООН против пыток). К региональным стандартам относятся правила, вырабатываемые на основе региональных объединений государств. Наиболее актуальным для данной темы примером является Совет Европы (Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Европейская конвенция по правам человека)).

По специализации универсальные стандарты обращения с осужденными классифицируются на акты общего характера и акты специализированного характера. К первым мы смело можем отнести, например, Международный пакт о гражданских и политических правах. К актам специализированного характера мы относим Минимальные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (они же Пекинские правила), либо, например, Европейские пенитенциарные правила.

Классификацию по обязанности для государств можно отнести к двум разрядам:

- обязательные нормы;
- принципы и общие положения.

Обязательные нормы должны исполняться без возможности выбора. В случае обязательности принятых и ратифицированных каждой страной принципов и общих положений, данные рекомендации внедряются государством в соответствии с имеющимися возможностями и особенностями страны. Похожей классификации придерживается профессор В. И. Селиверстов [5, с. 376–385].

Говоря о международно-правовых стандартах, гарантирующих права лиц, находящихся в пенитенциарных учреждениях, важно отметить следующие международно-правовые принципы, которые рекомендуется учитывать при формировании национальных уголовно-исполнительных систем:

- Принцип защиты права на жизнь, здоровье и личную неприкосновенность;
- Принцип недопустимости дискриминации;

- Запрет пыток и опытов над заключенными;
- Свобода религиозного убеждения и запрет религиозного принуждения;
- Регистрация с целью предупреждения незаконного содержания под стражей.

Первый принцип, на наш взгляд, является общим, самым содержательным, включающим все остальные принципы.

К примеру, принцип недопустимости дискриминации отражен в статье 7 Всеобщей декларации прав человека: «Все люди равны перед законом и имеют право, без всякого различия, на равную защиту закона. Все люди имеют право на равную защиту от какой бы то ни было дискриминации, нарушающей настоящую Декларацию, и от какого бы то ни было подстрекательства к такой дискриминации».

Принцип запрета пыток и опытов над заключенными охраняет физическую неприкосновенность осужденных.

Свобода религиозного убеждения и запрет религиозного принуждения закреплены, к примеру, в статье 18 Международного пакта о гражданских и политических правах. Пункт 1 данной статьи провозглашает право свободы мысли и совести. В том числе, «это право включает свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору и свободу исповедовать свою религию и убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в отправлении культа, выполнении религиозных и ритуальных обрядов и учений». Каждому гарантируется свобода религиозного убеждения, в том числе лицам, находящимся в пенитенциарных учреждениях.

Международные стандарты правового инструментария обеспечения пенитенциарных прав и безопасности являются объектом и инструментарием международного контроля внутригосударственного обеспечения, а также инструментарием непосредственного обеспечения международными институтами (Европейским судом по правам человека, Комитетом по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания и др.) пенитенциарных прав человека и безопасности.

В систему действующих актов об обращении с заключенными мы можем отнести следующие:

- Всеобщая декларация прав человека (1948 г.);
- Декларация ООН о ликвидации всех форм расовой дискриминации (1963 г.);
- Декларация прав ребенка (1959 г.);
- Международный акт об экономических, социальных и культурных правах (1966 г.);
- Международный акт о гражданских и политических правах (1966 г.);
- Декларация о правах умственно отсталых лиц (1971 г.);
- Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка (1979 г.);
- Принципы медицинской этики, относящиеся к роли работников здравоохранения, в особенности

врачей, в защите заключенных или задержанных лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (1982 г.);

— Меры, гарантирующие защиту прав тех, кто приговорен к смертной казни (1984 г.);

— Правила ООН, касающиеся обращения с женщинами-заключенными и мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы (Бангкокские правила);

— Свод принципов защиты всех лиц, подверженных задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (1989 г.).

Данный перечень не является исчерпывающим. Мы лишь привели некоторые акты в интересующей нас сфере.

Нормативно-правовую основу уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы в Российской Федерации, помимо ратифицированных международных договоров, являются Конституция Российской Федерации, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, а также Закон РФ от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы».

В процессе реализации положений приведенных ранее документов в сфере прав лиц, находящихся в пенитенциарных учреждениях, не редко возникают сложности, связанные с ограничениями материально-финансовых ресурсов и экономического положения страны, стремление общества к «карательному возмездию», спровоцированному ростом преступности, уровень здоровья населения, в том числе психических заболеваний и наркозависимости, степень конфликтности на этнической почве [4, с. 586]. Все это присуще и России. Российской уголовно-исполнительной системе более свойственна так называемая «колониальная система». Самое главное отличие данной системы от тюремной состоит в том, что здесь заключенные проживают в общих помещениях, а не отдельных камерах. Данная система характерна для социалистических стран, современной России, а также для стран бывшего Советского Союза.

Данная система имеет ряд минусов. Например, при колониальной системе в одном учреждении могут находиться осужденные различных категорий. Это накладывает негативный отпечаток на процесс исправления, ресоциализации. У заключенных может происходить обмен опытом, вследствие чего в колонии преступники могут стать более опасными, нежели они были в момент прибытия в колонию. Могут, к примеру, формироваться преступные группировки для совершения новых преступлений. Также по причине переполненности колоний осложняется возможность проведения воспитательной работы с каждым заключенным индивидуально.

Справедливо будет отметить, что колониальная система имеет и положительные черты, такие как возможности проведения мер по ресоциализации заключенного, в том числе организовать трудовую деятельность и комплекс воспитательных мероприятий. Однако в условиях современной рыночной экономики труд заключенных вряд ли

может быть востребован в тех же масштабах, что в условиях экономики плановой.

Практическая реализация международных стандартов в российской пенитенциарной (уголовно-исполнительной) системе не может успешно осуществляться, не учитывая и не изменяя бытовые и материальные условия

исполнения наказания. Необходимо также улучшение положения населения в социально-экономической сфере. Нельзя также забывать, что существующие условия содержания заключенных в российских колониях не должны противоречить международным стандартам, например, упоминаемой выше Конвенции против пыток.

Литература:

1. Пенитенциарные системы зарубежных стран / Под общ. ред. М. П. Мелентьева. — Киев, 1993. — 319 с.
2. Рожков, С. А. Международные стандарты обращения с осужденными и уголовно-исполнительное законодательство РФ // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2009. № 1–3. — с. 126–132
3. Спицнадель, В. Б., Вележев С. И. Пенитенциарная система: понятие и общая характеристика, соотношение с пенитенциарным правом // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2003, № 1. — с. 143–151
4. Уголовно-исполнительное право России: учеб. для юрид. вузов и ф-тов / под ред. А. И. Зубкова. М.: Изд. группа ИНФРА-М-НОРМА, 2007.
5. Уголовно-исполнительное право: учеб. для юрид. вузов / под ред. В. И. Селиверстова. 6-е изд., испр. и доп. М.: ИД «Юриспруденция», 2007.

Правовые основы ресоциализации лиц, находящихся в местах принудительного содержания

Кокобелян Артур Вачаганович, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

Мировое сообщество с середины 20 века стремится снизить уровень преступности в обществе и его криминализации, для чего учеными была выработана достаточно эффективная практика ресоциализации заключенных, т. е. возвращения их в общество без стремления снова совершить преступление. В приведенной работе автор анализирует понятие ресоциализации и его аналоги в международном праве и зарубежных исследованиях, возникшие особенности в российском применении термина. В разборе самого понятия и его этапов применяются исследования российских ученых для более точного понимания специфики проблемы. После чего исследуется степень закреплённости основных мер по ресоциализации как в международном праве, так и в российском законодательстве.

Ключевые слова: ресоциализация, социальная реабилитация, международно-правовая основа прав заключенных.

The World community has been trying to reduce the level of crime in society and its criminalization since the middle of the 20th century. Trying to achieve this purpose scientists have developed a fairly effective practice of prisoners' resocialization, i.e., reintegrating them to society without the desire to commit a crime again. In this article, the author analyzes the concept of resocialization and its analogues in international law and foreign studies, as well as the features that have emerged in the Russian application of the term. The concept and its stages are analyzed by the researches of Russian scientists in order to understand better the specifics of the problem. After that, the author examines the degree of consolidation of the main measures for resocialization both in international law and in Russian legislation.

Keywords: resocialization, social rehabilitation, international legal foundation for prisoners' rights.

В российских исследованиях наиболее широко применяется термин «ресоциализация» во время описания процессов восстановления жизни человека и прививания ему общечеловеческих ценностей, которые не были усвоены ранее. Применительно к лицам, находящимся в пенитенциарных учреждениях, это подразумевает комплекс мер, направленных на исправление антисоциального поведения человека и восстановление его способностей к здоровой коммуникации с обществом [1].

Цель заново социализировать человека также обуславливается приобретением заключенным специфических навыков и привычек, которые необходимы во время пребывания в пенитенциарном учреждении. Такое, чаще всего индивидуалистское, поведение необходимо для соблюдения тюремных законов, но в обычной жизни, к которой должны будут вернуться заключенные, оно может препятствовать принятию нового образа жизни и взаимодействия с обществом, создавая основу для рецидива.

Причем в России показатели не утешающие, согласно отчёту МВД о состоянии преступности в период с января по декабрь 2019 года, 58,7 % расследованных преступлений было совершено лицами, ранее уже совершавшими преступления. [5]

Однако в иностранной литературе термин ресоциализация встречается достаточно редко и вписывается в значение понятия «rehabilitation» (с англ. — реабилитация). Данный термин толкуется наиболее признанным словарём Оксфорда как «процесс помощи кому-либо заново начать нормальную, (общественно) полезную жизнь после долгой болезни или заключения в тюрьме». В английском понимании реабилитация — не смена социальных установок и роли, а их восстановление. В Минимальных стандартных правилах ООН по обращению с заключенными от 2015 года, известных так же, как «Правила Нельсона Манделы», указано именно требование повторной интеграции (англ. — reintegration) человека в общество, чтобы он снова смог в полной мере вести самостоятельную жизнь [11]. В русском языке, согласно словарю Ожегова, под реабилитацией мы понимаем лишь восстановление человека после болезни, а в отношении заключенных в научной литературе слово «реабилитация» используется в связке с характеристикой «социальная». Из данных наблюдений мы можем предположить, что в российском понимании восстановление человека связано именно с его способностью правильно взаимодействовать с обществом, и, обращаясь к теории идентичности, означает ещё и полную смену своей социальной роли в попытках приспособиться к новой для него реальности [3, с. 162]. Этим мы можем объяснить некоторые споры в понимании ресоциализации индивида после пребывания в пенитенциарных учреждениях.

Также стоит отметить, что в Уголовно-исполнительном кодексе РФ не используется термин «ресоциализация», а в статье 1, где отмечены цели и задачи кодекса, используется словосочетание «исправление заключенных». В последние годы поступало несколько предложений с проектами по ресоциализации заключенных. Например, благотворительный фонд «Сорок Сороков» подавал заявку летом 2019 года на получение президентского гранта по реабилитации женщин и молодёжи до 30 лет, однако проект не получил финансирование [4].

Должна ли ресоциализация включать в себя пост-пенитенциарный период? Необходимо делать упор на воспитательную работу с человеком и понимание им тяжести совершенных преступлений или на переквалификацию его для большей пользы обществу? Эти вопросы могут во многом стать дискуссионными. Основная цель пенитенциарной системы: поддержание безопасности в обществе, но средства достижения этой цели могут отличаться в зависимости от исторического опыта страны и настоящих нужд.

Тем не менее, правила обращения с заключенными и процессы социальной реабилитации не так сильно отличаются в странах мира. Мы предлагаем вам рассмотреть

стадии ресоциализации для более полного понимания степени их освещенности и обеспеченности в международно-правовых стандартах. Большинство ученых разделяют с некоторыми поправками классическое деление этапов на допенитенциарный, пенитенциарный и пост-пенитенциарный, где на допенитенциарном этапе происходит пропаганда антисоциального поведения и его поощрение, на пенитенциарном — собственно процесс исправления поведения, на постпенитенциарном — возвращение человека в социум и его адаптация. Такого же разделения придерживаются правительства при формировании пенитенциарной системы и принципов её работы, чаще игнорируя первую стадию. Распространенность такого взгляда можно проследить через декларирование мер и изменений в последние годы как в США, Франции, так и в Японии, Сингапуре, Саудовской Аравии [7, 8, 9, 10, 12].

Теоретическую важность представляют классификации М. С. Рыбака и А. В. Пищелко. Михаил Степанович Рыбак предложил разделять процесс ресоциализации на 5 уровней, предполагающих как подготовительную работу перед воспитательной работой, так и приспособление к обычной жизни после:

1. Установление принадлежности осужденного к положительной или отрицательной группе, к которой он может относиться с учетом его интеллектуальных и волевых качеств.
2. Создание условий для разрыва негативных связей с асоциальной средой.
3. Исправление осужденного как средство его ресоциализации.
4. Воспитательная работа с осужденным как средство ресоциализации.
5. Социальная адаптация лишённого свободы [13].

А. В. Пищелко, совместно с Д. В. Сочивко в своей крупной работе «Реадаптация и ресоциализация» предложили немного другую схему, на первом этапе которой происходит строгая изоляция заключенного от всех привычных ему действий и окружения [2]. Это необходимо для избавления от привычек и предупреждения дальнейшего девиантного поведения. На втором этапе производится особый контроль над заключенным, но допускается добровольный труд, основанный на правовой норме. Так, для него становится возможным адаптировать свою жизнь в рамках пенитенциарного учреждения и его строгих правил. Третий этап расширяет деятельность человека, подчеркивая её нравственный и социально-значимый характер. Под руководством и наблюдением администрации на четвертом этапе фактически создаются условия свободы с небольшими ограничениями, что позволяет заключенному легче адаптироваться и приобрести необходимые социальные навыки. Такая система действий более привычна и доступна для Российской Федерации, однако узкое понимание проблемы реабилитации и реадаптации индивида к общественной жизни и отсутствие интереса к ней приводит к тому, что каждый второй бывший заключенный совершает преступление

повторно, что следует из приведенной ранее статистики за 2019 год.

Из приведенных разногласий в классификации стадий ресоциализации и более подробных вариантов становится видно, что формирование психологической стабильности человека и социализация — многоуровневые процессы, на которые может влиять существенный ряд внутренних и внешних факторов. К внешним факторам, по отношению к уровню преступности или же склонности к преступности в целом, стоит отнести уровень контроля государством за обществом, степень влияния его на процессы социализации, наличие общенациональной идеи и стабильного ценностного комплекса для предупреждения появления аномии (т.н. ценностно-нормативного вакуума), а также другие различного рода экономические, политические, правовые, организационные, экологические и социологические факторы. Ко внутренним факторам обычно относят степень организованности преступности, профессионализм, другие качественные и количественные характеристики имеющихся преступников или преступных группировок и роль сложившихся уголовных традиций [13]. Однако следует отметить и отношение самого общества к заключенным как яркий фактор для успешности ресоциализации вышедшего на свободу. Стигматизация данного слоя общества может подталкивать людей к соблюдению приписанных им правил поведения, аннулируя проведенную работу.

В международном праве сложился полноценный блок конвенций, призванных защищать права лиц, находящихся в пенитенциарных учреждениях. В первую очередь следует рассмотреть упомянутые ранее Правила Нельсона Манделы от 2015 года. Правило 4 называет целью любого наказания дальнейшую реабилитацию человека и его свободу, а цель пенитенциарной системы: не допустить рецидива. Правила 87 и 88 подчеркивают важность социальной и психологической работы с заключенными для их дальнейшей адаптации. Правила 107 и 108 признают необходимость постпенитенциарной стадии социальной реабилитации человека и централизованной и скооперированной политики в этом отношении, а также создания государственных организаций, способных наиболее эффективно приводить её в действие.

Кроме прочего следует отметить роль труда в социализации заключенного. Правила 96–103 Правил Нельсона Манделы посвящены организации труда в пенитенциарных учреждениях и обучению лиц полезному труду с целью повысить им квалификацию и обеспечить будущие способы заработка. Общественно полезный труд

относят к классическим способам исправления и ресоциализации заключенного, однако не может быть единственным. Наличие профессиональных навыков имеет сравнительно небольшой эффект на построение индивидом социальных связей с отдельным человеком и обществом в целом.

В документах часто отмечается роль медицинского освидетельствования заключенных, контроль за их здоровьем. По данным Всемирной Организации Здравоохранения тюрьмы являются питательной средой для распространения множества заболеваний, в том числе ВИЧ/СПИД, туберкулеза, вирусных и бактериальных заболеваний, алкоголизма, наркомании и прочих, в том числе психических нарушений [6]. Именно поэтому как в Правилах Нельсона Манделы и их предшественнике Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными 1955 г., Правилах ООН, касающихся обращения с женщинами-заключенными и мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы (Бангкокских правилах) особое место уделяется доступу к своевременному врачебному осмотру, лекарствам, учёту прошлого заключенного для предотвращения психических расстройств.

В УИК РФ в качестве ресоциализации заключенного прописана обязанность труда (ст. 103) и воспитательная работа за 6 месяцев до выхода на свободу (ст. 180). Также в УИК РФ прописана гарантия права на трудовое, бытовое устройство и иного рода социальную помощь после освобождения (ст.182). Однако данные правовые нормы не имеют под собой систематизированных структур для их полноценной реализации или же по сути своей являются малоэффективной мерой как в случае с воспитательной работой [14].

В целом, был проведен анализ мер по ресоциализации заключенных, прописанных в основном источнике международных стандартов, Правилах Нельсона Манделы, а также в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации. Из приведенных различий в терминах и их значении можно сделать вывод о более узком понимании в российских исследованиях и законодательстве адаптации бывших заключенных к обычной жизни, из-за чего в России действуют крайне узкие меры в данной сфере. В Правилах Нельсона Манделы меры по предотвращению рецидива отражены максимально широко, однако их применение всё же ограничивается вопросами финансирования программ и качеством их исполнения. Тем не менее, мы выражаем надежду на изменение сложившейся ситуации как в пенитенциарных системах стран, в том числе в России, так и отношении общества к данной проблеме.

Литература:

1. Зубкова, В. И. Цель исправления как путь ресоциализации осужденного // Ресоциализация осужденных в условиях развития гражданского общества: сборник материалов Междунар. научно-практич. конф. (11–12 декабря 2014). Киров: ФКОУ ДПО Кировский ИПКР ФСИН России, 2014. 275 с.
2. Реадаптация и ресоциализация / Пищелко А. В., Сочивко Д. В.; Под общ. ред.: Калинин Ю. И. М.: ПЭР СЭ, 2013. 208 с.

3. Перинская, Н. А. Ресоциализация // Знание. Понимание. Умение. — 2005. — № 4. — с. 161–162.
4. Программа ресоциализации осужденных «Из темницы к свету» // Фонд президентских грантов. URL: <https://xn—80afcdbalict6afooklqi5o.xn—p1ai/public/application/item?id=3B0420B0-8229-4704-B147-6D16320F474C> (Дата обращения 04.04.2020).
5. Статистический сборник «Состояние преступности в России за январь-декабрь 2019 г». // Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: http://genproc.gov.ru/upload/iblock/034/sbornik_12_2019.pdf (Дата обращения: 04.04.2020).
6. Цифры и факты: Здравоохранение в местах лишения свободы // Всемирная Организация Здравоохранения [Офиц. сайт]. URL: <http://www.euro.who.int/ru/health-topics/health-determinants/prisons-and-health/data-and-statistics> (Дата обращения: 03.04.20).
7. Marie Crétenot. Prison conditions in France / Marie Crétenot, Barbara Liaras, Antigone Edizioni. — Rome, European Prison Observatory. — 2013. — 50 p.
8. Penal Institutions in Japan // U. S. Embassy & Consulates in Japan. URL: <https://jp.usembassy.gov/wp-content/uploads/sites/205/MOJ-Penal-Institutions-in-Japan-ENG-2018.pdf> (Дата обращения: 04.04.2020).
9. Prison reform: reducing recidivism by strengthening the federal bureau of prisons // The United State Department of Justice. URL: <https://www.justice.gov/archives/prison-reform> (Дата обращения: 04.04.2020).
10. Rehabilitation Process // Singapore prison service. URL: <https://www.sps.gov.sg/volunteer/rehabilitation-process> (Дата обращения: 04.04.2020)
11. United Nations Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners (the Nelson Mandela Rules) // United Nations. URL: <https://undocs.org/en/A/RES/70/175> (Дата обращения: 04.04.2020).
12. The Saudi «Binaa» Program: Civil Rehabilitation in the Criminal Justice // European Eye on Radicalization. URL: <https://eeradicalization.com/the-saudi-binaa-program-civil-rehabilitation-in-the-criminal-justice-system/> (Дата обращения: 04.04.2020).
13. Рыбак М.С. Ресоциализация осужденных к лишению свободы: проблемы теории и практики: Дис. ... докт. юрид. наук. / М.С. Рыбак. — Саратов, 2001.
14. Адоевская О.А. О возможности и пределах учёта международного опыта ресоциализации осужденных к лишению свободы // Юридический вестник Самарского университета. — №1, 2018. — с. 68-72.

Административная ответственность за использование земельных участков не по целевому назначению

Кошенко Ярослав Олегович, студент

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Симферополь)

Конституция РФ устанавливает, что земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в России как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории, а граждане и их объединения вправе иметь в частной собственности землю, владеть, пользоваться и распоряжаться ею как единолично, так и совместно с другими лицами с тем условием, что это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц.

В Земельном кодексе РФ закреплено в качестве одного из основных принципов земельного законодательства принцип деления земель по целевому назначению на категории, в силу которого правовой режим земель определяется исходя из их принадлежности к определенной категории и разрешенного использования в соответствии с зонированием территорий и требованиями законодательства. Данный принцип обеспечивает эффективное использование и одновременно охрану земли, каковым

целям служат также положения Земельного кодекса РФ и Гражданского кодекса РФ, возлагающие на собственников земельных участков обязанность использовать их в соответствии с разрешенным видом использования и установленным для них целевым назначением.

Исходя из земельного законодательства по целевому назначению земли подразделяются на следующие категории:

1. земли сельскохозяйственного назначения;
2. земли населенных пунктов;
3. земли промышленности, энергетики, транспорта, связи, радиовещания, телевидения, информатики, земли для обеспечения космической деятельности, земли обороны, безопасности и земли иного специального назначения;
4. земли особо охраняемых территорий и объектов;
5. земли лесного фонда;
6. земли водного фонда;

7. земли запаса.

Исходя из названия категорий земель можно понять, для каких целей разрешено использовать земельный участок, отнесенный к той или иной категории земель. Относительно земель запаса, то их использование как правило допускается только после перевода в иную категорию.

Что касается видов разрешенного использования земельных участков, то они установлены классификатором видов разрешенного использования земельных участков, утвержденного Приказом Минэкономразвития России от 01.09.2014 года № 540 (ред. от 04.02.2019 года) «Об утверждении классификатора видов разрешенного использования земельных участков»

Гарантией соблюдения требований земельного законодательства выступает часть 1 статьи 8.8 Кодекса об административных правонарушениях РФ, предусматривающая административную ответственность за использование земельного участка не по целевому назначению в соответствии с его принадлежностью к той или иной категории земель и (или) разрешенным использованием.

Ответственность за нецелевое использование земель наступает после обнаружения нарушений пользования землей, которые предусмотрены законодательством.

Нецелевое использование земельных участков выявляется при проведении проверок компетентными органами, а также в ходе проведения административных обследований в случае обращений граждан или иных лиц. При этом как проверки, так и административное обследование проводится компетентными органами. Порядок проведения проверок устанавливается соответствующими регламентами.

Правительством РФ утверждено постановление № 1 от 02 января 2015 г. «Об утверждении Положения о государственном земельном надзоре». В соответствии с пунктом 3 Положения о государственном земельном надзоре, Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр) и её территориальные органы помимо прочего осуществляют надзор за соблюдением:

1. требований законодательства об использовании земельных участков по целевому назначению в соответствии с их принадлежностью к той или иной категории земель и (или) разрешенным использованием;

2. требований законодательства, связанных с обязательным использованием в течение установленного срока земельных участков, предназначенных для жилищного или иного строительства, садоводства, огородничества, в указанных целях;

3. требований законодательства, связанных с обязанностью по приведению земель в состояние, пригодное для использования по целевому назначению;

4. требований законодательства, связанных с выполнением в установленный срок предписаний, выданных должностными лицами Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии, и ее территориальных органов в пределах компетенции, по

вопросам соблюдения требований земельного законодательства и устранения нарушений в области земельных отношений.

Приказом Минэкономразвития от 20 июля 2015 г. N 486 утвержден «Административный регламент Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по исполнению Федеральной службой государственной регистрации, кадастра и картографии государственной функции по осуществлению государственного земельного надзора», в котором регламентирован порядок осуществления государственного земельного надзора.

В данном Административном регламенте установлены формы в которых осуществляется государственный земельный надзор:

— проведения плановых и внеплановых проверок. Плановая и внеплановая проверки проводятся в форме документарной и (или) выездной проверки;

— принятия предусмотренных законодательством Российской Федерации мер по пресечению и (или) устранению последствий выявленных нарушений;

— систематического наблюдения за исполнением требований земельного законодательства;

— проведения анализа и прогнозирования состояния исполнения земельного законодательства.

Плановые проверки юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, и граждан осуществляются на основании ежегодных планов. С планом проверок в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей можно ознакомиться на сайте Генеральной прокуратуры РФ. План проверок в отношении граждан размещается на сайте Управления Росреестра.

Юридическим фактом — основанием для принятия решения о проведении внеплановой проверки — является:

1) истечение срока исполнения юридическим лицом, индивидуальным предпринимателем, гражданином, органом государственной власти, органом местного самоуправления выданного предписания об устранении выявленного нарушения требований земельного законодательства Российской Федерации;

2) мотивированное представление должностного лица Росреестра (территориального органа) по результатам рассмотрения или предварительной проверки поступивших в Росреестр (территориальный орган) обращений и заявлений граждан, юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, информации от органов государственной власти, органов местного самоуправления, а также сведений из средств массовой информации о следующих фактах:

— возникновение угрозы причинения вреда жизни, здоровью граждан, вреда животным, растениям, окружающей среде, объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) народов РФ, музейным предметам и музейным коллекциям, включенным в состав Музейного фонда РФ, особо ценным, в том числе уникальным, документам Архивного фонда РФ, документам, имеющим

особое историческое, научное, культурное значение, входящим в состав национального библиотечного фонда, безопасности государства, а также угрозы чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера;

— причинение вреда жизни, здоровью граждан, вреда животным, растениям, окружающей среде, объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) народов РФ, музейным предметам и музейным коллекциям, включенным в состав Музейного фонда РФ, особо ценным, в том числе уникальным, документам Архивного фонда РФ, документам, имеющим особое историческое, научное, культурное значение, входящим в состав национального библиотечного фонда, безопасности государства, а также возникновение чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера;

— нарушение имущественных прав РФ, субъектов РФ, муниципальных образований, юридических лиц, граждан.

3) выявление по итогам проведения административного обследования объекта земельных отношений признаков нарушений требований законодательства РФ, за которые законодательством РФ предусмотрена административная и иная ответственность;

4) распоряжение руководителя Росреестра (территориального органа), изданное в соответствии с поручениями Президента РФ, Правительства РФ и на основании требования прокурора о проведении внеплановой проверки в рамках надзора за исполнением законов по поступившим в органы прокуратуры материалам и обращениям;

5) непредставление декларации об использовании земельного участка в срок не позднее трех месяцев после истечения трех лет со дня заключения договора безвозмездного пользования земельным участком, предоставленным в соответствии с Федеральным законом от 1 мая 2016 г. N 119-ФЗ «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов РФ, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ»;

6) истечение установленного пунктом 17 статьи 6 Федерального закона от 24 июля 2002 г. N 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» срока с момента возникновения у собственника права собственности на земельный участок из земель сельскохозяйственного назначения, приобретенный по результатам публичных торгов на основании решения суда о его изъятии в связи с неиспользованием по целевому назначению или использованием с нарушением законодательства РФ, и (или) земельного участка, в отношении которого имеются сведения о его неиспользовании в течение трех и более лет по целевому назначению для ведения сельского хозяйства или осуществления иной связанной с сельскохозяйственным производством деятельности.

Проверки соблюдения требований земельного законодательства осуществляют федеральные государственные

служащие территориальных органов Росреестра — государственные инспектора. Если при проведении проверок выявлены нарушения земельного законодательства и для того, чтобы нарушения были устранены, государственные инспектора, выдают предписания об устранении нарушений земельного законодательства с указанием сроков их устранения, и в дальнейшем проводят внеплановые проверки, ранее выявленных нарушений. В случае неисполнения предписания в срок, составляется протокол об административном правонарушении по ст. 19.5 КоАП (невыполнение в установленный срок законного предписания) и материалы передаются в суд.

Должностные лица Росреестра (его территориальные органы) при проведении проверок имеют право составлять и рассматривать протоколы по следующим статьям КоАП:

— статья 7.1 КоАП — использование части самовольного занятия земельного участка или использования земельного участка без оформленных в установленном порядке правоустанавливающих документов на землю;

— часть 1 статьи 8.8 КоАП — использование земельного участка не по целевому назначению в соответствии с его принадлежностью к той или иной категории земель и (или) разрешенным использованием;

— часть 3 статьи 8.8 КоАП — неиспользование земельного участка, предназначенного для жилищного или иного строительства, садоводства, огородничества, в указанных целях;

— часть 4 статьи 8.8 КоАП — невыполнение или несвоевременное выполнение обязанностей по приведению земель в состояние, пригодное для использования по целевому назначению;

— статья 7.34 КоАП — нарушение сроков и порядка переоформления права постоянного (бессрочного) пользования земельными участками на право аренды земельных участков или сроков и порядка приобретения земельных участков в собственность.

Выявленное правонарушение в любом случае обязано быть устранено. Поэтому по нему проводятся проверки до его полного устранения. За нарушение земельного законодательства по факту использования земельного участка не по целевому назначению в соответствии с их принадлежностью к той или иной категории земель и (или) разрешенным использованием, предусмотрена ответственность по части 1 статьи 8.8 КоАП РФ в виде штрафа.

Размер административного штрафа равен:

— если не определена кадастровая стоимость земельного участка:

для граждан в размере от 10 000 до 20 000 рублей,

для должностных лиц — от 20 000 до 50 000 рублей,

для юридических лиц — от 100 000 до 200 000 рублей,

— в случае, если определена кадастровая стоимость земельного участка:

для граждан в размере 0,5–1 % кадастровой стоимости, но не менее 10 000 рублей;

для должностных лиц — 1–1,5 % кадастровой стоимости, но не менее 20 000 рублей;

для юридических лиц — 1,5–2 % кадастровой стоимости, но не менее 100 000 рублей.

К административной ответственности за указанное правонарушение могут привлекаться как собственники земельных участков, так и арендаторы, иные землепользователи. При этом субъектами правонарушения могут быть граждане, то есть физические лица, а также юридические лица и должностные лица. Необходимо отметить, что лица, занимающиеся предпринимательской деятельностью, привлекаются к административной ответственности как юридические лица, поскольку на них распространяются нормы законодательства, касающиеся юридических лиц. На индивидуального предпринимателя так же может быть возложена ответственность как на должностное лицо.

На сегодняшний день часто при привлечении к административной ответственности возникает вопрос является ли нецелевое использование здания или его части, нецелевым использованием земельного участка. Так в практике судов имеет место позиция о том, что нецелевое использование здания или его части, расположенного на земельном участке, не является признаком нецелевого использования земельного участка (постановление ВС РФ от 20.02.2015 по делу № 305-АД14–5167, А41–20594/14). Такая позиция является обоснованной. Деятельность лица на земельном участке во многом определяется тем, как используются размещенные на нем объекты, а нецелевое использование объектов недвижимости связано с нецелевым использованием земельного участка. Так, например, в одном деле собственник земельного участка, которому присвоен вид разрешенного использования «Эксплуатация складского комплекса», использовал находящиеся на нем складские помещения для размещения офисов (постановление АС Московского округа от 11.07.2017 по делу № А40–151922/2016).

Суды не согласились с доводами Управления Росреестра о том, что данный факт свидетельствует о нецелевом использовании земельного участка. Напротив, они указали, что использование помещений в нежилом здании относится к вопросу использования объекта недвижимости, а не земельного участка. Аналогичного подхода придерживался АС Центрального округа в постановлении от 07.12.2017 № Ф10–4923/2017 по делу № А08–72/2017, установив, что одно из помещений нежилого здания производственного назначения, расположенного на земельном участке, имеющем ВРИ «Для размещения и эксплуатации производственных зданий и сооружений», используется в торговой деятельности.

При этом в другом деле суд признал незаконными действия ответчика по возведению и эксплуатации торгового павильона на земельном участке, имеющем ВРИ «Для обслуживания здания клуба». Суд отклонил доводы ответчика о том, что торговый павильон используется им для обслуживания клуба, а следовательно, его возведение не

свидетельствует о нецелевом использовании участка (постановление ВС РФ от 24.03.2016 № 31-АД16–3).

Интерес также представляет постановление ВС РФ от 12.05.2017 № 31-АД17–5. В этом деле собственник земельного участка, относящегося к категории земель населенных пунктов и с ВРИ «Для эксплуатации гаражного бокса», разместил на кровле гаражного бокса опору станции сети сотовой радиотелефонной связи с соответствующим оборудованием. Таким образом, по мнению Управления Росреестра, собственник использовал земельный участок не по целевому назначению. Суд не согласился с данной позицией, указав следующее. В классификаторе видов разрешенного использования земельных участков (утв. приказом Минэкономразвития России от 01.09.2014 № 540, далее — Классификатор) установлено, что содержание ВРИ допускает без отдельного указания в Классификаторе размещение и эксплуатацию линейного объекта (кроме железных дорог общего пользования и автомобильных дорог общего пользования федерального и регионального значения), размещение защитных сооружений (насаждений), объектов мелиорации, антенно-мачтовых сооружений, информационных и геодезических знаков, если федеральным законом не установлено иное. Основываясь на положениях Классификатора и разъяснениях Минэкономразвития России, приведенных в письме от 18.03.2016 № Д23и-1239, суд пришел к выводу, что размещение антенно-мачтовых сооружений допускается на земельных участках с любым ВРИ (в том числе на земельных участках, в ВРИ которых специально не оговорено размещение объектов связи) без дополнительного кадастрового учета изменений в части разрешенного использования земельного участка.

Окончательную точку в этом вопросе поставил Конституционный суд РФ. В Постановлении от 14.11.2019 N 35-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго статьи 42 Земельного кодекса РФ и части 1 статьи 8.8 Кодекса РФ об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки О. В. Гламоздиновой» суд определил, что нецелевое использование здания не влечет за собой привлечения к административной ответственности за нецелевые использования земельного участка. В этом случае административная ответственность наступает за нецелевое использование здания.

Административная ответственность за нецелевое использование земельных участков предусмотрена ч. 1 ст. 8.8 КоАП РФ, наступает за использование участка как не в соответствии с целевым назначением с учетом его категории, так и за использование земельного участка с нарушением вида разрешенного использования. Санкцией за совершение правонарушения по ч. 1 ст. 8.8 КоАП РФ является штраф. С марта 2015 г. размер штрафов был существенно увеличен, а также был установлен новый механизм расчета штрафа: в размере, кратном в процентном выражении кадастровой стоимости участка. Теперь на организацию может быть наложен штраф в размере от 1,5 до 2 % кадастровой стоимости участка, но не менее 100

000 руб. (ранее ответственность организаций ограничивалась 50 000 руб.) Следует отметить, что действия могут быть квалифицированы по ч. 1 ст. 8.8 КоАП РФ, даже если лицо использовало не в соответствии с целевым назначением только часть земельного участка, а не весь участок целиком (см. постановление Президиума ВАС РФ от 18.06.2013 № 71/13 по делу № А67–4294/2012).

Спорным, так же является вопрос, который связан с подведомственностью дел об обжаловании привлечения к административной ответственности по ч. 1 ст. 8.8 КоАП РФ. Так, многие арбитражные суды, руководствуясь разъяснениями ВС РФ (п. 33 постановления Пленума ВС РФ от 24.03.2005 № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»), указывают, что данное нарушение относится к нарушениям в сфере природопользования, не связано с предпринимательской деятельностью и далеко не во всех случаях может рас-

сматриваться в арбитражном суде (Определение ВС РФ от 04.09.2017 по делу № А40–227685/2016). В некоторых делах, напротив, суд указывает на незаконность прекращения производства по делу арбитражным судом, поскольку привлечение к ответственности по ч. 1 ст. 8.8 КоАП РФ напрямую затрагивает экономические (предпринимательские) интересы лица и не может быть обжаловано в судах общей юрисдикции (Определение ВС РФ от 26.09.2017 по делу № А56–5983/2016).

Таким образом, нецелевое использование земельных участков чревато существенными негативными последствиями как материального, так и неимущественного характера, что необходимо учитывать текущим землепользователям и лицам, приобретающим права на земельные участки. За нарушение законодательства о целевом использовании земельного участка виновный в большинстве случаев привлекается к административной ответственности.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года.: (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ30 декабря 2008 № 6-ФКЗ и № 8 — ФКЗ) // СПС «Консультант плюс».
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 01.03.2020) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант плюс».
3. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 18.03.2020) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант плюс».
4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2019 г. N 35-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго статьи 42 Земельного кодекса Российской Федерации и части 1 статьи 8.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки О. В. Глаздиновой».

Должностной рост государственных служащих как стимул для эффективного выполнения служебных обязанностей

Крылова Инна Александровна, студент магистратуры.
Вятский государственный университет (г. Киров)

Основной целью статьи считаю рассмотрение значимости должностного роста государственных служащих. В статье рассмотрен ряд вопросов, таких как: стимулирования работников, а также вопросы, связанные с аттестацией сотрудников. Сделан вывод о необходимости управления должностным ростом государственных служащих.

Ключевые слова: должностной рост, государственные служащие, стимулирование работников, аттестация сотрудников.

Актуальность выбранной темы объясняется тем, что любое государственно-организационное общество имеет государственное управление, а, следовательно, никак не обойтись без государственных служащих.

Институт государственной службы представляет собой правовую систему государства, а государственные

служащие являются основными исполнителями проводимых в обществе демократических и социально-экономических преобразований.

Эффективность деятельности государственной службы обуславливается правильно выбранной системой стимулов, побуждающих государственных служащих ка-

чественно выполнять свою работу. В теории управления под стимулами профессиональной деятельности понимают предлагаемые руководством организации блага, ради достижения, сохранения которых человек готов затрачивать свой труд [1]. Стимулирование государственных служащих — это метод осуществления управленческих функций в системе государственной службы, выражающегося в конкретных мерах и формирующего у государственного служащего мотивацию не просто должного, а образцового государственно-значимого поведения.

В продвижении по карьерной лестнице государственных служащих должны быть заинтересованы как государство, так и государственные служащие. Заинтересованность государства можно объяснить тем, что правильно выстроенная система должностного роста позволяет продвигать наиболее грамотных в сфере своей деятельности государственных служащих. Заинтересованность государственного служащего объясняется мотивацией, а также созданием стимулов для эффективного исполнения должностных обязанностей.

Можно выделить два основных вида стимулирования работника, это материальное стимулирование и нематериальное.

Материальное стимулирование подразумевает под собой финансовое стимулирование работников, а также предоставление различных льгот (таких как льготы на лечение, льготы на предоставление жилья и т. д.)

Хотелось бы выделить один важный аспект нематериального стимулирования работников — это должностной рост.

Важным направлением эффективной работы государственной службы является создание условий для должностного роста государственных служащих. Необходимо отметить существование очень высокой зависимости результатов работы государственных служащих от личностных качеств, устремлений, добросовестности и т. п. [2].

Перспективы должностного роста выступают мощным мотивирующим на эффективный производительный труд средством. В современных условиях при устройстве на работу одним из значимых факторов, определяющим выбор потенциальным соискателем места работы, является наличие перспектив карьерного роста [3].

Осуществить должностной рост сотруднику в государственном органе становится под силу только в случае эффективного построения системы управления карьерой, что дает возможность организации повысить ценность своего сотрудника. Управление деловой карьерой — это комплекс мероприятий, проводимых кадровой службой организаций по планированию, организации, мотивации и контролю служебного роста работника, исходя из его целей, потребностей, возможностей, способностей и склонностей, а также исходя из целей, потребностей, возможностей и социально-экономических условий организации [4]. За период службы у многих сотрудников, за-

мещающих должности гражданской службы, происходит неоднократная последовательная смена должностей с момента поступления на службу и кончая увольнением с нее.

Должностной рост, в современной России имеет правовой характер. Правовая категория «должностной рост гражданских служащих» зафиксирована в Федеральном законе «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ [5].

Формой продвижения государственного служащего по службе был и остается такой способ замещения должности, как назначение на должность. Данная процедура, к сожалению, часто сводится к единоличному решению руководителя. Это нередко приводит к таким неправомерным действиям, как назначения по признакам личной преданности, полезности, нужности, семейных, земляческих, дружеских и иных связей.

Одним из важнейших факторов эффективности должностного роста стало принятие Федерального закона «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ. Настоящим Федеральным законом устанавливаются основные принципы противодействия коррупции, правовые и организационные основы предупреждения коррупции и борьбы с ней, минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений [6]. Профилактика коррупции осуществляется путем применения комплекса основных мер, таких как предъявление в установленном законом порядке квалификационных требований к гражданам, претендующим на замещение государственных или муниципальных должностей и должностей государственной или муниципальной службы, проверка в установленном порядке сведений, представляемых указанными гражданами, выявление возникающего конфликта интересов [6]. Под конфликтом интересов понимается ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) служащего влияет или может повлиять на надлежащее исполнение им должностных (служебных) обязанностей. Действующим законодательством установлена обязанность государственных служащих принимать меры по недопущению любой возможности возникновения конфликта интересов. Немаловажную роль в механизме предотвращения и урегулирования конфликта интересов играют комиссии по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов, созданные в государственных органах и органах местного самоуправления.

В данный момент возрастает роль аттестации в процессе продвижения по государственной службе. По результатам аттестации комиссия может предложить передвижение в должности; присвоение классного чина, увеличение надбавки за особые условия труда; включение служащего в кадровый резерв; направление на профессиональную переподготовку или повышение квалификации. Состав аттестационной комиссии формируется таким образом, чтобы была исключена возможность возникновения конфликтов интересов, которые могли бы повлиять на принимаемые аттестационной комиссией решения.

Однако, на мой взгляд, не все так гладко. В частности, на примере такой кадровой процедуры, как аттестация, можно наблюдать пробелы в законодательстве, связанные с отсутствием полного перечня критериев оценки профессионального соответствия гражданских служащих. Сегодня общие положения о проведении аттестации госслужащих предусмотрены ст. 48 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе». На его основе государственные органы разрабатывают ведомственные нормативные акты, в том числе о порядке прохождения госслужащими аттестации, о порядке работы аттестационных комиссий и т. д.

Одной из важных проблем аттестации государственных служащих является также отсутствие у независимых экспертов, которые включаются в состав аттестационной комиссии, специальных профессиональных знаний в той или иной области (к примеру, в области машиностроения). Нормативные акты, которые сейчас действуют, указывают на то, что независимые эксперты должны быть специалистами по вопросам, связанным с гражданской службой. Следовательно, на данный момент аттестация проводится при формальном участии независимых экспертов. Отсюда возникает необходимость внести в Указ уточнение, указывающее на то, что независимые эксперты должны обладать необходимыми знаниями в той сфере, в которой производится оценка гражданских служащих. Данное положение, конечно, усложнит процедуру формирования аттестационной комиссии, так как будет достаточно сложно найти специалистов в области гражданской службы, обладающих, при этом, необходимыми специальными знаниями в той или иной сфере. Для решения данной проблемы можно обязать орган, занимающийся подготовкой к проведению аттестации, заблаговременно уведомить независимых экспертов о предстоящей аттестации (к примеру, не менее чем за два месяца).

На данный момент Минтруд России разработал проект постановления Правительства РФ, которым предлагается утвердить единый подход к проведению в государственных органах аттестации государственных гражданских служащих. Методика направлена на повышение эффективности формирования профессионального кадрового состава государственной гражданской службы РФ посредством введения единых методологических под-

ходов. К примеру, созданный проект единой методики предусматривает возможность проведения внеочередной аттестации по инициативе госслужащего до истечения трех лет после предыдущей для рассмотрения вопроса о включении его в кадровый резерв в порядке должностного роста или получения дополнительного профессионального образования.

Карьерный рост государственных служащих обеспечивается действием ряда элементов и механизмов кадровой работы. Значимым элементом в планировании карьеры, карьерном росте выступает внесение государственного служащего (по итогам аттестации) в кадровый резерв на замещение вакантных должностей государственной службы, формируемый кадровыми подразделениями государственных органов. Механизмом продвижения по карьерной лестнице выступает ротация в органах государственной власти, т. е. различного рода перемещения служащих на другие должности государственной службы.

Методика позволит определять соответствие служащего замещаемой должности, а также стимулировать служащего добросовестно исполнять должностные обязанности и повышать профессиональный уровень.

Заключение.

Перспектива должностного роста государственных служащих — это стимул для эффективного выполнения служебных обязанностей.

Карьерный рост способствует профессиональному развитию и должностному росту служащего, повышает его значимость для государственного органа, обеспечивает соответствие квалификации гражданского служащего новым возможностям и требованиям.

Профессионализм государственного служащего — означает неподкупность, ясное понимание задач государства, неукоснительное следование букве и духе законов. В качестве способов и методов повышения квалификации (курсы по переподготовке кадров, форумы и т. п.), должны быть использованы и другие инновационные методы подготовки госслужащих.

Состояние кадрового обеспечения государственной гражданской службы РФ на сегодняшний день можно определить как стабильное. Стабильность вызвана огромной работой над формированием правовой базы, касаемо организации государственной службы.

Литература:

1. Костин, В. А. Теория управления. Учебное пособие для вузов / В. А. Костин. — М.: Гардарики, 2004. — 219 с.
2. Молл, Е. Г. Формирование резерва управленческих кадров // Совершенствование организации и управления строительством. — Л. ЛИСИ. — 1982. — с. 163.
3. Тешев, В. А., Оганнисян М. А. Карьерный рост как фактор мотивации персонала // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. — 2016. — № 3 (189). — с. 250.
4. Кибанова, А. Я. Управление персоналом организации: учебник / Под ред. — 2-е изд., доп. и перераб. — М.: ИНФРА — М. — 2005. — с. 425.
5. Федеральный закон от 27.07.2004 N 79-ФЗ (ред. от 16.12.2019) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: Справочно-правовая система Консультант Плюс.

6. Федеральный закон от 25.12.2008 N 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: Справочно-правовая система Консультант Плюс.
7. <http://www.sci-article.ru/stat.php?i=1571036082>

Становление государственной молодежной политики в Российской Федерации

Кудрявцев Егор Александрович, студент магистратуры
Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина (г. Краснодар)

В данной статье рассматриваются особенности государственной молодежной политики, исследуются этапы ее развития в Российской Федерации на основе проанализированных нормативно-правовых актов.

Ключевые слова: государство, молодежь, государственная молодежная политика.

The formation of state youth policy in the Russian Federation

This article discusses the features of state youth policy, explores the stages of its development in the Russian Federation on the basis of the analyzed legal acts.

Keywords: state, youth, state youth policy.

Молодежная политика государства является неотъемлемой частью общей государственной политики. Для решения задач по инновационному развитию используются меры, направленные на разрешение вопросов социального воспроизводства. Под государственной молодежной политикой понимается самостоятельное направление политики государства, которое предусматривает формирование требующихся социальных условий инновационного развития государства, основой которого является активное взаимодействие государства и различных институтов гражданского общества [1, с. 46].

На основании анализа нормативно-правовых актов, а также регулирующих программ воздействий, можно выделить четыре этапа становления молодежной политики в Российской Федерации.

Первый этап можно связать с зарождением молодежной политики. Его период составил период с 1991 по 1993 год. В 1991 году был принят Закон СССР «Об общих началах государственной молодежной политики». Благодаря данному закону в системе органов различных уровней власти начали образовываться органы, которые решали задачи по вопросам о молодежи. В этот период стало очевидно, что для фундаментального решения проблем государственной молодежной политики, необходимо сформировать соответствующие цели и задачи, которые отображали бы суть государственной молодежной политики.

Отличительными чертами первого этапа формирования государственной молодежной политики в Российской Федерации стали образование первоначальной системы органов по делам о молодежи, а также существенно низкое финансирование государственной молодежной

политики. Правительство в этот период времени было ориентировано скорее на рыночный сектор, где только начали возрождаться социальные механизмы обеспечения производства.

Второй этап характеризуется нестабильным развитием государственной молодежной политики. События данного периода происходили с 1994 по 2000 год. Данный этап происходил в период, когда Россия была в условиях трансформации экономических отношений к рыночной экономике.

Молодежная политика находилась как в ведении Российской Федерации, так и ее субъектов. Законодательная база стала появляться на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Это стало предпосылкой для формирования взаимосвязанной системы органов, занимающихся государственной молодежной политикой. В этот период создан функционирующий механизм «Молодежь России», способствующий реализации государственной молодежной политики.

Федеральная программа «Молодежь России» является важным документом, он определил основные направления деятельности, которые были реализованы в сфере молодежной политики, создал правовые и организационные условия для планирования действий органов исполнительной власти. В то же время этот этап считается нестабильным развитием, в связи с тем, что существуют проблемы институционального характера, такие как:

- дефицит количества творческих, спортивных центров, учитывающих интересы и потребности молодежи;
- низкий уровень финансирования и профессионального кадрового обеспечения государственной молодежной политики;

— отсутствие взаимосвязи и координации действий по реализации целей и задач государственной молодежной политики с другими направлениями государственной политики;

— отсутствие комплексного мониторинга состояния молодежной среды на федеральном и региональном уровнях.

Третий этап был возложен на период 2000–2006 годов. Это время можно считать периодом, в котором происходит стабилизация развития государственной молодежной политики. На данном этапе сфера государственной молодежной политики приобрела межотраслевой характер. Исходя из этого, все федеральные органы исполнительной власти были включены в работу по решению проблем молодежи. Особенно важными областями были вопросы, связанные с образованием, здравоохранением, занятостью и другими областями, которым следует уделить внимание и приложить усилия. Молодежь считается важнейшим стратегическим ресурсом общества, что отражено в Концепции государственной молодежной политики в Российской Федерации [2]. Идеологически программа «Молодежь России» основывается на принципах социальных инвестиций и самореализации. В программе рассматривались реальные проблемы молодежи и пути решения данных проблем на тот период.

Одна из проблем этого периода связана с тем, что, хотя активность субъектов было на высоком уровне, в их деятельности не было последовательности, о чем говорит и ситуация, когда тексты законопроектов нередко противоречили действующему законодательству.

Четвертый этап начался в 2006 году и продолжается по настоящее время. В 2005 году, когда была реализована программа «Молодежь России», но новый проект этой программы не был представлен на дальнейший срок, стратегия государственной молодежной политики была на 2006–2016 годы. Данная программа разрабатывалась группой специалистов из Министерства образования и науки Российской Федерации, в которой приняли участие представители общественных организаций. В рассматриваемом проекте были четко сформулированы приоритеты, цели и задачи государственной молодежной политики. Начало этого этапа было особенным для создания стратегии обучения молодых граждан страны.

Стратегия государственной молодежной политики — это документ, в котором разрабатываются новые подходы к реализации государственной молодежной политики, целью которых является развитие и повышение потен-

циала молодого населения Российской Федерации [3]. На сегодняшнее время стратегия государственной молодежной политики имеет несколько важнейших задач, таких как:

— повышение эффективности использования информационной инфраструктуры в интересах патриотического и гражданского воспитания молодежи;

— создание благоприятных условий для молодых семей, направленных на повышение рождаемости, формирование ценностей семейной культуры и образа успешной молодой семьи, всестороннюю поддержку молодых семей;

— создание условий для реализации потенциала молодежи в социально-экономической сфере, а также внедрение технологии «социального лифта»;

— формирование здорового образа жизни среди молодежи, разработка и создание условий для развития физической инфраструктуры;

— формирование информационного поля, благоприятного для развития молодежи, усиление механизмов обратной связи между государственными структурами, общественными объединениями и молодежью;

— формирование системы ценностей с учетом многонациональной базы Российской Федерации [4, с. 140].

Этот этап связан с возрождением лучших традиций России, освещением патриотических традиций. В годовщины важнейших исторических событий пропагандируются подвиги русского народа. Видное место в этой серии занимает Отечественная война 1812 года, которая была «наиболее значимой по масштабам материального уничтожения, бедствия и лишения для русского народа, известной российской военной истории до 1914 года» и представлены примеры патриотизма, мужества и стойкости русских солдат, социальной отзывчивости всего населения страны [5, с. 93].

В конечном итоге, развитие государственной молодежной политики в целом имеет положительный отклик, это в первую очередь связано с тем, что в рамках такой политики были разработаны новые программы и механизмы, внедряющиеся по всему государству, включая те цели и задачи, которые являются насущными на сегодняшнее время.

В то же время, по сей день существуют проблемы, которые требуют решения, среди которых:

— отсутствие четкой структуры государственных органов, занимающихся молодежной политикой;

— реализация молодежной политики идет сверху вниз, из-за чего далеко не всегда учитываются интересы населения.

Литература:

1. Елисеев, А. Л. Государственная молодежная политика Российской Федерации: проблемы и перспективы / А. Л. Елисеев, А. Ю. Кретов // Вестник государственного и муниципального управления. 2019. — Т.1. — № 1.
2. Концепции государственной молодежной политики в Российской Федерации от 5.12.2001 г. URL: <https://pandia.ru/text/79/056/63584.php> (дата обращения 25.05.2019)

3. Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 N 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики РФ на период до 2025 года» URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/39133.html/> (дата обращения 25.05.2019)
4. Ловкова, П.П., Миронова, С. Г. Молодежь России: сборник статей из периодических изданий за 2018 г. [Текст] / П. П. Ловкова, С. Г. Мырина. — М.: Российская государственная библиотека для молодежи, 2018. — 248 с.
5. Рудник, Б. Л. Совершенствование механизмов реализации молодежной политики в муниципальном образовании [Текст] / Б. Л. Рудник, В. В. Романова. — М.: ИД ВШЭ, 2018. — 152 с.

Процессуальные аспекты заключения и расторжения досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам

Маринина Наталья Владимировна, студент магистратуры
Российский государственный университет правосудия (г. Москва)

В статье проведен анализ процессуальных аспектов заключения и расторжения досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам. Сделан вывод, что в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации, регулирующем досудебное соглашение о сотрудничестве, существует множество проблем, связанных как с неоднозначностью толкования уголовно-процессуальных норм, так и с пробелами в законодательном регулировании, что порождает отсутствие единообразной практики применения рассматриваемого процессуального института.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве, заключение, расторжение, сделка, преступление, изблечение, обвиняемый, прокурор.

The article analyzes the procedural aspects of the conclusion and termination of pre-trial agreements on cooperation in criminal matters. It is concluded that in the criminal procedural legislation of the Russian Federation there are many problems associated with criminal.

Keywords: pre-trial agreement on cooperation, conclusion, termination, transaction, crime, incrimination, accused, prosecutor.

Условия заключения досудебного соглашения (далее — ДСоС) можно условно квалифицировать по различным основаниям. С точки зрения соблюдения предусмотренных законом требований подозреваемым (обвиняемым), условия применения норм главы 40.1 УПК РФ подразделяются на обязательные и факультативные. Последние не являются неотъемлемым элементом досудебного соглашения и при соблюдении обвиняемым обязательных условий не влекут за собой его расторжения [10, С. 39].

К обязательным для обвиняемого условиям заключения досудебного соглашения относятся:

1. Активное содействие раскрытию и расследованию преступлений, изблечение других соучастников преступления.

2. Согласие с предъявленным обвинением.

К факультативным условиям заключения досудебного соглашения относятся такие: необходимость содействия обвиняемого в розыске имущества, добытого преступным путем; участие в оперативно-розыскных мероприятиях с целью изблечения других лиц в совершении преступления, а равно и некоторые другие.

При этом в случае, если субъекту досудебного соглашения известно место нахождения похищенного имущества, но он не желает об этом сообщать, либо утаивает указанный факт, прокурор вправе расторгнуть с ним ранее

заключенное соглашение. Таким образом, факультативное условие может превратиться в обязательное. Законодательство предусматривает целый ряд требований процессуального характера, соблюдение которых является обязательным условием заключения досудебного соглашения о сотрудничестве. Обязательными условиями заключения досудебного соглашения о сотрудничестве является совокупность следующих обстоятельств [14, С. 55]:

1. Подозреваемый или обвиняемый вправе заявить ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве с момента начала уголовного преследования до объявления об окончании предварительного следствия.

2. Досудебное соглашение о сотрудничестве должно быть заключено добровольно и при участии защитника. Таким образом, законодатель ввел в УПК новый случай, при котором участие защитника обязательно.

3. Важнейшее условие заключения досудебного соглашения о сотрудничестве активное содействие обвиняемого следствию в раскрытии и расследовании преступления, изблечении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления. Досудебное соглашение о сотрудничестве не может быть заключено, если содействие подозреваемого или обвиняемого следствию заключалось лишь в сообщении сведений о его собственном участии в преступной деятельности.

4. Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве возможно лишь при расследовании уголовного дела в форме предварительного следствия. Однако законодательных препятствий для применения института досудебного соглашения по уголовным делам о преступлениях небольшой или средней тяжести, указанных в ч. 3 ст. 150 УПК РФ, не имеется. В случае если сведения, которые желает сообщить такое лицо, имеют важное значение для пресечения и раскрытия преступлений, имеющих особую общественную значимость, в соответствии с ч. 4 ст. 150 УПК РФ по письменному указанию прокурора уголовное дело, по которому предварительное расследование производится в форме дознания, может быть передано для производства предварительного следствия. В этой связи в научной литературе факт неупоминания в главе 40.1 УПК РФ дознавателя нередко рассматривается как техническая ошибка.

На практике институт досудебного соглашения о сотрудничестве все же используется по уголовным делам о преступлениях, перечисленных в ч. 3 ст. 150 УПК РФ. На основании изложенного, предлагается заменить в наименовании и тексте ст. 317.4 УПК РФ слово «следствие» словосочетанием «предварительное расследование».

5. Предметом досудебного соглашения о сотрудничестве не может быть изменение обвинения на более мягкое. Соглашение о сотрудничестве предусматривает применение в качестве смягчающих вину обстоятельств пунктов «и, к» ч. 1 ст. 61 УК РФ и, как следствие, гарантирует назначение его субъекту наказания, не превышающего половину максимального срока или размера наиболее строгой санкции, предусмотренной соответствующей статьей Особенной части УК РФ.

6. Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве возможно лишь в случае, если содействие обвиняемого в раскрытии и расследовании преступлений, изобличении и уголовном преследовании соучастников, а также розыске имущества, добытого в результате совершения преступления, имеет важное значение. Это означает, что при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве прокурор должен принимать во внимание:

— характер и степень общественной опасности преступлений, в раскрытии которых субъект соглашения обязуется оказать содействие; общественную опасность соучастников преступления, сведения о которых обязуется сообщить субъект соглашения о сотрудничестве;

— материальную и культурную ценность имущества, добытого в результате совершения преступления, в розыске которого субъект соглашения о сотрудничестве обязуется оказать содействие;

— наличие реальных результатов сотрудничества обвиняемого или подозреваемого с органами следствия.

7. Досудебное соглашение о сотрудничестве может быть заключено по любому уголовному делу, досудебное производство по которому осуществляется в форме предварительного следствия, вне зависимости от уголовно-правовой квалификации и степени тяжести инкриминируемого преступления. Практике известны случаи,

когда ДСоС заключают даже с обвиняемыми или подозреваемыми, которые сообщают информацию, которая не входит в предмет доказывания именно по настоящему уголовному делу, а входит в предмет доказывания по другим уголовным делам, которые расследует этот или другой орган предварительного расследования.

8. Согласие обвиняемого с предъявленным обвинением.

Вместе с тем, наиболее проблемные аспекты касаются, прежде всего, порядка заключения досудебного соглашения. Следует рассмотреть некоторые из них [14, С. 58–59].

Во-первых, дискуссионной является позиция законодателя относительно роли потерпевшего. Исходя из анализа главы 40.1 УПК РФ, согласие потерпевшего при заключении досудебного соглашения не требуется. Кроме того, согласно ч. 1 ст. 216 УПК РФ потерпевший знакомится с уголовным делом полностью или частично, за исключением документов, указанных в ч. 2 ст. 317.4 УПК РФ, к которым относятся ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, постановление следователя о возбуждении перед прокурором данного ходатайства, постановление прокурора об удовлетворении ходатайства подозреваемого (обвиняемого), а также непосредственно досудебное соглашение. Не учитывается мнение потерпевшего и при применении судом особого порядка судебного разбирательства. Среди процессуалистов высказывается мнение, что положения главы 40.1 УПК РФ нарушают конституционное право потерпевшего на доступ к правосудию, так как именно он претерпевает неблагоприятные последствия от совершенного преступления. В связи с чем ставится вопрос о необходимости предоставления потерпевшему компенсационных выплат, что служило бы необходимой гарантией прав потерпевшего [11, С. 95–96].

Во-вторых, возникают вопросы, связанные и с процедурой обжалования постановления следователя об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Согласно ч. 4 ст. 317.1 УПК РФ данный отказ может быть обжалован подозреваемым, обвиняемым, защитником, руководителем следственного органа. Но на основании ч. 3 ст. 317.1 УПК РФ следователь согласует свою позицию по представленному ходатайству с руководителем. Таким образом, возникает ситуация, при которой сторона защиты обжалует постановление следователя при помощи того же руководителя, который сам непосредственно принимал участие в его принятии. Ввиду вышеизложенного представляется необходимым изменение указанного порядка обжалования: было бы целесообразным, если бы жалоба подавалась руководителю вышестоящего следственного органа. Иначе согласно действующему законодательству сторона защиты ставится в своеобразный «правовой тупик».

В-третьих, ч. 1 ст. 317.4 УПК РФ закрепляет положение, согласно которому предварительное расследование преступления, инкриминируемого лицу, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, осуществляется только в форме предварительного следствия.

Данная норма истолковывается юристами двояким образом:

— как невозможность заключения досудебного соглашения с лицами, подозреваемыми, обвиняемыми в совершении преступлений, предусмотренных пунктом 1 части 3 ст. 150 УПК РФ, и в совершении иных преступлений небольшой и средней тяжести;

— либо же ее суть сводится к тому, что расследование преступлений, совершенных лицами, с которыми заключено досудебное соглашение, производится только в форме предварительного следствия.

В данном случае необходимо руководствоваться позицией Верховного суда: заключение досудебного соглашения о сотрудничестве не исключается и в случае применения ч. 4 ст. 150 УПК РФ [3].

В-четвертых, неурегулированным в уголовно-процессуальном законодательстве остался вопрос, касающийся ситуаций изменения или дополнения обвинения, а именно — возможности дальнейшего применения заключенного досудебного соглашения. Стоит отметить, что практика идет различными путями. Например, уголовное дело было возвращено прокурору вследствие допущения существенных нарушений процессуального закона: Саратовский областной суд посчитал, что органы предварительного следствия вышли за пределы форм и условий сотрудничества, изменив квалификацию с ч. 3 ст. 162 УК РФ на п. «а» ч. 4 ст. 162 УК РФ [6]. В других случаях, напротив, выносят постановление о принятии предложенной квалификации и продолжении рассмотрения дела в объеме обвинения, предложенным государственным обвинителем в особом порядке.

Учитывая позицию постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 16 об обязательном выяснении согласия обвиняемого с предъявленным ему обвинением, представляется необходимым выяснять согласие лица с новым предъявленным обвинением и уже на основании этого решать вопрос о возможности дальнейшего применения досудебного соглашения. Так как этот вопрос не урегулирован на законодательном уровне, то в отдельных субъектах РФ сложилась практика указания в ходатайстве о сотрудничестве и в самом соглашении, что подозреваемый (обвиняемый) «обязуется не возражать против обвинения, которое будет предъявлено, если оно будет основано на показаниях об обстоятельствах совершенных преступлений» [3].

И, в-пятых, более подробно хотелось бы остановиться на расторжении досудебного соглашения о сотрудничестве. В рамках главы 40.1 УПК РФ детально рассмотрен механизм заключения соглашения, но не содержится положений, предусматривающих порядок его расторжения, хотя наличие подобных фактов имеется в правоприменительной практике. В результате чего возникает множество проблем, связанных с основаниями расторжения досудебного соглашения, а также дальнейшей судьбой уголовного дела.

Итак, УПК РФ прямо не предусматривает возможность прекращения действия досудебного соглашения

о сотрудничестве в случае невыполнения сторонами его условий в ходе предварительного расследования. Однако при неисполнении обвиняемым принятых на себя обязательств по содействию следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого преступным путем, прокурор в любой момент досудебного производства вправе принять решение о прекращении действия досудебного соглашения о сотрудничестве, оформив свое решение мотивированным постановлением. Такой вывод следует из правовой природы досудебного соглашения о сотрудничестве как соглашения между сторонами обвинения и защиты, в котором указанные стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения (п. 61 ст. 5 УПК РФ). Поскольку прокурор как представитель стороны обвинения принимает решение о заключении досудебного соглашения в случае уклонения подозреваемым или обвиняемым от исполнения взятых на себя обязательств, именно он и вправе решать вопрос о прекращении действия этого соглашения [14, С. 61].

Случаи расторжения досудебных соглашений о сотрудничестве в следственной практике не редки. Это обусловлено сложившимся среди обвиняемых убеждением о целесообразности использования досудебного соглашения в качестве средства избежать строгого наказания за содеянное. В результате обвиняемые, стремящиеся получить значительное снисхождение при назначении наказания, берут на себя заведомо невыполнимые обязательства, сообщают правоохранительным органам заведомо ложную информацию о действиях соучастников преступления, преуменьшая собственную роль в совершении преступления.

Так, например, постановлением заместителя прокурора Самарской области от 20 апреля 2012 г. было расторгнуто ранее заключенное соглашение о досудебном сотрудничестве с обвиняемым в создании и руководстве банды в целях нападения на граждан и организации Скворцовым в связи с невыполнением его условий, что повлекло за собой отказ от внесения представления о проведении особого порядка проведения судебного заседания [4].

Основаниями к расторжению досудебного соглашения о сотрудничестве являются:

1. Заявление обвиняемого о расторжении досудебного соглашения;

2. Несоблюдение обвиняемым условий досудебного соглашения, которое может выражаться в следующем:

— отказ обвиняемого от дачи изобличающих соучастников совершенного преступления показаний;

— отказ от участия в следственных действиях, проводимых в целях изобличения соучастников преступлений, розыска имущества, соглашения о сотрудничестве, оформив свое решение мотивированным постановлением.

Такой вывод следует из правовой природы досудебного соглашения о сотрудничестве как соглашения между сто-

ронами обвинения и защиты, в котором указанные стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения (п. 61 ст. 5 УПК РФ). Поскольку прокурор как представитель стороны обвинения принимает решение о заключении досудебного соглашения в случае уклонения подозреваемым или обвиняемым от исполнения взятых на себя обязательств, именно он и вправе решать вопрос о прекращении действия этого соглашения [16, С. 38].

Непреодолимые основания расторжения досудебного соглашения о сотрудничестве связаны с возникновением обстоятельств непреодолимой силы: смертью обвиняемого либо наличием у него психического расстройства, препятствующего заключению с ним досудебного соглашения [10, С. 44].

Если подсудимый отказывается от выполнения условий договора о сотрудничестве в полном объеме, либо намеренно предоставил ложные, вводящие в заблуждение или неполные сведения или показания, совершил или пытался совершить другие преступления, следователь должен сообщить об этом прокурору не позднее направления обвинительного заключения на утверждение.

Небезынтересен в этой связи опыт зарубежных стран. Так, например, законодательство США предусматривает возможность прекращения действия договора о сотрудничестве с обвиняемым по инициативе прокурора. В этом случае прокуратура освобождается от взятых на себя обязательств по данному договору, включая обязательство не возражать против назначения судом скорректированного пониженного наказания ввиду признания подсудимым своей вины. В США указанное положение включается в текст договора о сотрудничестве. Кроме того, дача субъектом соглашения о сотрудничестве ложных показаний является отягчающим вину обстоятельством, поэтому он может быть привлечен к уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний [12, С. 58].

Из смысла ч. 5 ст. 317.7 УПК РФ и п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» [3], следует вывод о необходимости соблюдения обвиняемым всех условий и обязательств, предусмотренных заключенным с ним досудебным соглашением о сотрудничестве.

Согласно ч. 5 ст. 317.7 УПК РФ судья, удостоверившись, что подсудимым соблюдены все условия и выполнены все обязательства, предусмотренные заключенным с ним досудебным соглашением о сотрудничестве, постановляет обвинительный приговор и с учетом положений ч. 2 и ч. 4 ст. 62 УК РФ назначает подсудимому наказание.

В судебной практике распространены случаи частичного соблюдения обвиняемыми взятых на себя обязательств, что в последующем не влияло на принятие судом решения о порядке судебного разбирательства ввиду на-

личия представления прокурора о рассмотрении уголовного дела согласно требованиям главы 40.1 УПК РФ.

Так, приговором Ленинского районного суда г. Оренбурга от 19 декабря 2012 г., постановленном в порядке главы 40.1 УПК РФ, Сошнин был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 3 ст. 228.1, ч. 1 ст. 30, п. «г» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ, и ему было назначено наказание в виде 3 лет 6 месяцев лишения свободы. Согласно тексту досудебного соглашения, помимо иных условий, Сошнин брал на себя обязательство сообщить сведения и совершить действия, направленные на установление поставщика наркотических средств. Однако в ходе предварительного следствия по уголовному делу поставщик наркотического средства установлен не был в силу отсутствия достаточной для его задержания информации. Тем не менее, поскольку остальные взятые на себя Сошниним обязательства были исполнены, доказательства, полученные в результате его сотрудничества со следствием, имели большое значение для расследования уголовного дела, избобличения преступной деятельности соучастников преступлений, прокурором было вынесено представление о рассмотрении уголовного дела в отношении Сошниина в порядке главы 40.1 УПК РФ [7].

Последствия несоблюдения условий досудебного соглашения о сотрудничестве для обвиняемого закреплены в ст. 63.1 УК РФ, введенной в уголовное законодательство России Федеральным законом от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ. В случае если установлено, что лицом, заключившим досудебное соглашение о сотрудничестве, были предоставлены ложные сведения или сокрыты от следователя либо прокурора какие-либо иные существенные обстоятельства совершения преступления, суд назначает ему наказание в общем порядке без применения положений ч. ч. 2, 3 и 4 ст. 62 УК РФ, касающихся срока и размера наказания, и ст. 64 УК РФ. Однако положения ст. 63.1 УК РФ по своему правовому смыслу не препятствуют применению судом при назначении наказания подсудимому, нарушившему условия досудебного соглашения о сотрудничестве, нормы ч. 3 и ч. 4 ст. 62 УК РФ в связи с иными обстоятельствами, не связанными с сотрудничеством со следствием. Кроме того, суд вправе назначить такому подсудимому наказание ниже низшего размера санкции соответствующей статьи УК при наличии достаточных оснований, не связанных с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве.

Правоприменительная практика диктует необходимость законодательного регулирования особенностей заключения и расторжения досудебного соглашения о сотрудничестве. Несвершенство действующего законодательства, регламентирующего механизм реализации института досудебного соглашения о сотрудничестве, порождает многочисленные ошибки в правоприменительной практике. В этой связи необходимо законодательное закрепление не только права прокурора на расторжение досудебного соглашения о сотрудничестве, но и механизма его реализации [16, С. 42–43].

В теории уголовного процесса взгляды на возможность расторжения досудебного соглашения о сотрудничестве разделились. Так, С. А. Новиков отрицает подобный вариант развития событий ввиду отсутствия законодательного регулирования [15, С. 8]. В то же время ряд других авторов занимают по рассматриваемому вопросу диаметрально противоположную позицию, указывая, что инициатива расторжения принадлежит как стороне защиты, так и стороне обвинения, а на стадии судебного разбирательства полномочием на расторжение наделен и суд [9, С. 115]. Наибольший интерес, безусловно, представляют основания расторжения, связанные с волеизъявлением стороны защиты и обвинения. Таким образом, множество проблем возникает в связи с расторжением досудебного соглашения по инициативе подозреваемого (обвиняемого).

Отказ обвиняемого (подозреваемого) может последовать не только на стадии предварительного расследования, но и в стадии судебного следствия. Следует полагать, что до утверждения обвинительного заключения об изменении своей позиции лицо должно в форме заявления (ходатайства) уведомить либо следователя, либо прокурора. Так, как только прокурор имеет право на заключение досудебного соглашения, то и правом расторжения обладает также только данное должностное лицо. Решение прокурора должно быть оформлено в виде постановления [10, С. 46].

Что касается отказа обвиняемого от досудебного соглашения о сотрудничестве в стадии судебного следствия, то здесь практика различна. Так, в одних случаях при подобных казусах суд принимает решение о рассмотрении дела в общем порядке. В других ситуациях судом делается указание на возможность продолжения рассмотрения дела в особом порядке, предусмотренном главой 40.1 УПК РФ, по причине приоритета представления прокурора перед отказом обвиняемого. При рассмотрении предложенной проблемы, следует полагать, что верной является точка зрения А. С. Каретникова, который в своих публикациях пишет в принципе о невозможности применения такого выражения, как «отказ от соглашения», в тех случаях, когда обвиняемым были выполнены все обязатель-

ства по заключенному досудебному соглашению [13, С. 40].

Помимо стороны защиты инициатором расторжения досудебного соглашения о сотрудничестве может выступить и сторона обвинения при несоблюдении подозреваемым или обвиняемым условий соглашения [12, С. 81].

В случае же выявления обстоятельств невыполнения обвиняемым условий досудебного соглашения о сотрудничестве на этапе судебного следствия все вопросы должны решаться исключительно судом, что разъясняется Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 года № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» [3].

По результатам исследования параграфа 2 главы 2 следует сделать следующие выводы.

1. Обязательными условиями заключения ДСоС относятся являются активное содействие раскрытию и расследованию преступлений, изобличение других соучастников преступления, а также согласие с предъявленным обвинением.

2. Предметом ДСоС не может быть изменение обвинения на более мягкое. Соглашение о сотрудничестве предусматривает применение в качестве смягчающих вину обстоятельств пунктов «и, к» ч. 1 ст. 61 УК РФ и, как следствие, гарантирует назначение его субъекту наказания, не превышающего половину максимального срока или размера наиболее строгой санкции, предусмотренной соответствующей статьей Особенной части УК РФ.

3. К основаниям расторжения ДСоС следует отнести заявление обвиняемого о расторжении досудебного соглашения, а также несоблюдение обвиняемым условий ДСоС.

4. В уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации, регулирующем досудебное соглашение о сотрудничестве, существует множество проблем, связанных как с неоднозначностью толкования уголовно-процессуальных норм, так и с пробелами в законодательном регулировании, что порождает отсутствие единообразной практики применения рассматриваемого процессуального института.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 4. Ст. 445.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 07.04.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2020) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» // Российская газета. — 2012. — 11 июля.
4. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 29.01.2013 № 46-012-65 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=320198> (дата обращения: 28.04.2020).
5. Определение Саратовского областного суда от 26 января 2014 г. по делу № 22-103/2016 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://rospravosudie.com> (дата обращения: 28.04.2020).

6. Определение Саратовского областного суда от 29 января 2015 г. по делу № 22–119/2016 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://rospravosudie.com> (дата обращения: 28.04.2020).
7. Архив Ленинского районного суда г. Оренбурга Оренбургской области Ленинский районный суд г. Оренбурга Оренбургской области leninsky.orb.sudrf.ru/ (дата обращения: 28.04.2020).
8. Федеральный закон от 29.06.2009 № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 26. Ст. 3139.
9. Баев, О. Я. Досудебное соглашение о сотрудничестве: правовые и криминалистические проблемы, возможные направления из разрешения / О. Я. Баев. Москва: Норма, ИНФРА-М, 2013–206 с.
10. Бравилова, Е. А. Досудебное соглашение о сотрудничестве: проблемы правового регулирования и порядка применения: монография / Е. А. Бравилова, Е. Л. Федосеева. Екатеринбург: УрЮИ, 2011. — 81 с.
11. Головинская, И. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве: монография / И. В. Головинская, М. М. Головинский. Владимир: ВИТ-принт, 2011–190 с.
12. Зиннуров, Ф. К. Досудебное соглашение о сотрудничестве: проблемы совершенствования: учебное пособие / Ф. К. Зиннуров и др. Москва: ЮНИТИ: Закон и право, 2014–117 с.
13. Каретников, А. С. Сделки в российском уголовном процессе / А. С. Каретников // Законность. 2013. № 3. с. 36–41.
14. Кирсанов, А. Ю. Досудебное соглашение о сотрудничестве. Анализ, практика, выводы: монография / А. Ю. Кирсанов. Москва: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012–126 с.
15. Новиков, С. А. Досудебное соглашение о сотрудничестве как основание для выделения уголовного дела / С. А. Новиков // Российский следователь. 2012. № 21. с. 5–8.
16. Сумачев, А. В. Уголовно-правовая характеристика деятельности, направленной на достижение задач правосудия (примирение сторон и досудебное соглашение о сотрудничестве): учебное пособие / А. В. Сумачев, В. И. Морозов, Е. В. Мильтова. Тюмень: ТЮИ МВД России, 2011. — 64 с.
17. <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-i-prakticheskie-problemy-rastorzheniya-s-obvinyаемым-dosudebnogo-soglasheniya-o-sotrudnichestve>

Гражданско-правовая защита от недостоверной информации, распространенной в сети интернет

Марков Дмитрий Станиславович, студент;
Гаврилов Евгений Олегович, старший преподаватель
Кемеровский институт (филиал) Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова

В настоящее время степень актуальности защиты гражданских прав от недостоверной информации в сети Интернет стремительно повышается. Связано это с тем, что Интернет затрагивает практически все сферы жизни каждого человека, однако правовое регулирование отношений, возникающих в сети Интернет носит межотраслевой характер. Учитывая развитие информационных технологий и значимости информации в современном обществе, необходимо определить механизм защиты гражданских прав от недостоверной информации. При этом специфика такой защиты порождает дискуссионные вопросы, которые связаны с пробелами законодательства в рассматриваемой сфере, а также проблемами реализации свободы слова, свободы массовой информации и неопределенности пределов такой свободы, которая может выражаться в распространении недостоверных, ложных, провокационных сведений, приводящих к негативным последствиям для лиц, которых они затрагивают.

Ключевые слова: гражданско-правовая защита, недостоверная информация, защита информации, информационное право, Интернет.

Civil protection against false information distributed on the internet

Markov Dmitriy Stanislavovich, student;
Gavrilov Evgeniy Olegovich, senior lecturer
Kemerovo Institute (branch) of the Plekhanov Russian University of Economics

Currently, the degree of relevance of protection of civil rights from false information on the Internet is rapidly increasing. This is due to the fact that the Internet affects almost all spheres of life of every person, but the legal regulation of relations arising on the Internet is intersectoral in nature. Given the development of information technologies and the importance of information in modern

society, it is necessary to determine the mechanism for protecting civil rights from false information. At the same time, the specifics of such protection give rise to debatable issues related to gaps in legislation in this area, as well as problems of implementing freedom of speech, freedom of the media and the uncertainty of the limits of such freedom, which can be expressed in the dissemination of false, false, provocative information that leads to negative consequences for the persons affected by them.

Keywords: civil protection, false information, information protection, information law, Internet.

В силу того, что статьей 23 Конституции РФ закреплено конституционное право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени физическое или юридическое лицо, которое подвергается недостоверной информации о себе, имеет право обратиться в суд для защиты гражданских прав. Конституционные права и гарантии на судебную защиту, на квалифицированную юридическую помощь, на обжалование действий (бездействий) различных органов связаны с определением способов защиты гражданских прав.

Так, в соответствии с перечнем, который предусмотрен статьей 12 Гражданского кодекса РФ и является открытым, установлено право осуществлять защиту гражданских прав любыми, именно непротиворечащими закону способами, тем самым реализовать свое конституционное право, закрепленное ч. 2 ст. 45 Конституции РФ.

Рассматривая вопрос защиты гражданских прав в результате распространения недостоверной информации следует обратить внимание на наиболее распространенные способы, которыми может воспользоваться лицо (физическое и (или) юридическое) для защиты нарушенного права, не только в рамках норм Гражданского кодекса, но и с учетом информационного права.

Например, в соответствии со ст. 15.3 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее — Федеральный закон № 149-ФЗ), когда информация распространяется с нарушением закона в случаях установленных законодательством, то обратившись в уполномоченных орган эту информацию обязаны удалить. Однако это касается лишь тех сведений, которые являются общественно значимые.

Подобная норма содержится в ч. 5 ст. 152 ГК РФ, в которой помимо удаления информации дополнительно указывается такой способ защиты как опровержение сведений, порочащих честь, достоинство. В данном случае удаление информации и опровержение сведений можно отнести к иным самостоятельным способам защиты гражданских прав [8].

Однако существуют практические особенности реализации способа удаления недостоверной информации, в которых можно определить ряд проблем: во-первых, контролировать информацию, размещенную в сети Интернет невозможно. Любая новость, появляется на многих сайтах и социальных сетях и т. п. за максимально короткое время. Как отмечает Мордохов Г. Ю.: «попытка удалить информацию из сети Интернет приводит к обратному эффекту, выражающемуся в более активном рас-

пространении такой информации, что необходимо учитывать при использовании способов защиты деловой репутации в сети Интернет [10]». Во-вторых, распространение недостоверной информации зачастую связано с защитой чести, достоинства и деловой репутации в информационном пространстве. В законодательстве отсутствуют понятия «недостоверные сведения», «деловая репутация», «честь», «достоинство», лишь в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» содержатся разъяснения относительно указанных терминов.

В научной литературе высказываются мнения о тождественности таких понятий [7], поэтому существует сложность определения «недостоверных сведений, «деловой репутации» и т. д., ввиду этого в судебных решениях присутствуют субъективное понимание и оценка обстоятельств дела, а для реализации защиты прав с помощью удаления или опровержения информации необходимо признание ее недостоверной и порочащей.

К процессуальному средству на стадии исполнительного производства, подлежащее применению по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации в информационной сфере защиты прав можно отнести новеллу в Федеральном законе № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» от 02.10.2007 — ст. 109.4, указанного закона, в которой содержится обязанность должника в установленный срок удалить соответствующую информацию, в противном случае, судебный пристав-исполнитель выносит постановление о взыскании исполнительского сбора и постановление об ограничении доступа к информации, распространяемой в сети Интернет, порочащей честь, достоинство или деловую репутацию гражданина либо деловую репутацию юридического лица [6].

В рамках специфики защиты гражданских прав от недостоверной информации особенно важной является проблема определения ответчика с учетом правоотношений в сети Интернет. Так, согласно Решению Арбитражного суда Кемеровской области от 13 декабря 2017 г. по делу № А27-11609/2017 физическое лицо разместило свое выступление на митинге в сети Интернет и факт распространения таких сведений об истце не оспаривался, иск удовлетворен частично, не смотря на то, что ответчик считал себя недужащим и заявил об этом в судебном разбирательстве [5].

В научной литературе справедливо указывается, что размещение информации и ее распространение это два разных понятия [9].

Безусловно, несмотря на технические особенности в сети Интернет и возможность распространять информацию с помощью разных источников установить надлежащего ответчика зачастую затруднительно. Однако право на судебную защиту юридического и физического лица не исчезает, так как может рассматриваться в рамках особого производства.

Таким образом, учитывая специфику отношений, возникающих в сети Интернет, проблемы которые обусловлены недостаточным правовым регулированием в рассматриваемой сфере, необходимо регламентировать порядок размещения информации в сети Интернет, особенно, учитывая сайты, которые не попадают под средства массовой информации.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». — Электрон. текст. данные. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 (дата обращения 01.04.2020). — Загл. с экрана.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». — Электрон. текст. данные. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142 (дата обращения 01.04.2020). — Загл. с экрана.
3. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: [федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». — Электрон. текст. данные. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798 (дата обращения 01.04.2020). — Загл. с экрана.
4. О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц [Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». — Электрон. текст. данные. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52017 (дата обращения 01.04.2020). — Загл. с экрана.
5. Решению Арбитражного суда Кемеровской области от 13 декабря 2017 г. по делу № А27-11609/2017 [Электронный ресурс] / Судебные и нормативные акты Российской Федерации. — URL: <http://www.sudact.ru>. (дата обращения 02.04.2020).
6. Барсукова, В. Н. Гражданские процессуальные средства защиты чести и достоинства личности // Современное право. — 2019. — № 11. — с. 77–83.
7. Бичерова, А. Д. Защита деловой репутации юридического лица в сети Интернет: проблемы правового регулирования // Юстиция. — 2018. — № 3. — с. 15–21.
8. Гаврилов, Е. В. О некоторых особенностях судебной защиты чести, достоинства и деловой репутации посредством удаления порочащей информации из сети Интернет // Судья. — 2018. — № 10. — с. 11–14.
9. Гаврилов, Е. В. О новейшей практике Верховного Суда РФ по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации опороченных в сети Интернет / под ред. О. А. Кузнецовой, В. Г. Голубцова, Г. Я. Борисевич, Л. В. Боровых, Ю. В. Васильевой, С. Г. Михайлова, С. Б. Полякова, А. С. Телегина, Т. В. Шершень // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. — 2019. — № 1. — с. 211–217.
10. Мордохов, Г. Ю. Способы защиты деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности: Дис. канд. юрид. наук. — М., 2018. — с. 141–155.

Институт совместного завещания супругов в России

Меркуль Софья Евгеньевна, студентка;
Шмачкова Ксения Тимофеевна, студент
Национальный исследовательский Томский государственный университет

Ключевые слова: наследование, форма завещания, совместное завещание супругов, последующее завещание, распоряжения на случай смерти, интересы наследников.

Совместное завещание супругов — это новый институт для российского законодательства, действующий с 1 июня 2019 года. Введение данного института обусловлено необходимостью защиты интересов наследника и гарантирует переход к ним наследственного имущества.

С введением данного института перед супругами открылся достаточно широкий круг возможностей. В частности, они вправе по обоюдному усмотрению завещать общее имущество супругов, а равно имущество каждого из них любым лицам; любым образом определить доли

наследников в соответствующей наследственной массе; определить имущество, входящее в наследственную массу каждого из супругов, если определение имущества, входящего в наследственную массу каждого из супругов, не нарушает прав третьих лиц; лишить наследства одного, нескольких или всех наследников по закону, не указывая причин такого лишения; включить в совместное завещание супругов иные завещательные распоряжения, возможность совершения которых предусмотрена ГК РФ. [1]

Совместное завещание супругов является документом, отражающим волю обоих супругов относительно принадлежащего им имущества. Исходя из этого, субъектами совместного завещания могут быть только супруги. Так же стоит отметить, что совместное завещание также, как и по законодательству зарубежных стран, утрачивает силу в случае расторжения брака или признания его недействительным как до, так и после смерти одного из супругов. [2]

Вместе с тем, на основании п. 2 ст. 1131 ГК РФ совместное завещание супругов может быть оспорено по иску любого из супругов при их жизни. После смерти одного из супругов, а также после смерти пережившего супруга совместное завещание супругов может быть оспорено по иску лица, права или законные интересы которого нарушены этим завещанием.

Каждый из супругов так же наделяется правом в любое время, в том числе после смерти супруга, составить последующее завещание и отменить совместное завещание супругов. В таком случае, согласно п.4 ст. 1118 ГК РФ, нотариус обязан направить другому супругу уведомление о факте совершения последующего завещания или отмене совместного завещания.

Как известно, к обязательным признакам завещания относят: односторонний, личный, срочный и добровольный характер, а вступившие в силу изменения дополняют его ещё одним признаком — обоюдного усмотрения. [3] В силу того, что законодатель регламентирует определение последствий после смерти супругов — по обоюдному согласию. Иначе супруги выражают лишь собственную волю и интересы наследников не всегда будут учтены. Например, переживший супруг может не распределить собственность между детьми в равных частях, а завещать всё общему ребёнку, при этом оставив остальных детей без наследства.

Исходя из всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что с одной стороны законодатель вводит принцип обоюдного усмотрения для защиты интересов наследников. Но при этом супруги имеют право в любое время, в том числе после смерти одного из них составить последующее завещание, отменив предыдущее. Анализируя данный факт, мы считаем, что право составить новое завещание после смерти одного из супругов, или произвести отмену старого, должно быть предоставлено только в отношении позднее нажитого имущества. Это представляется более справедливым, поскольку лишает пережившего супруга возможности нарушить права умершего и интересы наследников.

Так же стоит помнить о наследниках, имеющих право на обязательную долю в наследственной массе. Нетрудоспособные родственники и несовершеннолетние дети, а также лица, которые находились на иждивении наследодателя не меньше года до его смерти, не могут быть лишены наследства, но процесс наследования может быть отсрочен до наступления смерти обоих супругов. Равно как и, супруги не могут включить в совместное завещание лиц, которые являются недостойными наследниками.

Таким образом, условия совместного завещания супругов действуют в части, не противоречащей правилам об обязательной доле в наследстве, а так же о запрете наследования недостойными наследниками.

Что касается формы, совместное завещание супругов требует нотариального удостоверения. Кроме того, при удостоверении совместного завещания супругов нотариус обязан осуществлять видеофиксацию процедуры совершения совместного завещания супругов, если супруги не заявили возражение против этого. Законодатель устанавливает запрет на закрытые завещания такого рода, а также заключения совместных завещаний супругов при чрезвычайных обстоятельствах. В целях исключения злоупотреблений законодатель так же устанавливает прямой запрет на составление совместного завещания в порядке, приравненном к нотариальному. Это касается, например, завещаний граждан, находящихся на излечении в медицинских учреждениях, завещания которых могут удостоверяться главными врачами и их заместителями.

Совместное завещание супругов является одним из самых востребованных институтов в большей части зарубежных стран и их опыт показывает, что подобные завещания помогают избежать семейных конфликтов и адекватно решить многие жизненные ситуации.

В заключение отметим, введение института совместного завещания супругов в России, безусловно, имеет свои плюсы, к которым относится расширение диспозитивности в наследственном праве, возможность для супругов совместно определять судьбу имущества во избежание споров между наследниками в будущем. А также способствует реализации принципа свободы завещания и позволит гражданам наиболее полно выражать свою волю.

Целесообразность введения данного института заключается в получении имущества, которое было общей совместной собственностью супругов, тем лицом, которое было выбрано по обоюдному усмотрению супругов, а также в том, что переживший супруг продолжает жить в привычной для него имущественной среде.

Также стоит отметить, что было бы более справедливым предоставление права составлять новое завещание после смерти одного из супругов, или производить отмену старого только в рамках позднее нажитого имущества. Данная норма лишила бы пережившего супруга возможности нарушить права умершего и интересы наследников и способствовала бы более полному выражению воли обоих супругов.

Литература:

1. Федеральный закон «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» от 19.07.2018 N 217-ФЗ // Рос. Газ. 2018. 25 июля.
2. Бокарева, А. В. Совместное завещание супругов как новый институт российского законодательства / А. В. Бокарева. — Текст: непосредственный // Молодой учёный. — 2019. — № 51 (289). — с. 69–71.
3. Мельничук, М. А. О совместном завещании супругов / М. А. Мельничук. — Текст: непосредственный // Закон и право. — 2019. — № 9. — с. 64–65.

Проблемы оценки земельных участков в целях купли-продажи

Меркурьев Дмитрий Игоревич, студент магистратуры
Московский государственный областной университет

Статья посвящена проблемам оценки земельных участков в целях купли-продажи, основываясь на изучении нормативно-правовой базы, научной литературы и статистических данных Росреестра.

Ключевые слова: земля, земельный участок, рыночная стоимость, кадастровая оценка, купля-продажа.

Как известно, любой объект недвижимости имеет определённую стоимость. Не является исключением и земельный участок. А учитывая то обстоятельство, что земельные участки выступают предметом различных сделок, в том числе и купли-продажи, то проведение независимой оценки такой недвижимости является крайне важным процессом для получения информации и оценке реальной стоимости земельных участков, в которых нуждаются не только физические и юридические лица, но и органы государственной власти и управления.

В процессе оценки земельного участка важно понимать различия между понятиями «земля» и «земельный участок». При оценке земельного участка учитывается определённая отмежеванная территория, которая имеет конкретно-определённые границы. Вообще вопросы, касающиеся оценки земельных участков, что требуется в частности для их купли-продажи, являются весьма непростыми, поскольку данная процедура имеет некоторые нюансы и осложнена проблемами правоприменения.

Главная сложность обусловлена самой спецификой категории «земля», поскольку она имеет разное предназначение и потенциальную полезность. Принято считать, что стоимость имеет именно сам земельный участок, а вот построенные на нем здания (строения) считаются улучшением этой стоимости, в качестве вклада в нее. Также все строения имеют определенный срок годности, а сам участок не ограничен по времени в своей полезности. Необходимо особо подчеркнуть, что земельный участок может оцениваться, если он имеет определенные фиксированные границы и статус. Все основные характеристики надела фиксируются в государственном кадастре и в правоустанавливающих документах на него [5, с. 11–14].

Так, существует рыночная и кадастровая стоимость объекта недвижимости, где:

— кадастровая стоимость — это массовая оценка земель по схожим свойствам и месторасположению;

— рыночная стоимость — это единичная оценка конкретно-определённого отмежеванного участка, с учетом всех его индивидуальных особенностей.

Кадастровая стоимость — стоимость объекта недвижимости, определенная в порядке, предусмотренном действующим законодательством, в результате проведения государственной кадастровой оценки [6, с. 34].

Отметим также, что правовой основой деятельности по оценке недвижимых объектов является ряд нормативно-правовых актов, включающий в себя международные договоры, к которым присоединилась Российская Федерация, Федеральные законы, а также множество подзаконных нормативных правовых актов. Вкратце рассмотрим их.

Так, примером международного договора может служить Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод и протокол № 1 [4], а в ст. 65 и ст. 66 Земельного кодекса определяют принципы и особенности оценки земель.

Нельзя не сказать и о новом Федеральном законе «О государственной кадастровой оценке» [1], который не так давно был принят — 29 июля 2017 года. Указанным федеральным законом был принят новый порядок проведения государственной кадастровой оценки. В соответствии с законом приняты подзаконные акты, необходимые для проведения кадастровой оценки, в том числе Методические указания о государственной кадастровой оценке [2]. Кроме того, используются ведомственные правовые акты — порядок формирования и предоставления перечня объектов недвижимости, подлежащих государственной кадастровой оценке [3] и другие.

Кадастровая оценка земель в населенных пунктах производится на основании статистических данных ры-

ночных цен объектов недвижимости. Кроме того, она должна учитывать особенности местоположения участка, его рентабельность, и другие ценообразующие факторы. Здесь стоит заметить, что данная процедура серьёзно осложняется поиском источников вышеуказанной информации. Для этого необходима открытая публикация сведений о заключаемых сделках с объектами недвижимости, которую на данный момент заменяют сведения Росреестра.

Таким образом, показатели, учитываемые при оценке земель, имеют ограниченный характер, что в конечном итоге отражается на интересах собственников. Имея в виду недостатки методологической базы кадастровой оценки и невозможности ее модернизирования на уровне субъекта Российской Федерации, поскольку система оценки должна быть общегосударственной, органы государственной власти и местного самоуправления в различных субъектах по-своему решают данную проблему иными способами.

Таким образом, основными проблемами оценки земельных участков являются:

- 1) неправильные, неточные сведения об объектах недвижимости, включая их рентабельность, реальную рыночную цену и т. д.;
- 2) неизменный характер кадастровой стоимости в периоды спада или роста рыночных цен на недвижимость, что абсолютно не вписывается в рамки рыночной системы экономики нашей страны;
- 3) закрытость механизма кадастровой оценки земель, затрудняющая возможность общественного контроля. Здесь следует остановиться более подробно.

Как известно, сегодня кадастровую стоимость определяют частные оценочные организации, что зачастую вызывает существенные различия в выборе методов определения стоимости, поскольку это приводит к расхождению стоимости объектов, расположенных рядом, в десятки раз, что вызывает недоумение простых граждан [7, с. 214–216]. Сказанное подтверждается тем, что количество споров о кадастровой оценке с каждым годом только растёт. Так, например, по данным Росреестра число полученных заявлений о пересмотре величины кадастровой стоимости с 2017 до 2019 г увеличилось практически в два раза, то есть до 11 тысяч споров. В 2019 году в большинстве случаев (58 %) споры (оспаривание кадастровой оценки в комиссиях, определение рыночной стоимости) были разрешены в пользу заявителя, а кадастровая стоимость объектов снизилась на 27,6 %. В результате вынесенных в судебном порядке решений по искам, поступившим в суды в период с 01.01.2019 по 31.12.2019, наблюдается падение суммарной величины кадастровой стоимости в отношении объектов недвижимости, по которым были приняты решения, по состоянию на 31.12.2019 приблизительно на 44,8 % [8]. Поэтому, точность и достоверность результатов оценки выступает одной из важных задач, которую государство должно решить в самом ближайшем будущем;

4) проявляющийся автоматизм в оценке земель, категорически неадекватная методика соотношения рыночной и кадастровой стоимостей;

5) неучтённые природных и иных факторов земельного участка при оценке отдельно взятого земельного участка;

6) неполнота и неточность исходной информации при оценке земельных участков.

Как видно, проблемы существуют и их необходимо решать. Для чего, как представляется, необходимо принятие целого ряда мер по их решению.

Для этого, в первую очередь, целесообразно введение системы открытого ценообразования путём обеспечения прозрачности заключаемых сделок, в том числе и сделок по купле-продаже земельных участков.

В свою очередь, процедура кадастровой оценки ввиду объективной важности правильного ее проведения требует тщательного изучения и разработки методов её проведения, которые будут в достаточной мере отвечать требованиям современного рынка.

Возможно также использовать и топографические основы кадастра. Разработать и утвердить методики оценки. Кроме того, видится целесообразность в введении возможности, согласно которой можно будет оспаривать кадастровый отчет до его утверждения.

Вместе с тем, рассматриваемые вопросы могут иметь проблемы на практике. Если земельный участок будет оценен завышено, то это однозначно негативно скажется на налогоплательщиках, так как известно, что земельный налог рассчитывается в процентном соотношении от кадастровой стоимости земли. Если же наоборот, то заниженная стоимость земельного участка непосредственным образом крайне негативно отразится на интересах собственника в случае, например, принудительного изъятия участка для государственных и муниципальных нужд с выплатой компенсации, равной рыночной стоимости, а также в случае простой купли или продажи земельного участка.

Всё вышесказанное приводит к выводу о том, что законодательство по оценке земельных участков в Российской Федерации отличается своим разнообразием и достаточной динамичностью. Однако, имеющиеся проблемы с кадастровой оценкой, необходимо решать в соответствии с действующим законодательством посредством досудебного и судебного разрешения разногласий. Указанная мера в составе иных мер по совершенствованию правоприменения облегчает процедуру оспаривания кадастровой оценки земельных участков. При этом, практика правоприменения показывает, что еще существует много проблем, которые затрудняют реализацию установленных требований, нарушают права и свободы граждан. Поэтому крайне важно обеспечивать постоянный мониторинг применения законодательства об оценке земельных участков, чтобы обеспечить нормальное функционирование рынка земельных отношений.

Считаем также, что системе государственной кадастровой оценки необходимы не просто изменения, а реальная модернизация. Обусловлен данный вывод достаточно просто: кадастровая оценка имеет важное экономическое значение, а значит должна «подстраиваться» под условия, которые диктует ей современный рынок недвижимости. Думается, что такие меры дадут возможность избежать коррупционных действий со сто-

роны властных структур, что, несомненно, сократит немалое количество исков об оспаривании кадастровой стоимости земельного участка.

Решение выявленных проблем кадастровой оценки земельных участков, несомненно, возможно, однако строго при взаимодействии государства и субъектов оценочной деятельности.

Литература:

1. Федеральный закон от 03.07.2016 № 237-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «О государственной кадастровой оценке» // СЗ РФ. — 2016. — № 27 (Часть I). — ст. 4170.
2. Приказ Минэкономразвития России от 12.05.2017 № 226 (ред. от 09.09.2019) «Об утверждении методических указаний о государственной кадастровой оценке» (Зарегистрировано в Минюсте России 29.05.2017 № 46860) // СПС «Консультант Плюс».
3. Приказ Минэкономразвития России от 20.02.2017 № 74 (ред. от 12.11.2018) «Об утверждении Порядка формирования и предоставления перечня объектов недвижимости, подлежащих государственной кадастровой оценке, в том числе количественные и качественные характеристики объектов недвижимости, подлежащие указанию в перечне объектов недвижимости, подлежащих государственной кадастровой оценке, требования к содержанию запроса о предоставлении перечня объектов недвижимости, подлежащих государственной кадастровой оценке» (Зарегистрировано в Минюсте России 21.03.2017 № 46049) // СПС «Консультант Плюс».
4. «Конвенция о защите прав человека и основных свобод» (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с «Протоколом [№ 1]» (Подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом № 7» (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // СЗ РФ. — 2001. — № № 2. — ст. 163.
5. Колиева, А. Э., Фесенко Е. В. Правовое регулирование оценки земельных участков // Тенденции развития науки и образования. — 2018. — Т. 42. — № 3. — с. 11–14.
6. Бурмакина, Н. И. Правовое регулирование оценочной деятельности в сфере недвижимости: лекция. — М.: РГУП, 2017. — с. 34.
7. Журавлева, В. П., Черкашина Т. А. Актуальность проблемы кадастровой оценки земельных участков в России // В сборнике: Научное и образовательное пространство: перспективы развития Сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции. Редколлегия: О. Н. Широков [и др.]. — 2018. — с. 214–216.
8. Итоговый доклад «Итоги деятельности за 2019 год, задачи на 2020 год» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rosreestr.ru> (дата обращения: 12.02.2020).

Публичный порядок и нормы непосредственного применения как основания по российскому праву для отказа в признании и приведении в исполнение решений иностранных судов

Миронов Кирилл Юрьевич, студент
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

В данной статье рассматривается вопрос применения такого основания для отказа в признании и приведении в исполнение решений иностранных судов и иностранного арбитражного решения как противоречие данного решения публичному порядку Российской Федерации. Автор обосновывает актуальность данного исследования в сложившейся ситуации в мире, подчеркивается роль такого института для отношений, осложненных иностранным элементом. Рассматриваются категории «публичный порядок Российской Федерации» и «нормы непосредственного применения» («сверхимперативные нормы») на основе актуальной практики высших судебных инстанций Российской Федерации. Автор указывает на объективную неопределенность указанных категорий в силу невозможности точно и исчерпывающе перечислить необходимые принципы и нормы, а также на важность актов судебной практики в определении критериев публичного порядка Российской Федерации. Анализируется актуальная отечественная судебная практика, которая

устанавливает рамки публичного порядка и примеры норм непосредственного применения Российской Федерации. Автор отмечает, что текущее состояние отечественной судебной практики положительно скажется на институте признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений.

Ключевые слова: признание и приведение в исполнение решений иностранных судов, публичный порядок, сверхимперативные нормы, судебная практика.

Часто решения судов имеют правовые последствия за пределами государства, в котором было принято такое решение. Обычно такое происходит, если в деле присутствует иностранный элемент (иностранное юридическое лицо, международная компания, имущество, находящееся в другом государстве и так далее). В таких ситуациях необходимо учитывать такой иностранный элемент и трансграничный характер судебного решения. Для этого применяется институт признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений.

Признание решений судов иностранного государства означает придание этим решениям такой же юридической силы, какую имеют вступившие в законную силу решения судов этого же государства: они приобретают свойства неопровержимости, исключительности, а решения о приговоре — также исполнимости; они обязательны для должностных лиц и органов государственной власти данного государства [1, с. 751]. Признание решения — это необходимое условие его принудительного исполнения, которое особенно важно в условиях интернационализации хозяйственных связей и роста числа различных гражданских дел с наличием иностранного элемента.

В текущей мировой обстановке, вызванной пандемией и экономическим кризисом, государства принимают меры по борьбе с кризисом и помощи участникам гражданского оборота. Например, в Российской Федерации введен мораторий на возбуждение дел о банкротстве [2] после обращения Президента Российской Федерации. Но неизвестно, как эта мера действительно повлияет на финансовую ситуацию организаций, особенно международных. После возвращения мировой экономики в прежнее состояние количество дел о банкротстве компаний увеличится во всем мире (уже имеются первые прецеденты [3]).

В такой ситуации заработает институт признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений. На данный момент в мире существует две системы признания и приведения исполнения иностранных решений судов: автоматическое признание и приведение в исполнение иностранных решений судов и система экзекватуры. Автоматическое признание решений иностранных судов предусмотрено в Регламенте Европейского Парламента и Совета Европейского Союза № 1215/2012 «О юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам» [4]. Система экзекватуры предполагает, что иностранное судебное решение признается и исполняется после придания ему принудительной силы судом страны, где испрашивается исполнение, путем вынесения соответствующего постановления (экзекватуры) [1, с. 763].

Пример признания решений по трансграничному банкротству (несостоятельности, осложненной иностранным элементом) в ближайшем будущем покажет эффективность института признания и приведения в исполнение решений иностранных судов. Регулирование автоматического признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений касательно трансграничного банкротства приведено в Регламенте Европейского Парламента и Совета Европейского Союза № 2015/848 «О процедурах банкротства» [5], а использования системы экзекватуры — в Типовом законе ЮНСИТРАЛ «О трансграничной несостоятельности» 1997 г. [6].

В Российской Федерации нет актов, регулирующих трансграничное банкротство, а также нет заключенных международных договоров, облегчающих процедуру признания и приведения в исполнение решений иностранных судов.

К тому же существуют основания для отказа в таком признании и приведении в исполнения. В Российской Федерации общие основания для отказа в признании и исполнении решения иностранного суда установлены в ст. 412 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [7] (далее — ГПК РФ) и ст. 244 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [8] (далее — АПК РФ). Например, если решение иностранного суда еще не вступило в законную силу; если было процессуальное нарушение в виде отсутствия своевременного и надлежащего извещения стороны по делу; если рассмотрение такого дела относится к исключительной компетенции российского суда; если имеется вступившее в законную силу решение суда в Российской Федерации, принятое по спору между теми же лицами, о том же предмете и по тем же основаниям или на рассмотрении в Российской Федерации находится такое дело.

Но для отношений признания и исполнения иностранных судебных решений наиболее интересным и проблемным является основание «исполнение решения иностранного суда противоречило бы публичному порядку Российской Федерации» (п. 5 ч. 1 ст. 412 ГПК РФ и п. 7 ч. 1 ст. 244 АПК РФ). Это основание и будет объектом рассмотрения в данной статье.

Указанное правило соотносится со ст. 1193 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [9]: норма иностранного права, подлежащая применению в соответствии с международным частным правом, в исключительных случаях не применяется, когда последствия ее применения явно противоречили бы основам правопорядка (*публичному порядку*) Российской Федерации с учетом характера отношений, осложненных

иностранным элементом. В такой ситуации при необходимости должна применяться соответствующая норма российского права.

Что же такое публичный порядок? В одном из Обзоров судебной практики Высший Арбитражный Суд Российской Федерации (далее — ВАС РФ) указал, что под публичным порядком в целях применения названных норм понимаются фундаментальные правовые начала (принципы), которые обладают высшей императивностью, универсальностью, особой общественной и публичной значимостью, составляют основу построения экономической, политической, правовой системы государства [10]. Данное определение публичного порядка активно используется в судебной практике при рассмотрении дел о признании иностранных судебных решений.

Проблемой в данном случае является то, что невозможно составить перечень положений, который охватил бы абсолютно все нормы об основах правопорядка Российской Федерации. ВАС РФ дал только ориентир, на основе которого суды в дальнейшем сами оценивают, насколько положения иностранных судебных решений и норм иностранного права соответствуют российскому публичному порядку в значении основополагающих принципов.

ВАС РФ также указал, что оценка арбитражным судом вопроса исполнения иностранного судебного решения на предмет нарушения публичного порядка Российской Федерации не должна привести к пересмотру такого решения по существу (п. 1 указанного Обзора). В деле [11], которое описывается в указанном Обзоре судебной практики ВАС РФ, применение арбитражем мер ответственности за допущенное юридическим лицом нарушение договорных обязательств было осуществлено на основании норм шведского права, избранного сторонами в качестве применимого права. В связи с этим суд признал, что доводы общества о привлечении его к двойной ответственности за одно и то же нарушение путем взыскания убытков в размере разницы между покупной ценой и ценой приобретения по замещающей сделке, а также процентов на сумму возвращенного вследствие неисполнения контракта авансового платежа свидетельствуют о его несогласии с принятым арбитражным решением по существу. То есть, ВАС РФ обратил внимание на то, что публичный порядок должен касаться фундаментальных норм и принципов, связанных, например, с правовой системой Российской Федерации, суверенитетом государства, деятельностью государственных органов, но не с рассмотрением дела по существу в смысле рассмотрения предмета спора сторон по конкретному делу.

В качестве примеров таких принципов можно привести право на суд [12], борьба с коррупцией (п. 2 указанного Обзора), соблюдение независимости и беспристрастности арбитров [13], неприкосновенность права собственности [14], принцип мирного разрешения споров [15], защита охраняемых интересов третьих лиц в отношениях с неплатежеспособным должником в деле о банкротстве [16], недопустимость нарушения в виде

создания в преддверии банкротства видимости частного правового спора с отнесением его на рассмотрение третейского суда для получения в дальнейшем формальных оснований для упрощенного включения необоснованной задолженности в реестр требований кредиторов должника в целях влияния на ход дела о банкротстве [17].

Указывается, что использование такого основания для отказа в признании и приведении в исполнение иностранного судебного решения должно применяться судами в исключительных случаях [18] и не должно применяться только потому, что в российском праве отсутствует аналогичная норма иностранного права [19].

Данное правило применяется и в иностранных судах. Так, в американском деле о признании немецких судебных решений по делу о банкротстве компании «Qimonda» американский суд указал, что немецкое законодательство о несостоятельности противоречит публичному порядку Соединенных Штатов Америки, так как оно предусматривает прекращение неисполненных обязательств после начала производства по делу о банкротстве, в том числе и по лицензионным соглашениям, а американское законодательство о банкротстве никак не касается вопросов выплат лицензиатам, и отсутствие денежных выплат лицензиатам повлияет на всю экономику Соединенных Штатов Америки [20].

Такое же основание отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений перечислено и в международных актах. Так, в Регламенте Европейского Союза № 1215/2012 «О юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам» данное основание предусмотрено в ст. 45: суд может отказать в признании иностранного судебного решения, если признание такого решения с очевидностью будет противоречить публичному порядку государства.

В Обзоре судебной практики ВАС РФ имеется указание, что составной частью публичного порядка является запрет совершать действия, прямо запрещенные сверхимперативными нормами законодательства Российской Федерации, если этими действиями наносится ущерб суверенитету или безопасности государства, затрагиваются интересы больших социальных групп, нарушаются конституционные права и свободы частных лиц. Положение о сверхимперативных нормах (нормах непосредственного применения) содержится в ст. 1192 ГК РФ: нормы международного частного права (раздел 6 ГК РФ) не затрагивают действие тех императивных норм законодательства Российской Федерации, которые вследствие указания в самих императивных нормах или ввиду их особого значения, в том числе для обеспечения прав и охраняемых законом интересов участников гражданского оборота, регулируют соответствующие отношения независимо от подлежащего применению права. Суд будет применять такие нормы независимо от урегулирования применимого права сторонами в договоре. При этом следует отличать императивные нормы, речь о которых идет в Постановлении

Пленума ВАС РФ «О свободе договора и ее пределах» [21], которые устанавливают права и обязанности сторон договора и регулируют возможность отойти от этих положений, и императивные нормы в значении норм непосредственного применения, которые также можно назвать сверхимперативными, разъяснения по применению которых содержится в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ) «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» [22] (далее — Постановление Пленума № 24).

Что такое нормы непосредственного применения? Объяснение дается в п. 10 Постановления Пленума № 24. К нормам непосредственного применения по смыслу ст. 1192 ГК РФ относятся только такие императивные нормы, которые вследствие указания в них самих или ввиду их особого значения, в том числе для обеспечения прав и охраняемых законом интересов участников гражданского оборота, регулируют соответствующие отношения независимо от подлежащего применению права. Императивная норма права имеет особое значение и относится к нормам непосредственного применения, если она имеет своей основной целью защиту публичного интереса, связанного с основами построения экономической, политической или правовой системы государства.

ВС РФ приводит примеры таких норм. Таковой является норма, устанавливающая ограничения оборотоспособности определенных объектов гражданских прав (в частности, на приобретение иностранными лицами в предусмотренных законом случаях земельных участков, акций и долей в уставных капиталах определенных хозяйственных обществ). В силу прямого указания закона к числу норм непосредственного применения относятся положения п. 2 ст. 414 Кодекса Торгового Мореплавания Российской Федерации [23], согласно которому наличие соглашения сторон о выборе применимого права не может повлечь устранение или уменьшение ответственности, которую по Кодексу Торгового Мореплавания Российской Федерации перевозчик несет за вред, причиненный жизни или здоровью пассажира, утрату или повреждение груза и багажа либо просрочку их доставки. Примеры возможных императивных норм приведены и в других пунктах Постановления Пленума № 24: п. 40 (абз. 1 п. 2 ст. 67.2 ГК РФ [24] про невозможность включения в корпоративный договор положения об обязанности голосовать в соответствии с указанием органов корпорации), п. 45 (нормы о защите прав потребителей).

Сверхимперативные нормы в толковании ВС РФ отличаются от норм, составляющих публичный порядок Российской Федерации. Если публичный порядок — это фундаментальные основы, принципы, которые в силу своей значимости составляют основу для экономической, правовой системы Российской Федерации, то сверхимперативные нормы шире по значению, в них могут включаться не только основополагающие принципы, которые

предполагаются под публичным порядком. В отношении сверхимперативной нормы действует другой механизм действия. Если затрагивается действие свехимперативной нормы, то суд обязан сразу применить положения этой нормы, не обращая внимания на нормы иностранного права. В п. 10 Постановления Пленума № 24 указывается, что в части, не урегулированной нормой непосредственного применения, не исключается применение права, определенного соглашением сторон о выборе применимого права или коллизионными нормами, то есть суд сперва применяет норму непосредственного применения, а потом уже вправе посмотреть на регулирование применимым правом. По применению норм о публичном порядке государства суд смотрит сперва на коллизионную норму, потом на применимое право, на соответствующую норму иностранного права, а потом соотносит ее содержание с публичным порядком своей страны, с фундаментальными нормами и принципами.

Судебная практика указывает свои примеры сверхимперативных норм по российскому законодательству (запрет права собственности на сельскохозяйственные участки определенным видам юридических лиц [25], санкционные запреты в отношении определенных товаров [26], установление срока для предъявления иностранного судебного решения к признанию и принудительному исполнению в Российской Федерации [27]).

Проблема заключается в судебском усмотрении при рассмотрении подобных дел. Невозможно точно предсказать, как российский суд интерпретирует иностранную судебную норму в сравнении с российским публичным порядком или будет ли российский суд рассматривать норму российского права в качестве нормы непосредственного применения. Проблема нерешаемая, так как невозможно определить все сверхимперативные нормы в российском законодательстве, а вопрос признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений в Российской Федерации один из главнейших для многих правоотношений, потому что суды часто отказывают именно по этому основанию.

В заключении стоит отметить, что такое основание для отказа в признании и приведении в исполнение решений иностранных судов как противоречие публичному порядку является важным для защиты суверенитета Российской Федерации и защиты основных принципов российской правовой и экономической системы. То, каким образом высшие судебные инстанции интерпретируют и рассматривают публичный порядок и нормы непосредственного применения Российской Федерации, можно признать положительным опытом, так как в судебных актах отражается современная действительность и текущая политика государства. Те рамки, которые очерчены судебной практикой, дают возможность нижестоящим судам эффективно применять нормы в производстве по делам о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений.

Литература:

1. Марышева, Н. И. Международное частное право: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2018. 848 с.;
2. Федеральный закон от 01.04.2020 г. № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 01.04.2020;
3. Flybe: airline collapses two months after government announces rescue // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/business/2020/mar/05/flybe-collapses-two-months-after-government-announces-rescue> (дата обращения: 20.04.2020);
4. Регламент № 1215/2012 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам» (Принят в г. Страсбурге 12.12.2012) // Official Journal of the European Union N L 351. 20.12.2012. P. 1. (<http://eur-lex.europa.eu/>) (дата обращения: 20.04.2020);
5. Регламент № 2015/848 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О процедурах банкротства» // Official Journal of the European Union N L 141. 05.06.2015. P. 19. (<http://eur-lex.europa.eu/>) (дата доступа: 20.04.2020 г.);
6. Типовой закон ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности (Принят в г. Вене 30.05.1997 г. на 30-ой сессии ЮНСИТРАЛ) // Доклад Комиссии ООН по праву международной торговли о работе ее тридцатой сессии 12–30 мая 1997 года. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Пятьдесят вторая сессия. Дополнение № 17 (A/52/17). — Нью-Йорк: ООН. 1997. с. 71–81;
7. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532;
8. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012;
9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 г. № 146-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552;
10. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 26.02.2013 г. № 156 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений» // Вестник ВАС РФ. 2013. № 5;
11. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 10.03.2011 г. по делу № А05–10560/2010;
12. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 10.07.2017 г. № 305-ЭС17–993 по делу № А40–60583/2016;
13. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 03.02.2016 г. № Ф05–20104/2015 по делу № А40–102676/15;
14. Постановление ФАС Центрального округа от 21.01.2009 г. по делу № А09–7012/2008–35;
15. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 18.05.2018 г. № 301-ЭС17–20169 по делу № А38–2183/2017;
16. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 30.03.2018 г. № Ф04–274/2018 по делу № А45–27218/2017;
17. Определение Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 05.12.2016 г. № 305-ЭС16–10852 по делу № А41–21198/2015;
18. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 05.03.2015 г. № Ф05–68/2015 по делу № А40–83447/14–29–709;
19. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 13.09.2011 г. № 9899/09 по делу № А56–60007/2008 // Вестник ВАС РФ. 2012. № 12;
20. Chung, John J. In re Qimonda AG: The Conflict Between Comity and the Public Policy Exception in Chapter 15 of the Bankruptcy Code (February 3, 2014). Boston University International Law Journal, Vol. 32, p. 89, 2014; Roger Williams Univ. Legal Studies Paper No. 145. Available at URL: <https://ssrn.com/abstract=2390351> (дата обращения: 11.04.2020 г.);
21. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14.03.2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Вестник ВАС РФ. 2014. № 5;
22. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» // Бюллетень ВС РФ. 2019. № 10;
23. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30.04.1999 г. № 81-ФЗ // СЗ РФ. 1999. № 18. Ст. 2207;
24. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301;
25. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 20.03.2020 г. № 310-ЭС20–1699 по делу № А83–6583/2019;

26. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 25.09.2018 г. № Ф07–10993/2018 по делу № А21–4708/2018;
27. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 17.02.2020 г. № Ф05–10911/2019 по делу № А40–122648/2018.

Убийство по мотиву кровной мести

Морозов Валентин Леонидович, студент магистратуры
Крымский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Симферополь)

В статье анализируются основные подходы к квалификации убийства по мотиву кровной мести.

Ключевые слова: кровная месть, мотив, вид убийства, месть.

Убийство является особо тяжким преступлением против личности. В связи с этим при осуществлении квалификации необходимо чётко устанавливать все обстоятельства, которые имеют значение для дела. Постановление Пленума Верховного Суда № 1 по делам об убийстве даёт определённые разъяснения призваны снять определённые противоречия как в правоприменительной практике, так и в теории. Однако не для всех видов квалифицированных убийств даётся разъяснение. Одним из таких является убийство по мотиву кровной мести.

Убийство по мотиву кровной мести является квалифицированным видом убийства закреплённым в п. «е.1» ч.2 ст.105 УК РФ. Предполагается что такой законодательный ход объясняется наличием определённых обстоятельств, которые, в свою очередь, свидетельствуют о повышенной общественной опасности данного вида убийства. Однако в настоящее время нет единогласного мнения относительно того, стоит ли относить подобный вид убийства к квалифицированному. Представители первой точки зрения указывают на то, что данный вид убийства обоснованно отнесён к квалифицирующему. В пользу выдвигается основание, в соответствии с которым данный вид убийства порождает совершение новых преступлений. Так, в частности, в одной из работ указывается: «Большая общественная опасность убийства, совершенного по мотиву кровной мести, обусловлена «цепной реакцией» убийств, переходом «обязанности» отомстить от одного рода к другому».. [1,с56.] Представители противоположной точки зрения считают необоснованным отнесение данного вида убийства к квалифицированному. Примером может служить мнение Шнайдер Л. Г. которая в своей работе утверждает следующее «поскольку основанием кровной мести выступает совершение противоправного деяния потерпевшим, а согласно положением п. «з» ч.1 ст.61 УК РФ, противоправность или аморальность действий потерпевшего являются обстоятельством смягчающим наказание, усиление ответственности за преступление которое является ответной реакцией на противоправное деяние, представляется необоснованным».. [2, с. 23.]

Законодательно понятие кровной мести в российском законодательстве не закреплено. В науке выработано несколько подходов к определению кровной мести. Все они схожи в том, что кровная месть является обязательством, основанном на обычае совершить определённые действия, направленные на причинение смерти обидчику. Различие заключается в следующем: первая группа авторов считает, что обязательства, вытекающие из принципа кровной мести, возможны в том случае, если потерпевшему или его родственникам была причинена смерть. Вторая точка зрения заключается в том, что обязательство действовать по мотиву кровной мести возникает на основании не только убийства, но и нанесения тяжкого оскорбления, причинения вреда здоровью как самому потерпевшему, так и членам его семьи, близким родственникам. Следует учитывать, что причинение смерти женщине невозможно квалифицировать как убийство, совершенное по мотиву кровной мести.

Таким образом, под убийством по мотиву кровной мести следует понимать противоправное умышленное причинение смерти другому лицу за причинение самому виновному лицу, членам его семьи, близким родственникам тяжкой обиды, совершенной в результате исполнения обычая, сложившегося в обществе.

При этом не имеет значения временной отрезок с момента нанесения тяжкой обиды и до момента причинения смерти обидчику. Убийство может считаться совершенным по мотивам кровной мести по истечении значительного периода времени, исчисляемого годами и даже десятилетиями.

Для осуществления квалификации убийства по мотиву кровной мести следует учитывать особенности субъекта. Ряд авторов считает целесообразным считать субъектом по данному преступлению исключительно лицо определённой национальности и относящееся к определённой социальной группе признающей принцип кровной мести. Неясным остаётся основание выделения такого субъекта ввиду того, что в диспозиции статьи нет указания на субъекта преступления, а только лишь на мотив совершения того преступления. Справедливо критикуя такой подход,

А. И. Коробеев утверждает, что «русский, проживающий много лет в ингушском ауле и усвоивший горские обычаи, может придерживаться кровной мести, а ингуш, проживший всю жизнь на Дальнем Востоке, кровную месть может и не признавать». [3, с.215.] Более того, указанный подход вступает в противоречие с положением ч.2 ст. 19 Конституции РФ, а также принципом равенства граждан перед законом и судом закреплённым в ст.4 УК РФ.

Более предпочтительной выглядит позиция, в соответствии с которой при определении субъекта убийства по

мотиву кровной мести принципиальное значение имеет не отношение лица к определённой нации, а обстоятельства, свидетельствующие о том, что данное лицо признает такой принцип, а также руководствовался им при совершении убийства. Необходимо учитывать, что совершение подобного преступления возможно и в местности, жители которой не признают подобный обычай.

Субъективная сторона данного преступления характеризуется умыслом как прямым, так и косвенным.

Литература:

1. Уголовное право России. Особенная часть: учебник /Бурлаков В. Н., Лукьянов В. В., Щепельков В. Ф. [и др.]; под ред. В. Н. Бурлакова, В. В. Лукьянова, В. Ф. Щепелькова. — 2-е изд. — СПб:СПбГУ, 2014. — 765 с.: ISBN 978-5-288-05516-4. — Текст: электронный. — URL: <https://new.znaniium.com/catalog/product/942234> (дата обращения: 30.04.2020)
2. Преступления по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды либо кровной мести в уголовном праве Российской Федерации. // disserCat. URL: <https://www.dissercat.com/content/prestupleniya-po-motivu-natsionalnoi-rasovoi-religioznoi-nenavisti-ili-vrazhdy-libo-krovnoi-/read> (дата обращения: 30.04.2020).
3. Коробеев, А. И. Обсуждение нового уголовного законодательства «круглый стол» кафедры уголовного права юридического института ДВГУ / А. И. Коробеев. — Текст: непосредственный // Правоведение. — 1998. — № 2. — с. 211–218.

Сущность отдельных процедур в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) юридического лица

Морозова Елена Альбертовна, студент магистратуры

Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Нижний Новгород)

В рамках настоящей статьи кратко раскрывается характер процедур, применяемых арбитражным судом в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) в отношении юридического лица.

Ключевые слова: банкротство, арбитражный суд, наблюдение, финансовое оздоровление, внешнее управление, конкурсное производство, Закон о банкротстве, мировое соглашение.

Банкротство представляет собой комплексное и сложное явление. Понимать банкротство можно и как юридический факт — несостоятельность физического лица или организации, и как судебную процедуру. Для целей настоящей статьи целесообразно использовать понятие «банкротство» именно в качестве судебной процедуры.

В настоящее время дела о банкротстве рассматриваются арбитражные суды [1]. Говорить о процедуре банкротства можно после того, как в суд поступило заявление о признании должника банкротом от кредитора или самого потенциального банкрота.

Необходимо отметить, что заявление может быть подано не только одним кредитором, но и коллективом кредиторов, совокупная сумма требований которого отвечает требованиям Федерального закона от 26.10.2002

№ 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве). Такая ситуация имеет место для защиты экономических интересов кредиторов, если сумма требований каждого из них менее установленной законом нормы, а в то же время существуют значительные сомнения по поводу того, что ситуация сможет быть разрешена в позитивном ключе.

Все процедуры, которые могут применять в банкротстве юридического лица подробно описаны в Законе о банкротстве. Это необходимо для сохранения баланса интересов сторон в процессе, а также для минимизации возможного использования банкротства как института ухода от обязательств [3].

При рассмотрении процедур в рамках дела о банкротстве необходимо понимать, что для юридических и физических лиц процедуры будут различны.

В статье 52 Закона о банкротстве поименованы варианты решений, которые арбитражный суд может принять при рассмотрении дела о несостоятельности (банкротстве) юридического лица:

- решение о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства;
- решение об отказе в признании должника банкротом;
- определение о введении финансового оздоровления;
- определение о введении внешнего управления;
- определение о прекращении производства по делу о банкротстве;
- определение об оставлении заявления о признании должника банкротом без рассмотрения;
- определение об утверждении мирового соглашения [2].

Данный перечень является закрытым, таким образом, суд ограничен в выборе варианта разрешения именно этими положениями. В данной норме и обозначены все процедуры, применимые к юридическому лицу в банкротстве. Целесообразно остановиться на них подробнее.

Процедура наблюдения вводится арбитражным судом сроком до 7 месяцев (установлено в статье 51 Закона о банкротстве). Несмотря на то, что наблюдение предусмотрено Законом, технически, лицо при ее введении банкротом не признается. Основными целями процедуры наблюдения является анализ финансового состояния юридического лица, составление реестра кредиторов, а также проведение первого собрания кредиторов.

Следующая процедура — финансовое оздоровление — направлена на восстановление платежеспособности должника и удовлетворения требований всех кредиторов. Вместе с ходатайством о введении процедуры финансового оздоровления подается план оздоровления, который арбитражный суд утверждает.

Следующая процедура, о которой стоит вести речь — внешнее управление. Как и все предыдущие процедуры, внешнее управление направлено на восстановление платежеспособности должника.

В то же время, у нее есть ряд характерных особенностей. Самой главной особенностью является то, что в рамках данной процедуры руководство должника и его органы управления отстраняются от управления, а место руководителя занимает внешний управляющий, утверждаемый арбитражным судом.

В случае, если в установленный арбитражным судом срок не произведены расчеты с кредиторами, арбитражный суд принимает решение о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства. Кроме того, конкурсное производство может быть введено после любой из вышеперечисленных процедур в случае, если арбитражный суд придет к выводу о том, что восстановление платежеспособности хозяйствующего субъекта невозможно. Процедура конкурсного производства представляет собой завершающую процедуру банкротства должника. На стадии конкурсного производства должника признают банкротом, а сама процедура служит для удовлетворения интересов всех кредиторов пропорционально заявленным требованиям путем распределения денежных средств, полученных от реализации имущества должника.

На любой стадии рассмотрения арбитражным судом дела о банкротстве должник, его конкурсные кредиторы и уполномоченные органы вправе заключить мировое соглашение. Решение о заключении мирового соглашения со стороны конкурсных кредиторов и уполномоченных органов принимается собранием кредиторов. Решение собрания кредиторов о заключении мирового соглашения принимается большинством голосов от общего числа голосов конкурсных кредиторов и уполномоченных органов в соответствии с реестром требований кредиторов и считается принятым при условии, если за него проголосовали все кредиторы по обязательствам, обеспеченным залогом имущества должника. Мировое соглашение утверждается определением арбитражного суда, которым одновременно прекращается производство по делу о банкротстве.

Таким образом, нами рассмотрены характерные особенности всех процедур, применяемых в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) юридического лица.

Литература:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // Собрание законодательства РФ, 29.07.2002, № 30, ст. 3012.
2. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ, 28.10.2002, № 43, ст. 4190.
3. Санчилов, К. В. Стадии наступления банкротства предприятий и процедуры его проведения в России // Контекст. 2019. № 5 (82). с. 113.

Обязательное пенсионное страхование как граница достойных пенсий в Российской Федерации

Никитин Виталий Викторович, преподаватель

Одинцовский филиал Международного юридического института (Московская обл.)

В наши дни часто звучит формулировка «Достойная пенсия», которую надлежит зарабатывать всем, кто хочет получать эту пенсию в старости. Но почему же страховые пенсии сегодня все еще далеки от понятия «достойные».

Система формирования пенсионных прав в нашей стране базировалась на начислении и уплате страховых взносов по результатам работы каждого гражданина. С 1991 года, т. е. с года, когда начал функционировать Пенсионный фонд Российской Федерации, до 31 декабря 2001 года, вся страховая система фонда была незаметной и понятной, пожалуй, лишь самому Пенсионному фонду.

К концу 2001 года все работающие граждане уже были застрахованы в системе индивидуального (персонифицированного) учета, имели при себе страховое свидетельство государственного (позже — обязательного) пенсионного страхования, но с трудом понимали, что это за система. Понимание пришло с 20.12.2001 года, когда в законную силу вступил закон от 18.12.2001 года № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации».

Принципиально новая система обязательного страхования обозначила страховые взносы на обязательное пен-

сионное страхование (далее — страховые взносы) — индивидуально возмездные обязательные платежи, которые уплачиваются в бюджет Пенсионного фонда Российской Федерации и персональным целевым назначением которых является обеспечение права гражданина на получение пенсии по обязательному пенсионному страхованию в размере, эквивалентном сумме страховых взносов, учтенной на его индивидуальном лицевом счете [2, ст. 3].

Нормами рассматриваемого закона стали определяться размеры для начисления и уплаты страховых взносов в систему обязательного пенсионного страхования, которые рассчитывались от начисленной заработной платы или как ее называют в народе — «белой зарплаты». Обязательства по уплате этих средств возложены на организации, осуществляющие выплату заработной платы своим сотрудникам. Но, исходя из статьи 22 рассматриваемого закона, можно сказать, что страховые взносы в пользу застрахованных лиц начислялись и уплачивались исходя из величины всей заработной платы работника за календарный год. Это говорит о том, что вся заработная плата влияла на величину будущей пенсии.

В статье будут рассматриваться показатели по общим основаниям.

Таблица 1. Распределение страховых взносов для определенной возрастной группы в период с 2002 по 2004 годы

База для начисления страховых взносов на каждого отдельного работника нарастающим итогом с начала года	Для мужчин 1952 года рождения и старше и женщин 1965 года рождения и старше		Для мужчин с 1953 по 1967 год рождения и женщин 1956 по 19674 год рождения	
	На финансирование страховой части трудовой пенсии ¹	На финансирование накопительной части трудовой пенсии	На финансирование страховой части трудовой пенсии	На финансирование накопительной части трудовой пенсии
До 100000 руб.	14,0%	0,0%	12,0%	2,0%
От 100001 до 300000 рублей	7,9%	0,0%	6,8%	1,1%
От 300001 до 600000 рублей	3,95%	0,0%	3,39%	0,56%
От 600001 рубля	Страховые взносы не начислялись и не уплачивались			

Таким образом, максимально возможный размер страхового взноса для рассматриваемой категории граждан 41650 рублей для тех, у кого формировалась только страховая часть и 35770 рублей + 5880 рублей для лиц, у которых формировалась страховая и накопительная части.

Таким образом, максимально возможный размер страхового взноса для рассматриваемой категории граждан

составлял: в 2002–2003 годах — 32720 рублей + 8930 рублей; в 2004 году — 29740 рублей + 11910 рублей; в 2005 году — 26780 рублей + 14870 рублей; в 2006–2009 годах — 23780 рублей + 17870 рублей.

Приведенные данные наглядно отражают тот факт, что все страховые взносы учитывались на лицевых счетах застрахованных лиц в целях формирования пенсионных прав.

¹ Здесь и далее — с 2015 года формулировка «Трудовая пенсия» изменена на «Страховую пенсию» — Примечание автора

Таблица 2. Распределение страховых взносов для лиц 1967 года рождения и моложе в период с 2002 по 2009 годы

База для начисления страховых взносов на каждого отдельного работника нарастающим итогом с начала года	2002–2003 годы		2004 год		2005 год		2006–2009 годы	
	На финансирование страховой части трудовой пенсии	На финансирование накопительной части трудовой пенсии	На финансирование страховой части трудовой пенсии	На финансирование накопительной части трудовой пенсии	На финансирование страховой части трудовой пенсии	На финансирование накопительной части трудовой пенсии	На финансирование страховой части трудовой пенсии	На финансирование накопительной части трудовой пенсии
До 100000 руб.	11,0%	3,0%	10,0%	4,0%	9,0%	5,0%	8,0%	6,0%
От 100001 до 300000 рублей	6,21%	1,69%	5,64%	2,26%	5,08%	2,84%	4,5%	3,4%
От 300001 до 600000 рублей	3,1%	0,85%	2,82%	1,13%	2,54%	1,41%	2,26%	1,69%
От 600001 рубля	Страховые взносы не начислялись и не уплачивались							

Серьезные изменения прошли в пенсионном законодательстве в 2010-м году, когда в законодательство была внесена новая часть тарифа страхового взноса — солидарная. Тогда же значительно возрос тариф страхового взноса и стал составлять 26,0% от суммы начисленной заработной платы. Однако на лицевой счет в части, касающейся формирования пенсионных прав, стала учитываться сумма, исчисленная от 16,0% тарифа. Оставшиеся 10,0% в лицевом счете не отражались.

Редакцией 24 рассматриваемого закона было внесено определение солидарной части.

Солидарная часть тарифа страховых взносов — часть страховых взносов на обязательное пенсионное страхование, предназначенная для формирования в соответствии с федеральным законом о бюджете Пенсионного фонда Российской Федерации денежных средств в целях выплаты в фиксированном базовом размере¹ трудовой пенсии, социального пособия на погребение умерших пенсионеров, не подлежавших обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством на день смерти, и в иных целях, предусмотренных законодательством Российской Федерации об обязательном пенсионном страховании, не связанных с формированием средств, предназначенных для выплаты накопительной части трудовой пенсии и других выплат за счет средств пенсионных накоплений, установленных законодательством Российской Федерации.

Необходимо отметить, что ранее базовая часть пенсии финансировалась из государственного бюджета.

Равно как и ранее, законодательно предусматривалась предельная база для начисления страховых взносов. Но в отличие от предыдущих лет, когда достижение максимальной базы не предусматривало начисление и уплату каких-либо страховых взносов, теперь, с введением соли-

дарной части, страховые взносы продолжают начисляться и уплачиваться.

Таким образом, в пределе базы для начисления страховых взносов, стал выделяться тариф для финансирования солидарной части. А при достижении порога предельной базы — предусмотрено только формирование солидарной части (без ограничения по сумме), без страховой и накопительной.

Если размер страховой части напрямую влияет на размер будущей пенсии, то величина солидарной части — никак не может влиять на величину фиксированной выплаты, т. к. ее размер устанавливается в твердой денежной сумме. До 2018 года фиксированная выплата к страховой пенсии индексировалась в соответствии с решениями Правительства Российской Федерации. С 20109 года величина этой выплаты определена до 2024 года включительно.

Таблица 3. Размер фиксированной выплаты к страховой пенсии по старости [3, п. 8, ст. 10]

Дата, с которой устанавливается новый размер фиксированной выплаты	Размер фиксированной выплаты (руб.)
с 01.01.2019	5334,19
с 01.01.2020	5686,25
с 01.01.2021	6044,48
с 01.01.2022	6401,10
с 01.01.2023	6759,56
с 01.01.2024	7131,34

Исходя из этого видно, размер сформированной по системе обязательного пенсионного страхования солидарной части — никак не влияет на величину расчетной части пенсионного обеспечения.

¹ Здесь и далее — с 2015 года понятие «Базовая часть пенсии» изменена на «Фиксированную часть к страховой пенсии» — Примечание автора

Таким образом на основании вышесказанного можно сделать вывод, что система обязательного пенсионного страхования не дает возможности застрахованному лицу сформировать достойную пенсию, основанную на результате его трудовой деятельности, ввиду того, что сами правила учета страховых взносов ограничивают работников в их правах, как со стороны предельной базы, так

и со стороны формирования солидарной части тарифа. Это позиция представляет собой уравнительную систему, которая работает сегодня для того, чтобы граждане получали пенсии в относительно одинаковых размерах.

Пенсионная система однозначно нуждается в исправлениях, которые должны находиться на стороне интересов будущих пенсионеров.

Литература:

1. Федеральный закон от 01.04.1996 № 27-ФЗ (ред. от 24.04.2020) «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования»
2. Федеральный закон от 15.12.2001 N 167-ФЗ (ред. от 01.04.2020) «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации»
3. Федеральный закон от 03.10.2018 № 350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий»
4. Интернет-сайт Пенсионного фонда Российской Федерации: www.pfrf.ru

Исторические аспекты становления и развития правового регулирования земельных участков в России

Никифорова Анастасия Александровна, студент магистратуры;
Черногорцева Яна Эдуардовна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

Для того, чтобы точно и объективно исследовать проблемы правового статуса земельных участков, особенно важное значение имеет рассмотрение исторических аспектов становления земельного законодательства в Российском Государстве. Ведь Россия — это страна с огромной территорией, и земельных участков на такой территории немалое количество. Выделение основных исторических этапов становления российского законодательства в области земельных отношений помогают рассмотреть, сравнить, определить и установить непосредственные способы развития института правового статуса земельных участков.

Право собственности на землю — центральная тема науки земельного права. Несмотря на различные пробелы в действующем законодательстве, всё больше растёт количество взглядов учёных-цивилистов на сущность, правовую природу, содержание рассматриваемой категории, которая непосредственно важна в теоретическом и практическом смысле. Один аспект, с которым согласны все учёные — без права собственности ни одно общество в мире существовать не может. И поэтому, чтобы определить, как право собственности на землю появилось и стало развиваться в России, необходимо рассмотреть и изучить исторический аспект.

По мнению П.В. Анисимова, А.Ю. Чикильдина, Г.С. Працко, современная учебная литература рассматривает историю развития земельного законодательства в России лишь с XVI века. Они считают, что именно с этого времени начинает происходить окончательное станов-

ление права собственности на землю, начали появляться первые правовые документы. В таких документах, достаточно системно был определён правовой режим земельного фонда страны. В последующее время более подробно обосновывалась правовая концепция собственности на землю и уже позднее появилась самостоятельная отрасль права — земельное право [1].

В истории Российского государства главным толчком появления земельных отношения считается возникновение и последующий прогресс отношений между племенами и родами по вопросам деления территории, скота, позже деление начало появляться в ремесле и торговле, начала появляться частная собственность на орудия и результаты труда, землю. Конечной точкой развития в момент появления земельных отношений можно считать формирование государства и разделение общин. Первое указание на земельный правопорядок получило своё установление в Русской Правде, где запрещалось нарушать правовой режим земель и портить межевые знаки — за это предусматривалась ответственность.

Анализируя Псковскую судную грамоту, Беляев И.Д. сделал вывод, что в грамоте имеются положения, которые характеризуют правовое регулирование земельных отношений. Благодаря псковскому закону стал доступен выкуп земель, признавалось поместное и вотчинное владение землёй, указывалось об узаконивании земель, находящихся под владением нескольких хозяев, где каждый обладал своей долей согласно особой грамоте [2].

В работах учёных-юристов справедливо отмечается, что «государство в первое время предоставляла неприкосновенность на частную собственность земельных участков и её охрану. Уже позднее стали появляться нормы в законах об ответственности за нарушение правил пользования земельными участками, прав землепользователей и т. д. Благодаря внесению таких норм, государство пыталось, таким образом, внести некоторую стабильность в уже существующий земельный порядок, именно в те отношения, которые возникали между собственниками земли, землепользователями и государством и касались реализации их прав и защиты, охраны земельного участка как природного объекта» [3].

В период, который можно условно назвать феодальный, происходило развитие земельного права, а также определённые политические события. Все эти события стали для самодержавной России предопределённой сменой концепции собственности. Именно в это время происходило вытеснение семейной формы землепользования, введение вотчинного и поместного землепользования, неравный доступ к земельным правам, использование труда крестьян, полное отсутствие возможности у них приобретать земельные наделы в собственность.

Период после отмены крепостного права и до момента революционных преобразований 1917 года можно назвать революционным. В данное время осуществляется промышленный подъём, строительство заводов, рост потребности в рабочей силе. Такие обстоятельства вынуждают правителей проводить определённые реформы в сфере использования земли.

Указ 1791 года и Указ «О вольных хлебопашцах» от 20 февраля 1803 года разрешали выкуп земель купцам, мещанам и крестьянам (кроме помещечьих). К концу XIX века произошло осознание необходимости отмены крепостного права. Согласно Манифесту от 19 февраля 1861 года и Положению о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, крестьяне стали субъектом земельных правовых отношений только в составе сельского общества, получив землю не в собственность, а в постоянное пользование. А по истечении девяти лет после реформы стал возможен выкуп ими земель в собственность.

Аграрная реформа 1906 года подразумевала под собой замену общинного крестьянского землепользования на частное землевладение, а также снятие ограничений по выходу из общины крестьянина и признанию его субъектом права собственности на землю. Своей реформой Столыпин пытался сохранить неприкосновенность частной собственности, сохранить земли помещиков и в то же время, предоставить крестьянам именно то, что им было нужно.

Уже в советское время произошла особенная трансформация концепции земельной собственности. В декрете ВЦИК от 26 октября 1917 года «О земле» и в декрете ВЦИК от 19 февраля 1918 года «О социализации земли» — содержалась идея государственной собственности, которая полностью исключала возможность приобретения земли в

частную собственность. По Декрету «О земле» все земли, которые принадлежат помещикам, церквям, царской фамилии, монастырям конфисковались, изымались без каких-либо компенсаций и в последующем передавались крестьянам в пользование. Все полезные ископаемые, недра земли, воды и леса перешли в абсолютное пользование государства. Но, например, мелкие реки и озёра, леса перешли в пользование общин, регулирование которыми осуществлял местный орган самоуправления. Согласно данному нормативно-правовому акту, земля являлась ни продаваемой, ни покупаемой, ни сданной в аренду, ни отчуждаемой [4].

Принятый в 1922 году Земельный Кодекс РСФСР, был в основном направлен на установление земельных отношений в сельскохозяйственной деятельности и, соответственно, развитие коллективной формы землепользования.

Земельный Кодекс РСФСР 1970 года уже более похож на структуру действующего Земельного Кодекса Российской Федерации. Здесь появились задачи кодекса, которые выражаются в регулировании «земельных отношений в целях обеспечения рационального использования земель, создания условий повышения их эффективности, охрана прав социалистических организаций и граждан, укрепление законности в области земельных отношений» [5].

В 1991 году самым важным критерием стало восстановление частной собственности на землю. Так, в Земельном Кодексе 1991 года в задачах было указано, что «должны быть созданы условия для равноправного развития различных форм хозяйствования, охрана прав на землю граждан, предприятий, организаций». До принятия действующего Земельного Кодекса, Кодекс 1991 года основывался на гражданском законодательстве и подзаконных актах, в основном, Указах Президента.

Действующий земельное законодательство имеет основные отличия от всех предыдущих нормативно-правовых актах: а) установление концепции многообразия форм собственности на землю; б) наличие принципов, которые указаны в ст. 1 Земельного Кодекса Российской Федерации; в) возможность участвовать гражданам, организациям в решении вопросов, которые касаются прав на землю; г) деление земель на категории, которые определяют их целевое назначение; д) приоритет сохранения особо ценных земель и земель особо охраняемых территорий. Наличие таких особенностей помогает определить наступление нового этапа развития земельного законодательства в России.

В заключении стоит сделать вывод, что становление правового регулирования земельных участков в России прошло долгий путь. Основа всех земельно-правовых отношений — это право собственности на землю. Не смотря на уже довольно развитое земельное законодательство, его совершенствование должно продолжаться и быть актуальным в любом вопросе, которое касается земельных участков. Ведь если совершенствование будет продолжаться, то и законодательство, и экономические отношения ждёт качественное развитие.

Литература:

1. Анисимов, П. В., Чикильдина А. Ю., Працко Г. С. История становления и развития отечественного земельного права: проблемы периодизации // *Философия права*. 2014. № 5 (66). с. 69–72.
2. Беляев, И. Д. История русского законодательства. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 896 с.
3. Сидоренко, А. Ю. Ответственность за нарушения земельного правопорядка: история развития российского законодательства (От «Русской Правды» до 1917 г.) // *Государство и право*. 2000. № 11. с. 67–72.
4. Декрет о земле (Принят II Всероссийским съездом Советов 27.10.1917) // *Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства*. — № 1. — 28.10.1917. Утратил силу.
5. Об утверждении Земельного кодекса РСФСР: Закон РСФСР от 01.07.1970 // *Ведомости ВС РСФСР*. — № 28. — 1970. Утратил силу.

Ранее учтённый статус земельного участка: проблемы правового регулирования

Никифорова Анастасия Александровна, студент магистратуры;
Черногорцева Яна Эдуардовна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

Законодательство Российской Федерации в области земельного и гражданского права, в частности, недвижимости, достаточно обширно. Существование единого государственного реестра недвижимости (далее — ЕГРН) позволяет государству контролировать данные обо всех объектах недвижимости и земли, относящихся к территории государства. В процессе объединения сведений были выявлены определенные проблемы при регистрации земель, например, неверно определённые границы или ошибки при оформлении документации, что привело к необходимости классифицировать участки в зависимости от их статуса, в результате чего принято различать следующие виды статуса земельного участка: временный, аннулированный, ранее учтённый, учтённый и архивный.

Земельные участки, признанные ранее учтёнными, представляют наибольший интерес для исследования в силу существующих проблем их статуса: неопределённость положения, проблема межевания, спорность земли (неопределённость принадлежности).

Законодательство Российской Федерации в настоящее время не содержит термина «статус земельного участка», из чего следует наличие различных проблем в сфере правового регулирования, связанных с использованием этого понятия: «земельный статус», «статус земли», «статус земельного надела», а также непосредственно вопросы, связанные с регулированием видов статусов земельных участков. Установим следующие характеристики статуса земельного участка — целевое назначение, форма разрешенного использования (ст. 7 ЗК РФ) и разрешенный способ владения (или правовой режим земель) [1].

Следует утверждать, что статус земельного участка «ранее учтённый» свидетельствует о том, что в отношении него в ЕГРН отсутствуют данные о характеристиках данного участка, указывающие на его границы и размер. Объясняется это тем, что со временем способы проведения

землеустроительных и кадастровых работ изменились, при этом соответствующие работы на ранее учтённых участках проведены не были.

Изучение ранее учтённых земельных участков по определению (уточнению) границ данных участков, по внесению сведений о них в ЕГРН позволило вывести следующее: законодательство и какие-либо нормативные правовые акты, в частности, Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», не содержат соответствующих формулировок о требованиях к собственникам провести указанные работы [2]. Рассматриваемая ситуация является результатом процессов, происходящих в 1990-ые годы, а именно приватизация, в результате которой граждане получали свидетельства о праве собственности, в которых, как правило, обозначение земельных участков было весьма условным, буквально в виде «квадрата», «прямоугольника», без обозначения конкретных размеров (например, приблизительно 5 или 10 соток).

Государство постепенно пытается исправить сложившуюся ситуацию, внося изменения в законодательство, в соответствии с которыми идёт процесс установления фактического размера земельных участков и организация их учёта в соответствующем реестре. Учитывая значительное количество собственников, особенно собственников земельных участков в садоводствах и дачных кооперативах, в силу объективных и субъективных причин не завершивших приведение документов в соответствие с современными требованиями, государство даёт время на выполнение всех необходимых процедур, оставаясь при этом на позиции признания права собственности, возникшего ещё до введения в действие Федерального закона от 21.07.1997 № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» [3].

Вплоть до внесения изменений в Федеральный закон от 22.12.2014 № 447-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости» межевание не являлось обязательной процедурой, проведение которой было связано исключительно с желанием собственника [4]. Вместе с тем, названные изменения в законодательстве закрепили требование об осуществлении межевого процесса до конца 2017 года, однако и после данного срока это возможно в том случае, если не предвидится срочных сделок с земельным участком в ближайшие годы или таковые полностью исключены. В настоящее время по-прежнему сложно утверждать о полноценном закреплении требований о проведении межевания.

Рассмотрение каждого аспекта проблем правового регулирования земельных участков со статусом «ранее учтённый», несомненно, представляет большой исследовательский интерес, что, однако, не позволяет изучить данную тему в полной мере без взаимодействия с другими отраслями. Деятельность со стороны государственных органов, разъяснения для граждан, указания для выполняющих распорядительные функции органов и другие действия со стороны государства позволят со временем исправить выявленные проблемы с ЕГРН, упорядочив существующую систему и приведя её к единому знаменателю.

Литература:

1. Постановление Президиума ВАС РФ от 03.06.2014 № 818/14 по делу № А46-1384/2010 // Вестник ВАС РФ, 2014, № 10.
2. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 25.12.2018) «О государственной регистрации недвижимости» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) // Российская газета, № 156, 17.07.2015.
3. Федеральный закон от 21.07.1997 № 122-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // Российская газета, № 145, 30.07.1997.
4. Федеральный закон от 22.12.2014 № 447-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном кадастре недвижимости» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета, № 296, 26.12.2014.

Судебная медиация

Новикова Алина Анатольевна, студент

Кемеровский институт (филиал) Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова

В настоящее время судебная медиация не рассматривается как альтернатива судебному разбирательству правовых конфликтов, при этом она успешно вписывается в судебный порядок защиты гражданских прав, взаимодействует с судебной формой защиты права.

В практике посредничества выделяют две основные модели судебной медиации: интегрированная и ассоциированная.

Интегрированная медиация предполагает «объединение усилий судьи по урегулированию и (или) разрешению конфликта, в связи с чем процедура медиации проводится в здании суда судьей или одним из сотрудников суда» [2, с. 282]. Данная модель медиации применяется в Германии, Норвегии, в некоторых штатах США, Финляндии, а с недавних пор и в России. Суть интегрированной медиации заключается в том, что при поступлении заявления в суд, судья изучает его с целью поиска эффективного пути завершения конфликта. Если судья усматривает возможность урегулировать конфликт и примирить стороны, то он приступает к выполнению функций медиатора. Если же судья полагает, что урегулировать спор невозможно, то он назначает судебное засе-

дание, в котором рассматривает дело и выносит судебное решение.

Рассматривая опыт зарубежных стран, следует обратить внимание на судебную медиацию в Финляндии, которая «регулируется Законом (Актом) о медиации по гражданским делам и признании соглашений в судах общей юрисдикции 2011г» [2, с. 283]. Закон предоставляет право возбудить процедуру судебной медиации как до возбуждения дела в суде, так и после, причем как в суде первой инстанции, так и апелляционной инстанции. Медиатором является судья того суда, в котором дело находится на рассмотрении. Следует отметить, что предусмотрена возможность привлечения медиатором эксперта-ассистента. В случае если процедура медиации оказалась безуспешной, то производство по делу возобновляется, но при этом медиатор в силу закона уже не может участвовать в этом судебном разбирательстве и назначается другой судья. Существование в Финляндии интегрированной судебной медиации требует от юристов быть «не только очень хорошими специалистами в области права, но также и очень хорошими специалистами в управлении конфликтом» [5, с. 44].

Что касается России, то в соответствии с ч. 1.1 ст. 16 ФЗ от 27.07.2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» судьи, пребывающие в отставке, могут осуществлять деятельность медиаторов на профессиональной основе. Списки судей, пребывающих в отставке и изъявивших желание осуществлять деятельность медиаторов на профессиональной основе, ведутся советами судей субъектов Российской Федерации.

Интегрированная судебная медиация обладает одним неоспоримым плюсом — она бесплатна. Однако минусов значительно больше, среди которых, например, необходимость соблюдения процессуальных сроков, профессиональная деформация судьи, юриста, формальный подход к «исчерпанию» процедуры медиации.

Ассоциированная медиация представляет собой «некое соединение судебной формы защиты права и способа урегулирования конфликта; проводится вне суда независимо по отношению к суду и сторонам частным медиатором» [2, с. 285]. Данная модель медиации существует в Бельгии, Нидерландах, Англии, Франции и в других странах.

Анализирую данную модель медиации, можно прийти к выводу, что положительной чертой является правильное распределение обязанностей суда и медиаторов. Сначала одни проводят диагностику конфликта и решают вопрос о необходимости передачи конфликта для его урегулирования медиатору. Затем другие — принимают меры по поиску удовлетворяющего конфликтующие стороны решения и выработке соглашения. И после этого первые принимают меры по завершению конфликта либо путем утверждения соглашения и прекращения производства по делу, либо путем возобновления производства по делу, его рассмотрения и разрешения по существу заявленных требований.

В свою очередь отрицательной чертой ассоциированной медиации является противодействие сторон конфликта прохождению процедуры медиации. Однако в данном случае возможны «меры финансового характера в виде возложения расходов за уклонение от рассмотрения возможности применения процедуры медиации по предложению суда» [3]. Нежелание сторон участвовать в процедуре медиации, предложенной судом, может быть преодолено путем закрепления в законе обязанности пройти процедуру медиации по предписанию (требованию) суда. Такой подход применяется в Италии, где также установ-

лены негативные последствия в случае отказа от обязательной судебной медиации, например, «судья может обязать сторону, которая необоснованно отказала принять участие в медиации, заплатить определённую денежную сумму эквивалентную государственной пошлине за судебное разбирательство; если сторона без уважительной причины не явилась к медиатору, то суд может сделать определённые выводы в отношении этой стороны и оценить эти действия как недобросовестные» [2, с. 289].

Таким образом, ассоциированная судебная медиация может предлагаться, а может навязываться судом. Однако ни тот, ни другой подход не может свидетельствовать об эффективности данного вида медиации.

Нередко в литературе происходит смешение понятий судебной медиации и судебного примирения, и это не случайно, поскольку данные процедуры схожи, однако они имеют и различия.

«Примирение отличается от посредничества тем, что безучастное третье лицо может само разрабатывать и рекомендовать условия урегулирования спора между спорящими сторонами, которые, в свою очередь, не обязаны принимать такие рекомендации, но должны добросовестно рассмотреть предложения «миротворца». Несмотря на то что роль примирителя заключается в попытке выработать соглашение между спорящими сторонами и, следовательно, предложить компромиссное решение без вынесения решения суда в пользу той или иной стороны, иногда все же требуется юридическая оценка аргументов, выдвинутых сторонами. Как только проблемы спора разъяснены, сторонам может быть предложено попробовать прийти к соглашению, учитывая точку зрения миротворца относительно сильных и слабых сторон той или иной позиции и вероятности их принятия или отклонения на судебных служениях спора» [4].

На основании всего вышеизложенного, можно сделать вывод, что применение судебной медиации является эффективным способом содействия примирению сторон. Применение знаний о медиации и медиативных навыков судьями (судей в отставке), работниками аппарата суда, содействует совершенствованию качества и повышению эффективности их работы, является важным фактором обеспечения высокого уровня профессионализма работников судебной системы. Процедура медиации позволяет учесть те важные для сторон аспекты спора, которые в силу объективных причин не могут быть рассмотрены судом.

Литература:

1. Федеральный закон от 27.07.2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Российская газета, 30.07.2010, № 168.
2. Борисова, Е. А. Альтернативное разрешение споров: Учебник / Под А58 ред. Е. А. Борисовой. М.: Издательский Дом «Городец», 2019—416 с.
3. Брук, Г. Навязывать медиацию не стоит // Медиация и право. 2009. № 4
4. Шихата, И. Правовая реформа. Теория и практика: Учебное пособие / Пер. с англ.; под ред. Н. Г. Дорониной. М., 1998. с. 50—51

5. Эрvasti, К. Судебная медиация в Финляндии: законодательство и практика применения // Сборник материалов III Международной научной практической конференции «Практика медиации в России: проблемы, трудности решения» / Отв. ред. И. И. Марков, С. К. Загайнова. с. 44

Развитие договора коммерческой концессии в РФ

Панов Юрий Александрович, студент

Кемеровский институт (филиал) Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова

В статье рассматривается понятие договора коммерческой концессии, законодательная трактовка договора коммерческой концессии, изменения в законодательстве касаются договора коммерческой концессии.

Ключевые слова: гражданское право, договор коммерческой концессии, исключительные права, франчайзинговые отношения, франшиза.

Договор коммерческой концессии в гражданском праве, как и любой другой договор, определяется как сделка, в которой достигается соглашение между сторонами (именуемыми как правообладатель и пользователь), с целью передачи для дальнейшего использования комплекса исключительных прав.

Как только появилась первая трактовка договора коммерческой концессии в Гражданском Кодексе РФ, она представляла из себя следующее: «по договору коммерческой концессии одна сторона (правообладатель) обязуется предоставить другой стороне (пользователю) за вознаграждение на срок или без указания срока право использовать в предпринимательской деятельности пользователя комплекс исключительных прав, принадлежащих правообладателю, в том числе право на фирменное наименование и (или) коммерческое обозначение правообладателя, на охраняемую коммерческую информацию, а также на другие предусмотренные договором объекты исключительных прав — товарный знак, знак обслуживания и т. д.». [1, с. 410].

Следующие изменения были внесены в 2008 году и касались непосредственно самого определения договора: «по договору коммерческой концессии одна сторона (правообладатель) обязуется предоставить другой стороне (пользователю) за вознаграждение на срок или без указания срока право использовать в предпринимательской деятельности пользователя комплекс принадлежащих правообладателю исключительных прав, включающий право на товарный знак, знак обслуживания, а также права на другие предусмотренные договором объекты исключительных прав, в частности на коммерческое обозначение, секрет производства (ноу-хау)» [1, с. 931].

Причиной изменений послужило расширение объектов, представление которых по договору коммерческой концессии допускалось в связи с тем, что они получили законодательное закрепление, соответственно в определение договора были закреплены такие понятия как коммерческое обозначение и секрет производства (ноу-хау). Так же можно заметить, что из перечня был исключен

такой объект как фирменное наименование, причиной этому послужило изменение понимания их юридической природы. По сути, фирменное наименование стало аналогом имени физического лица, которая состояла из определенного перечня взаимосвязанных элементов (направление деятельности, организационно-правовая форма, индивидуализирующие элементы и т. д.).

Одним из наиболее необходимых законодательных преобразований является внесение поправок в гражданское законодательство, связанных с расхождением с антимонопольным законодательством. Так, в соответствии с соответствием со ст. 12 Федерального закона N 135-ФЗ «О защите конкуренции» с июля 2009 г. разрешалось координировать цены внутри франчайзинговой сети, а ст. 1033 ГК РФ напрямую указывала на ничтожность условий договора, в силу которых правообладатель приобретал право определять цену продажи товара пользователем или цену работ (услуг), выполняемых (оказываемых) пользователем, либо устанавливать максимальные и минимальные размеры.

Данные Федеральной службы по интеллектуальной собственности говорят о том, что в год регистрировалось менее тысячи договоров коммерческой концессии, тогда как деле количество предприятий, осуществляющих предпринимательскую деятельность в рамках договора коммерческой концессии, было во много раз больше [4].

Таблица 1. Отчет Федеральной службы по интеллектуальной собственности о регистрации договоров коммерческой концессии.

Год регистрации	Количество зарегистрированных договоров
2006 г.	306 договоров коммерческой концессии
2007 г.	401 договор коммерческой концессии
2008 г.	519 договоров коммерческой концессии

Именно поэтому в 2011 году в законодательство были внесены изменения, которые отныне запрещают пользо-

вателю и правообладателю конкурировать друг с другом на закрепленной за ними территориях. Это означало, что теперь правообладатель лишается возможности передавать другим лицам аналогичные комплексы исключительных прав для их использования на закрепленной за пользователем территории. Правообладатель должен воздерживаться от собственной аналогичной деятельности на этой территории. Что касается пользователя, то он более не может конкурировать с правообладателем на территории действия договора в отношении предпринимательской деятельности, осуществляемой пользователем с использованием принадлежащих правообладателю исключительных прав.

Возможность правообладателя устанавливать стоимость товаров, ее нижние и верхние пределы, не может быть однозначно оценена. С одной стороны, нарушениями оказываются меры по установлению здоровой ценовой конкуренции на рынке, независимости контрагентов, с другой — франчайзинговые предприятия в глазах потребителей представляются тождественными, отсюда закономерные ожидания равного для всех потребителей качества и уровня цен. Если учесть, что пользователь должен обеспечить одинаковое качество своей продукции и не должен создавать своими действиями конкуренцию в рамках франшизной сети, то возможность подобного регулирования себя оправдывает. С другой стороны, представляется логичным, что правообладатель не вправе влиять на ценовую политику пользователя, поскольку это вытекает из необходимости устранения конкуренции между участниками договора коммерческой концессии, чем и были мотивированы изменения законодательства.

Также было установлено:

— обязательство пользователя реализовывать произведенные товары, выполнять работы или оказывать услуги с использованием принадлежащих правообладателю исключительных прав по установленным ценам. Кроме того, пользователь обязуется не осуществлять реализацию аналогичных товаров, выполнение аналогичных работ или оказание аналогичных услуг с использованием товарных знаков или коммерческих обозначений других правообладателей;

— обязательство продавать товары, выполнять работы или оказывать услуги в пределах территории, определенной с правообладателем;

— обязательство согласовывать с правообладателем место расположения используемых коммерческих помещений, характер их назначения, а также их оформление.

Одним из факторов, оказавшим положительное влияние на развитие франчайзинговых отношений на потребительском рынке России в 2011 году стало включение грантов (субсидий) на приобретение франшизы в программы развития малого и среднего предпринимательства. В качестве доказательства данного суждения Панюкова В.В. приводит такой пример, что в программе развития малого и среднего предпринимательства в

Санкт-Петербурге в период с 2012 по 2015 года была предусмотрена специальная программа по реализации субсидированных затрат связанных с приобретением франшизы по договору коммерческой концессии. Данная программа несла в себе цель повышения конкурентоспособности между субъектами малого предпринимательства и начинающих субъектов малого предпринимательства за счет снижения затрат последних на создание собственного бизнеса [5].

Законодательство и правоприменительная практика, верно ориентируют предпринимателей в сторону добросовестного исполнения принятых на себя обязательств, что находит свое отражение в снижении юридических возможностей прекращения отношений, взыскания убытков или неосновательного обогащения под формальными предлогами. Так, суды указывают, что исполнение договора, противоречащее некоторым из его условий, не является существенными, свидетельствует об одобрении своими действиями их изменения, что также является фактором, предотвращающим недобросовестное поведение сторон. В то же время в рамках каждой договорной конструкции формируется собственная правоприменительная практика, особенности которой обуславливаются спецификой правового регулирования отношений, связанных с осуществлением конкретных сделок. Оптимальный вариант предотвращения конфликтов — надлежащее исполнение обязательств обеими сторонами, что естественно встречается в практике не всегда. Именно поэтому существует необходимость осведомленности об особенностях исполнения обязательств, возникающих из договора коммерческой концессии.

Обязанности правообладателя регламентированы в ст. 1031 ГК РФ, их перечень носит открытый характер. Прежде всего, правообладатель обязан передать пользователю техническую и коммерческую документацию, а также иную информацию, связанную с осуществлением определенной деятельности. Сюда относится и обязанности по инструктированию контрагента и его подчиненных по вопросам, связанным с передачей комплекса исключительных прав. Это правило императивно, следовательно, при неисполнении данного обязательства пользователь обладает вескими основаниями для одностороннего отказа от исполнения договора и взыскания с правообладателя неосновательного обогащения.

Несмотря на это, не стоит абсолютизировать роль правообладателя в части оказания содействия в предоставлении экономической и коммерческой информации, потому как договор коммерческой концессии, прежде всего, основывается на инициативе предпринимателей, заинтересованных в осуществлении выгодного экономического сотрудничества, что опосредует активность пользователя в изучении собственных локальных рынков его сферы деятельности [2].

Интересный момент в части регулирования ГК РФ вопроса о форме передачи информации, указ факта, из чего можно сделать вывод, что законодатель для предот-

вращения разногласий избрал форму диспозитивного урегулирования данного вопроса [3]. Очевидно, что наиболее остро данный вопрос встает при расторжении договора, когда необходимо точно знать, в каком объеме подлежит возврату пакет документов, переданных пользователю. Ведь среди подобных документов может быть, например, удостоверенный правообладателем сертификат, свидетельство, подтверждающие использование объекта исключительного права перед клиентами пользователя.

Отсутствие фактора защиты от незаконного использования различного рода конфиденциальной и иной охраня-

емой информации ввиду возможностей современных технических средств, наряду с отсутствием предоставления преддоговорной информации потенциальному пользователю, является существенной причиной ограничения полноценного широкого сотрудничества, а также помощи и открытости информации со стороны правообладателя.

Подводя итог анализируя такие изменения можно сделать вывод, о что нормы Федерального закона от 18.07.2011 N 216-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Гражданского кодекса Российской Федерации» носят важный характер для улучшения отношений, возникающих из договора коммерческой концессии.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (в ред. от 23.05.2018 N 116-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5.
2. Воробьев, Л. Ю. Ноу-хау в договоре франчайзинга (коммерческой концессии) [Электронный ресурс] // Информационное право. 2009. № 3 Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации в 2 т. Т. 1 [Электронный ресурс] / под ред. Т. Е. Абовой, А. Ю. Кабалкина — М.: Юрайт, 2011. с. 775. Доступ из Правовой справочно-информационной системы «Гарант».
4. Нуралиев, Б. Г. Изменение Гражданского кодекса в области коммерческой концессии [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ru.rusfranch.ru/activities/our_achievements/projects/1238/ (дата обращения 30.04.2020 г.).
5. Панюкова, В. В. «Уверенные шаги франчайзинга в России» // Торговое право. 2012. N 3. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 18 (308) / 2020

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Номер подписан в печать 13.05.2020. Дата выхода в свет: 20.05.2020.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.